

РАБИН ДАРАНАТ ТАГОР

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»**

РАБИНДРАНАТ ТАГОР

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

**В ДВЕНАДЦАТИ
ТОМАХ**

*Под редакцией Евг. Быковой,
А. Гнатюка-Данильчука, Б. Карпушкина,
В. Новиковой*

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Москва 1964**

РАБИНДРАНАТ ТАГОР

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ СЕДЬМОЙ

СТИХИ

ПЬЕСЫ

Перевод с бенгальского

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Москва 1964

Редакторы переводов
В. Новикова, С. Шервинский

Комментарии
Э. Комарова

Оформление художника
Н. Крылова

СТИХИ

1916 — 1932

ИЗ КНИГИ
«ЖУРАВЛИ»
(«Болака»)
1916

ЮНОЕ ПЛЕМЯ

О юное, о дерзостное племя,
Всегда в мечтах, в безумных снах;
Борясь с отжившим, обгоняешь время.
В кровавый час зари в краю родном
Пушай толкует каждый о своем, —
Все доводы презрев, в пылу хмельном,
Лети в простор, сомнений сбросив бремя!
Расти, о буйное земное племя!

Качает клетку ветер неумный.
Но пуст наш дом, безмолвно в нем.
Все неподвижно в комнате укромной.
На жерди птица дряхлая сидит,
Опущен хвост, и плотно клюв закрыт,
Недвижная, как изваянье, спит;
В ее тюрьме остановилось время.
Расти, упорное земное племя!

Слепцы не видят, что весна в природе:

Река ревет, плотину рвет,

И волны разгулялись на свободе.

Но дремлют дети косные земли

И не хотят идти пешком в пыли, —

На ковриках сидят, в себя ушли;

Безмолвствуют, прикрыв от солнца темя.

Расти, тревожное земное племя!

Среди отставших вспыхнет возмущенье.

Лучи весны разгонят сны.

«Что за напасть!» — вскричат они

в смятенье.

Их поразит удар могучий твой.

С кровати вскочат, в ярости слепой,

Вооружившись, устремятся в бой.

Сразится правда с ложью, солнце с темью.

Расти, могучее земное племя!

Алтарь богини рабства перед нами.

Но час пробьет — и он падет!

Безумье, вторгнись, все сметая в храме!

Взовьется стяг, промчится вихрь кругом,

Твой смех расколет небеса, как гром.

Разбей сосуд ошибок — все, что в нем,

Возьми себе — о радостное бремя!

Расти, земное дерзостное племя!

От мира отрешась, свободным стану!

Передо мной простор открой,

Вперед идти я буду неустанно.

Немало ждет меня преград, скорбей,

И сердце мечется в груди моей.

Дай твердость мне, сомнения развей, —

Пусть книжник в путь отправится со всеми,

Расти, о вольное земное племя!

О юность вечная, всегда будь с нами!

Сбрось прах веков и ржавь оков!

Мир засевай бессмертья семенами!

В грозowych тучах ярых молний рой,

Зеленым хмелем полон мир земной,
И ты возложишь на меня весной
Гирлянду бокула, — уж близко время
Расти, бессмертное земное племя!

В С Е У Н И Ч Т О Ж Е Н И Е

Везде царит последняя беда.
Весь мир она наполнила рыданием,
Все затопила, как водой, страданием.
И молния средь туч — как борозда.
На дальнем берегу смолкнуть гром не хочет,
Безумец дикий вновь и вновь хохочет,
Безудержно, не ведая стыда.
Везде царит последняя беда.

Разгулом смерти жизнь пьяна теперь,
Миг наступил — и ты себя проверь.
Дари ей все, отдай ей все подряд,
И не смотри в отчаянье назад,
И ничего уж больше не таи,
Склоняясь головою до земли.
Покоя не осталось и следа.
Везде царит последняя беда.

Дорогу должно выбрать нам сейчас:
У ложа твоего огонь погас,
В крошечном мраке затерялся дом,
Ворвалась буря внутрь, бушует в нем,
Строенье потрясает до основ.
Неужто ты не слышишь громкий зов
Твоей страны, плывущей в никуда?
Везде царит последняя беда.

Стыдись! И прекрати ненужный плач!
От ужаса лицо свое не прячь!
Не надвигай край сари на глаза.
Из-за чего в душе твоей гроза?
Еще твои ворота на запоре?
Ломай замок! Уйди! Исчезнут вскоре
И радости и скорби навсегда.
Везде царит последняя беда.

Ужель твой голос скроет ликование?
Неужто в пляске, в грозном колыханье
Браслетам на ногах не зазвучать?
Игра, которой носишь ты печать, —
Сама судьба. Забудь, что было прежде
В кроваво-красной приходи одежде,
Как ты пришла невестою тогда.
Везде, везде — последняя беда.

К Л И Ч

Не сможет вспять нас повернуть
Никто и никогда.
А тех, кто преградит нам путь,
Несчастье ждет, беда.
Мы пути рвем. Вперед, вперед —
Сквозь зной, сквозь холод непогод!
А тем, кто сети нам плетет,
Самим попасть туда.
Беда их ждет, беда.

То Шивы клич. Вдали поет
Его призывный рог.
Зовет полдневный небосвод
И тысяча дорог.
С душой сливается простор,
Лучи пьянят, и гневен взор.
А тех, кто любит сумрак нор,
Лучи страшат всегда.
Беда их ждет, беда.

Все покорим — и высь вершин,
И океан любой.
О, не робей! Ты не один,
Друзья всегда с тобой.

А тем, кого терзает страх,
Кто в одиночестве зачах,
Остаться в четырех стенах
На долгие года.
Беда их ждет, беда.

Очнется Шива. Протрубит.
Взлетит наш стяг в простор.
Преграды рухнут. Путь открыт.
Закончен давний спор.
Пусть взбитый океан кипит
И нас бессмертьем одарит.
А тем, кто смерть, как бога, чтит,
Не миновать суда!
Беда их ждет, беда.

ТРУБА

Твоя труба лежит в пыли,
И не поднять мне глаз.
Стих ветер, свет погас вдали.
Пришел несчастья час!
Зовет борьба борцов на бой,
Певцам приказывает — пой!
Путь выбирай быстрее свой!
Повсюду ждет судьба.
Валяется в пыли густой
Бесстрашия труба.

Под вечер шел в молельню я,
Прижав цветы к груди.
Хотел от бури бытия
Надежный кров найти.
От ран на сердце — изнемог.
И думал, что настанет срок,
И смоем грязь с меня поток,
И стану чистым я...
Но поперек моих дорог
Легла труба твоя.

Свет вспыхнул, озарив алтарь,
Алтарь и темноту.
Гирлянду тубероз, как встарь,
Сейчас богам сплету.

Отныне давнюю войну
Окончу, встречу тишину.
Быть может, небу долг верну...
 Но вновь зовет (в раба
В минуту превратив одну)
 Безмолвная труба.

Волшебным камнем юных лет
 Коснись меня скорей!
Пускай, ликуя, льет свой свет
 Восторг души моей!
Грудь мрака черного пронзив,
Бросая в небеса призыв,
Бездонный ужас пробудив
 В краю, что тьмой одет,
Пусть ратный пропоет мотив
 Труба твоих побед!

И знаю, знаю я, что сон
 От глаз моих уйдет.
В груди — как в месяце срабон —
 Ревут потоки вод.
На зов мой кто-то прибежит,
Заплачет кто-нибудь навзрыд,
Ночное ложе задрожит —
 Ужасная судьба!
Сегодня в радости звучит
 Великая труба.

Покая я хотел просить,
 Нашел один позор.
Надень, чтоб тело все закрыть,
 Доспехи с этих пор.
Пусть новый день грозит бедой,
Останусь я самим собой.
Пусть горя, данного тобой,
 Наступит торжество.
И буду я навек с трубой
 Бесстрашья твоего!

ЧЕРЕЗ МОРЕ

Через море ночью бурной правит неустанно
Смелый кормчий мой,
Мачту гнет и треплет парус ярость урагана
Над его ладьей.

Небо разум потеряло в страхе небывалом
И на волны моря пало черным покрывалом;
Грохоча, рыча, как звери, ходят волны-горы
В темноте ночной;

Для чего ж оставил берег ты в такую пору,
Смелый кормчий мой?

Этой ночью в бурю смело, всем пренебрегая,
Вышел кормчий мой;
Еле виден парус белый в темноте без края
Над его ладьей.

Словно на свиданье, мчится к пристани
незримой, —

Где сумеет он укрыться, бурею гонимый?
На каком дворе светильник для него засветят
Полночью глухой?

С ним и слабый станет сильным. Но кого же
встретит
Смелый кормчий мой?

**Р. Тароп в Праге
(1921)**

Что найдет во тьме крошечной он за морем
пенным, —

Там, в чужом краю?

Может, с грудями сокровищ, с грузом драгоценным
Гонит он ладью?

Нет, в ладье не изумруды, не алмазов слезы —
Лишь душистая гирлянда белой туберозы.

С грустной песней и цветами он вперед стремится
Ночью грозовой,
Но кому венок наденет, лишь блеснет денница,
Юный кормчий мой? -

Жил у моря, вдруг нежданно позвала тревога:
Кто-то верит, ждет!

Подчинился он, не споря, канул в ночь с порога
И плывет, плывет...

Правит к дому он, где в щели ветер задувает,
Кудри жесткие шевелит, слез не осушает,
Там светильник чуть мерцает, по стенам качая
Тени чередой...

К ней, неведомой, вызывает, зову отвечая,
Смелый кормчий мой.

Волны круче, путь — не близкий, ураган все злее,
Кормчий одинок,

Ветер хлещет, ночь все длится, небо не светлест,
Берег так далек!

И пускай его не встретит гром трубы победной,
Он войдет, и станет светел дом угрюмый, бедный,
Тьму рассеет, страх развеет, исцелит печали,
Радость бытия

Возродить в душе сумеет кормчий мой,

когда причалит

К берегу ладья.

П О Р Т Р Е Т

Исужели ты только портрет, написанный на холсте?
Вон те туманности в высоте,
Чей хоровод
Образует небесный свод;
И пугтики мрака, что вдалеке
Бредут день и ночь со светильниками в руке
Бесконечною вереницей солнц, и звезд,
и планет, —
Существуют. Неужто они реальней тебя?
Неужто ты только портрет, портрет?

Почему ты стоишь неподвижно? — Вся вселенная
вечно в пути.
Долг твой — со странниками идти;
О застывшая, объясни,
Почему, и ночи и дни
Пребывая средь нас, ты так от нас далека
На женской своей половине, где все
недвижимо века?
Ветер, что щедро радости дарит,
Срывает с земли ее серое сари,
Красную пыль поднимая воздушными
взмахами рук.
Вдовый наряд ни к чему в весеннем угаре,
Суровых обетов земли размыкается круг,
И красным пачертанные письма по телу се
проступают вдруг,

Весною, в час пробужденья,
Вещественны вихрей цветных круженья;
И шорохи трав,
Что, под ноги мира себя разостлав,
Не стихают, — в живущем покоя нет.
Но ты спокойна, ведь ты портрет,
Ты только портрет.

Вместе со всеми ты некогда вышла в путь,
Дыханье вздымало грудь,
Душа твоя каждой частицей
С песней и танцем хотела слиться.
Бывало,

Новые ритмы ты создавала,
С ритмом вселенной звучащие в лад.
Но все прошло столько лет назад!
И после — прекрасного много было
На земле, и на небе, и в мире мечты, —
Нигде ты кисточкой красоты
Образ любви начертать не забыла,
В тот миг, когда стала, явившись с рассветом,
Воплощеньем Сарасвати в мире этом.

Вместе мы шли по дороге,
Но ты
Остановилась среди темноты,
А я сквозь радости и тревоги
День и ночь продолжал идти
По нескончаемому пути.

В океане небесном приливы мрака и света
Сменялись отливами,
А по обочинам где-то

Шагами немymi и неторопливыми
Шли толпы цветов различного цвета.
Тысячи струек потока жизни журчали,
Звоня в бубенчики смерти. Но без печали,
Под голос мелодии незнакомой,
Я шел вперед и вперед, влекомый
Любовью к дороге,
А ты не пошла по дороге,
Оглянувшись устало
И стоишь там, где стала.

Здесь травы и пыль, там солнце, звезды, луна, —
Но за тем и другим только ты, только
ты одна...

Ты портрет, ты всего лишь портрет.

Но что за вздор говорит поэт!
Ты портрет?

О нет, ты не только портрет.
Кто смеет сказать, что ты мертвых штрихов сочетанье
В безмолвном рыданье?

Ведь если бы радость эта застыла,
Эта река
Свой бег укротила,
И облака

Стерли б ответ зари золотой,
Ведь если бы тень блестящей, густой
Смоли волос твоих мир потерял однажды,
То

Каждый

Куст жасмина, одетый цветения пепой,
Шелестящий под ветром, стал бы мгновенно
Сном, обратился в ничто.

Разве возможно забыть тебя?

Ты в моем сердце — в источнике жизни, и я
Тебя потому лишь не замечаю.

Разве, когда, полон дум, я бреду по дороге,
я замечаю цветы?

Разве я замечаю звезды, глядящие с высоты?

Но дыхание жизни, что вечно душой
ощущаю,

Сладостным делают лишь они,
Наполняют мелодией лишь они пустые забвения дни.
Не замечать — не значит забыть.

Ты, в сердце моем поселясь,
Воскресила извечную связь.

В глазах — не перед глазами ты.

Я по воле мечты

Вижу тебя в листве — изумрудную, а в небесах
голубую.

Все мое существо —
Отражение твоего.

Напев твой в песню мою любую
Вплетается тайно, любовью согрет, —
Поэзия ты — если я поэт.

Нет, ты не портрет, ты не только портрет.

Мне когда-то тебя показал рассвет,
Потом в темноте потерял я тебя

И снова нашел в душе у себя.

Нет, ты не портрет, не портрет.

ШАХ ДЖАХАН

О повелитель Шах Джахан, прославивший Восток,
Ты знал, что золото и жизнь уносит времени
поток,

И захотел запечатлеть печаль своей утраты.

Твои желания — закон, веленья святы...

И власть разящая, как гром, исчезнет все равно,

Пусть померкнет блеск ее с закатом заодно,

Но безутешная печаль переживет века.

Она на ясный небосвод навесит облака.

Ее не может поглотить забвения река.

Алмазов и рубинов красота,

Как семицветной радуги цвета,

Исчезнет, расточится во вселенной,

Зато останется нетленной

На лике времени, как ты мечтал,

Слеза твоя — сияющий кристалл —

Твой Тадж Махал.

О сердце! Неустанно бьешься ты;

Ни на мгновенье

Не остановишься, всегда в смятенье

И не оглянешься средь вечной суеты,

О нет!

В потоке времени теряется твой след.

Плывешь от берега до берега другого,

Тут груз берешь, а там сгружаешь снова.

В дыханье южных ветерков

Колеблется цветущий кров,

Полураспущены бутоны,
Весь сад колышется зеленый,
Как сари шелковый подол.
Но вянут мадхоби — прощанья час пришел.
Нет времени, лишь миг один,
Так пусть распухнет жасмин
Для новой радости твоей
Среди прозрачных, ясных дней.
О сердце, тайные мечты,
Все то, что накопило ты,
Все бросишь у немой черты
Необоримой темноты.
Нет времени. Летит оно.
Таишь, Владыка, ты желание одно:
Похитить сердце времени, украсть,
Насытив восхищеньем всласть,
Пленить нетленной красотой...
Обвив гирляндой роз густой,
Безликой смерти подарить прекрасный лик.
Нет, нет

Досуга для печали.
Вся жизнь твоя — короткий миг.
И сетью оплело молчанье
Твои рыданья, стоны, крик.
Но лунной ночью, в белом храме
Назвал ты с горькими слезами
Любимой имя. Этот зов
Звенит еще в ушах веков.
Любви тоскующая нежность
Раскрылась в красоте цветов,
И мраморная белоснежность
Навек таит ее, без слов.
О, Шах Джахан, какое волшебство —
Ты создал слепок сердца своего!
Оно, как новый Облак-вестник,
В невиданных доселе ритмах песни,
Встает навстречу красоте незримой —
С тобою разлученною любимой, —
Там, где ее земная красота
Распалась на лучи и на цвета,
Смешалась с бледным золотом рассвета,

С игрой бесплотного жасмина в полнолуние,
С закатом утомленным, знойным летом.
На берегу, безмолвнем воспетом,
Где белый мрамор излучает свет —
 Посланец твой, сквозь сотни лет,
Несет любви неугасимый пыл:
 Любимая, я не забыл!

Давно ушел ты, Шах Джахан, за небосклон,
Исчезла власть твоя, как смутный сон,

 Повержен трон —
Перешагнул ты. Шах Джахан, черту времен!

Войска твои грозою были,
Они вздымали клубы пыли,
А нынче и следы их пог
Затеряны в пыли дорог.
Смолк нообот, и ночью луной
Не зазвучит он над Джамуной.
Давно благоговейно тут
Хвалебных гимнов не поют.
Браслеты больше не звенят
В углах разрушенных дворцов,
И только голосом цикад,
Тоскуя, плачет ночь, без слов.
Но беломраморный твой Вестник,
Как музыка безмолвной песни,
Презрев крушение, возвышение
И жизни вечное движение,
Из века в век, из года в год
 Одну и ту же весть несет:
 Любимая, я не забыл!

Лжец говорит, что не забудет никогда,
Что не рассеют мрак отчаянья года,
Что дверца памяти закрыта, как вначале,
И что незыблем храм печали.

 Незыблем Тадж Махал,
Останется стоять он, как стоял,
В земной пыли останется, как был —
Покровом памяти он смерть укрыл.
Но кто удержит жизнь? Ее зовет

Сияньем звезд далеких небосвод,
Ее зовут миры, и, разрывая
Оковы памяти, уносится живая
Та жизнь, уже не помнящая тлена,
И — вольная — кружит по всей вселенной...
О Шах Джахан, бессилен царский трон,
Тебя вовеки не удержит он;
И мир безбрежный, словно океан,
Мал для тебя, великий Шах Джахан!
Поэтому, кончая пир земной,
Жизнь оттолкни, ты в мир идешь иной,
Отбрось ее, как глиняный сосуд,
Ты превзошел свои деянья тут!
Ты на земле оставил славный след,
Остался след, но Шах Джахана нет!
И Тадж Махал, который ты воздвиг,
Тебя не удержал бы и на миг.
Земной любви великолепный трон
Тобой забыт, покрылся пылью он
И только запылил твои ступни,
Пыль отряхни и праху — прах верни!
Вот на следы твоих усталых ног,
На те следы, что сохранило время,
Однажды, в неизвестный людям срок,
Упало из гирлянды жизни семя.
Далек ты, но поднялся из него
Заветный стебель — жизни торжество.
Он тянется в родное поднебесье
И жалуется нам в печальной песне:
 Как далеко я ни гляжу,
 Но странника не нахожу.
 Любовь его не удержала,
 Не удержал и трон,
Сквозь океаны и моря идет все дальше он.
Бессмертной жизни колесница
По зову ночи дальше, дальше мчится —
 Под звездный звон...
 Ее манит рассвет.
Меня терзает боль воспоминаний:
Его, великого, здесь нет,
 И плачу я о Шах Джахане.

БЕСПОКОЙНАЯ

Ты катишь, о великая река,
Бесшумные невидимые воды.
Средь ровной бесконечности природы,
Не прекращаясь, мчишь через века.
Твое течение, скрытое от взора,
Ударами могучего напора
Волнует дали твоего простора.
Весь в гневных тучах плачет небосвод.
Свет резких вспышек, льющихся потоком,
Во мраке зарождается глубоко
И по орбитам к гибели идет,
Вращаясь вереницей неизменной,
Порядок солнц и лун и звезд вселенной,
Как пузыри поверх пучины пенной.

Жизнь навсегда отринута тобой.
Бредешь без цели — и твоё движение
Как будто слов лишившееся пенье.
Иль это беспрестанно отклик свой
Даль посылает, слышимый все сильнее?
Ты оставляешь дом для встречи с нею.
И ожерелье у тебя на шее,
Чуть ты завидишь дали тайный знак,
Трепещет, звезд жемчужины роняя.
Седую гриву треплет буря злая
Средь пустоты, и накрывает мрак.

Как серьги, в небе молнии мерцают.
Края одежды над землей летают
И над травой дрожащей затихают
Иль в роще, задевая за листы.
И вновь кружатся, устремляясь вниз,
Жасмин, полаш, и бокул, и сирис —
Зимы, весны и осени цветы —
И остаются на твоём пути.
Лети, лети, лети вперед, лети,
Неистово, стремительно лети!
Все, что несешь ты, выпусти из рук.
Освободись от самой малой клади.
Не помни об оставленной отраде.
Тебя минуют горе и испуг.
Трать радостно, что скоплено смиренно.

Была полна — становишься мгновенно
Совсем пустою. Ты всегда священна.
Стопой земли касаешься, и грязь
Под нею черноту свою теряет
И смерть в мгновенье ока исчезает,
В мгновенье ока жизнью становясь.
Когда же ты на миг какой-то малый
Внезапно остановишься устало,
Мир задрожит в тревоге небывалой,
Взметнувшись ввысь грядой огромных гор.
И все вокруг под непроглядной тьмою —
Под тварью коченеющей, немой —
Исчезнет, будто до небес забор
Встал пред идущим, ужасом объатым.
И тяжестью своей мельчайший атом,
Сокровища презрев, глумясь над златом,
Копьем греха, что боль в себе таит,
Готовым для смертельного удара,
Вонзится в сердце неба.

О апсара,
Прекрасен твой от взгляда скрытый вид!
Неутомимо пляшешь, танцовщица.
И танца твоего поток струится,
И жизни мира каждую частицу

Водою смерти очищает он
И небо раздвигает синевую.

Поэт, сегодня властвует тобою
Поющих браслетов жизни громкий звон;
И танца беспричинное движенье
Вливает в жилы буйное волнение,
Грудь наполняя звуками сраженья.
Никто не знает, что в груди твоей
Сегодня разошлись морские волны,
Леса дрожат, своим волнением полны.
И те слова становятся ясней:

Я прихожу из века в век,
Тишайшая среди тихих рек.
Меня влечет мой вечный бег
От встречи с образом к разлуке
И от одной души к другой,
Когда редет мрак ночной,
Ту малость, что держали руки,
В дар тотчас превращаю я,
И песня слышится моя.

О, посмотри: дрожит ладья
Среди шумящего течения.
Оставь на берегу свой груз,
Освободись от прежних уз.
Несись в неистовом стремлении.
И у потока на груди
Во тьму бездонную сойди —
К сиянию света впереди.

ТАДЖ МАХАЛ

Кто вдохнул в тебя жизнь,
Белый мрамор, скажи,
Кто бессмертье тебе даровал,
Тадж Махал?
Уходя в небосвод,
Помнишь ты и земные сны.
Овевает тебя что ни год
Вздых прощальный весны.
На свиданьях, в полуночный час,
Видел ты влюбленных не раз.
Сколько песен и слез
В тусклом свете лилось!
Ты запомнил их навсегда.
Не сотрет их дней череда
И года.

Властелин Шах Джахан,
Из печали разлуки
Ты жемчужину вынул,
Миру кинул
В простертые руки...
Возле белого Таджа
Не стоит уже стража,
Света десять сторон,
Голубой небосклон
Видит он.

И лучи при свиданье
Дарит храму восход,
А при грустном прощанье
Тихий отблеск страданья
Лунный свет придает.
Расцвела красотой
Любовь Шах Джахана,
И бесплотная память
В ней плоть обрела,
Прорвала, словно солнце, завесу тумана
И любовь Шах Джахана
Со вселенской слила.
И короной Мумтаз Бегум увенчала
Всех возлюбленных жен
На века и века,
Это память любви к ней короновала
И жену махараджи,
И жену бедняка.

Но душа Шах Джахана
И трон Шах Джахана
Скрыты мглою тумана.
Только белого мрамора скрыть ей невмочь.
Поколение за поколеньем
Окружают его поклоненьем
День и ночь.

ПОДАРОК

О любимая, чем же тебя одарю,
Встречая зарю?
Не рассветною ль песней? Но солнце все горячей,
И заря угасает от жгучих его лучей.
Жаркий ветер повеял, колебля
Рдяный венчик ее на дрожащем стебле,
Лепестки осыпаются, ослабев,
Замирает напев.

О подруга, чего же ты ждешь от меня,
Подойдя к моей двери на склоне дня?
Какой подарок тебе вручу?
Не вечернюю ль эту свечу?
Но се огонек еле-еле мерцает сквозь мглу
В одиноком моем углу.
Ты хотела бы людям сияющий свет нести,
Но чтоб выдержать ветер — где силы ему найти!
Он угаснет в пути.

Что ж тебе подарить?
Может быть, самоцветы, нанизанные на нить?
Но зачем же тебе терпеть мученье тенет,
Ожерелья гнет?
Скоро ль — нет, а настанет мгновение это,
Когда разорвется нить, рассыплются самоцветы,
И ладони твои
Их тяжелой струи

Не сумеют сдержать второпях, —
Мой подарок исчезнет в пыли, обратится в прах.
Не лучше ль, когда, не загадывая ни о чем,
Бродя одиноко в цветущем саду моем,
Затрепещешь ты от душистого дуновенья,
Замрешь на мгновенье,
И этот печальный дар живой
Будет навеки твой.
Блуждая в садах, мой прекрасный друг,
Очарованно глядя вокруг,
Ты заметишь вдруг,
Как выскользнет луч из вечерней зари, —
Посмотри на него, посмотри, —
Он коснется мечтаний твоих трепетом тайных чар...
Бери этот дар, мой печальный дар,
Бери...

Богатство мое в зарницах, мерцающих ночью
и денно.
Оно возникает мгновенно, исчезает мгновенно.
У него названия нет, но запомни его приметы, —
Воздух вдруг запоеет, зазвонят на ногах браслеты...
Я и сам не знаю к сокровищнице пути,
Руками ее не взять, словам до нее не дойти.
Так возьми же сама, что сочтешь ты всего
желанней,
Всего чудесней, —
Тем дороже подарок, чем он неожиданней,
Чем неизвестней,
Как дуновенье благоуханья, —
Цветок или песня...

с у д

О мой Пресветлый!
Когда несметной,
Разгоряченную толпой,
Вздымая пыль клубами за собой,
Проходят нечестивцы мимо
И загрязняют лик прекрасный твой,
Душа скорбит, и боль неисцелима.

В слезах я говорю:
«Прекрасный мой!
Возьми свой жезл и стань судьей!»
Но что я зрю?

Врата суда открыты день и ночь,
Вершится суд всегда, и день и ночь,
По даже первые лучи рассветов ясных
Не гасят блеска глаз кроваво-красных,
И даже лотосов благоуханье
Не заглушает смрадного дыханья,
А в сумерках, когда отшельник-вечер
Затеplit звезд бесчисленные свечи,
Семь Мудрецов взирают с высоты
На буйный бред в пыли бредущих мимо
Твоей непостижимой доброты;
Душа моя скорбит неудержимо!

Прекрасный мой,
В тиши лесной
Твой правый суд, и в птичьем пенье,
В жужжанье пчел и ветра дуновенье,
В цветах и в трепете листвы весенней,
Над берегом, лобзаемым волной.

О мой любимый!
Неукротимы
В безмерной алчности слепой,
Они крадутся за тобой,
На все готовы,
Чтобы похитить светлые покровы
И скрыть под ними сердца пустоту
И вожделений грязных паготу.
Они любовь попрали, истерзали,
Повергли в прах...
Нет сил терпеть, не вынести печали!
И я к тебе взываю, весь в слезах.
Я говорю: «Любимый мой!
Возьми не жезл, а меч, и будь судьей!»
Но что я зрю?

Над злобой их ты слезы проливаешь,
Как мать детей, прощаешь,
Грудь подставляешь стрелам их мятежным,
На ненависть любовью отвечаешь,
На ярость — взором нежным.
О мой любимый!
Твой суд незримый
В любви, переборовшей все страданья,
И верности, не знающей сомненья,
И в дружбе, что прошла все испытанья,
В ночах разлуки, полных ожидания,
И в трепетных рассветах возвращенья,
Омытых кроткими слезами всепрощенья.

О Рудра, повелитель грома!
Тупую жадностью влекомы,
В твой храм они вошли тайком,
Как воры в дом,
И завладели

Святыней, что хранилась там доселе.
Но с каждым часом ноша все тяжеле,
Гнетет их души тягостным ярмом, —
Они согнулись, сникли, ослабели...
И я, рыдая, говорю с мольбой:
«Прости их, Рудра мой!»
Но что я зрю?!

Снисходишь ты грозой необоримой,
Неудержимой,
Неправедное с них срываешь бремя,
Украденное в ветре развегаешь,
В прах повергаешь,
Карой их прощаешь...
О Рудра мой, ужель настало время?
Да, вижу я теперь: твое прощенье —
Гремящих молний мщенье,
Тьма светопреставленья,
Ливни крови...
Тем милостивей суд, чем он суровей!

ЖАЖДА И УТОЛЕНИЕ

«О, щедрым будь, даров не пожалей!» —
Взывал я в радости, среди скорбей;
И в блеске дня, и в тьме ночей,
Храним тобою,
С мольбою
Без устали взывал: «Даров не пожалей!»
И ты давал, давал, весь век давал.
Порой по каплям благо изливал,
Порою ливнем долгим и упорным,
Весенним половодьем животворным...
Я схватывал, ловил твои дары,
Как в сети, попадал в пылу игры
В твои щедроты.
Прогнав заботы,
Бросал лепивую рукой
В пыль жемчуг твой,
Дарами, как дитя, играя,
Сокровища небрежно попирая...
Но все ж свои дары ты щедро расточал.
Дарами вечно полон твой фиал.
Тяжелый груз твоих щедрот
Меня гнетет.
Я потерял им счет.
Едва шагаю,
Изнемогаю.

Что хочет пищенка-душа, я не пойму.
Но снова прихожу к порогу твоему.
Стою с протянутой рукою.
Чем больше мне дано тобою,
Тем жажда все сильнее.
Что делать с ней?
О время, утиши
Томление моей души!

Возьми меня к себе, возьми, молю!
Когда ж ты просьбу исполнишь мою?
Пустую чашу я всю жизнь с собою
Ношу, томясь от зноя.
Смотрю я вдаль. Дрожит передо мной
Надежды огонек во мгле ночной.
Но гаснет он в мгновенье
При первом дуновенье.
Гирлянду сняв с меня, себя обвей!
Возьми меня, возьми скорей,
Отягощенного дарами —
В просторы, где горит негаснущее пламя!

Л И С Т К И Ю Н О С Т И

В лес, руками зимы раздетый,
Где истины вечной ищут аскеты,
Ворвался ветер, весной опьяненный,
И не затих смущенно,
А смехом наполнил бездонную синь небосклона,
Взбудоражил сумрачных дней покой,
Полный росами и тоской.

То позабытая,
Давняя юность моя,
Случайно подумав о старине,
Отправила добрую весточку мне
Взбалмошной, нежной рукою весны.
Листки были песен неясных полны.

Писала она:
«В царстве вечности ныне одна
Я неизменная —
Юность твоя.
Ожерелья цветочные здесь для меня сплетены,
Соткано сари мое из душистой лесной тишины,
Но я мучусь разлукой с тобой
И под личиной любой
Прихожу в твою явь и в сны —
То южным ветром, то вздохом весны,

**То сиянием глаз, то улыбкой, мелькнувшей вдали,
То звучанием флейт пробудившейся к жизни
 земли.**

Ты должен прийти, —
 Писала она, — приходи! Знаю — ты одряхлел в пути,
 Ты утомлен игрой, —
 Ворота смерти открой
 И выбрось венок увядающий свой.
 Снимают цветы лепестковый наряд, расстаются
 леса с листвою,

Погибают мечты,
Несбывшиеся надежды покрывает пыль суеты...
И только я, я одна —
Юность твоя — прочна и вечна.
По обе стороны жизни я быть с тобою должна, —
Так было, так будет во все времена»,

ПРИКОСПОВЕНИЕ ЛЮБВИ

О Мир! Пока я
Не любил тебя,
Тщетно искали лучи
В ночи
Сокровище вожденное.
Тщетно вселенная
Самозабвенная,
Огонь ожидания затеплив в руке, блуждала одна
по своим просторам.

Но вот появилась моя любовь с голосом сладостным,
с ласковым взором,
И вести помчались во все края —
О том, что цветочное ожерелье сплела она,
нежности не тая,
О том, что, восторга полна,
Улыбнулась тебе она,
И о том, что в тайник души твоей вечной что-то
вложила она тайком, —
Звезды вокруг ее дара нетленным сплелись венком.

Когда недвижна была душа,
Тысячу дел я делал, спеша
За суетный труд получить сполна;
Без сна

Но едва лишь в душе поднялась движенья волна,
Прорвалась туманная пелена,
И рухнула скорбь моя
Под ударами бытия —
С тех пор, разрывая покоя звенья,
Я совершаю обряд омовенья в потоке движенья,
Я насыщаю свои мгновенья амритой движенья,
И юность ушедших дней
Цветет во мне все пышней.

Вот почему, я в пути; я тот,

Кто смотрит только вперед,

И ни мольбы, ни сотни преград

Не могут меня повернуть назад.

Я ведь знаю о смерти и в свой положенный срок

Не дрогну пред тайной ее любви, не забьюсь
в уголок,

Нет, я надену на шею гирлянду юности
вечной,

Свадебную корзину в руки возьму
беспечно

И выброшу остальной

Запас, накопленный мной,

Покоем старческим не дорожа.

О Душа!

Песня движенья ликует, в бескрайном небе кружа.

Эту песню с твоей колесницы пропел вселенский поэт,

Ныне солнце, луна и звезды поют поэту в ответ.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

Я люблю этот мир все глубже, все нежней, —
Этот мир за кругом круг, в потоке дней,
Я окутывал жизнью своей,
И ночь и день
И свет и тень
Наполнялись моим сознанием, — в их сущность мой дух
проник,

И в какой-то миг
Слились в неделимости бытия
И мир мой и жизнь моя, —
Я понял, что жизнь люблю лишь потому,
Что этот мир люблю, принадлежу ему.

Но я умру, по закону естества.
Мои слова
На этом ветру когда-нибудь не прозвучат,
С небесной синью не сольется взгляд,
И сердце не рванется наугад,
Когда заблещет солнечный призыв.

Чело склонив,
Заветною тайною ночь со мной не поделится снова, —
Настанет миг последнего взгляда, последнего слова...

Что мною этот мир любим —
Неоспоримо,
Что должен я расстаться с ним —
Неоспоримо.

Какая-то связь меж тем и этим несомненна,
Иначе вселенной

Не под силу б так долго терпеть со спокойной улыбкой
Жесточайший обман и мириться с горчайшей ошибкой,

А солнечный свет давным бы давно
Почернел, как завядший цветок, и было бы в мире
темно...

С В О Б О Д А

Когда твоя ласковая рука
Касалась моей слегка,
Когда ты приблизил меня,
От страха не видя ни ночи ни дня,
Я думал: как бы не кончилась нежность, не стала
улыбка твоя строга,
Как бы с указанного пути
Без приказанья не сойти —
Не сделать в сторону полшага,
Как бы на шип неприязни твоей не наступила
нога.

Но сегодня свобода возрождена,
Грохочет она
Барабаном бунта веселым
От ударов неласковости твоей по всем городам и селам.
Свобода, свобода! Со мной она ныне —
Сломано древко гордыни,
Цепи сорваны с рук и ног;
Теперь мое право —
Налево, направо
Брать и давать, нет запретных дорог.

Вновь после множества дней
Звучат все сильнее и ясней
Зовущие голоса небес и тверди земной.

Кто дерзнет оскорбленного удержать?
Ветер велел мне из дома бежать, —
Я от вина свободы — хмельной.
Из ночи пустой
Падучей звездой
Я в бездну по воле смерти лечу
И спастись не хочу.

Я туча, в которой таится гроза;
Ветер наполнил ее паруса,
Солнцу велела она убрать с неба корону лучей
золотую,
Самоцветами молний украсила шею свою крутую
И, величьем озарена,
Помчалась одна
По пути своевольной свободы,
Окрасившись пылью от стоп твоих, благословляя
невзгоды.

Только покинув лоно
Женщины истомленной,
Может ребенок увидеть мать.
Сладко мне было во чреве ласки твоей
пребывать,
Но пока я не смог единения нить
оборвать,
Я не мог посмотреть на тебя, любя.
Лишь сегодня, когда рукой бытия
Меня ты отбросил в иные края,
Из боли разрыва родилась зоркость моя,
И наконец лицо твое вижу я.

ДВЕ ЖЕНЩИНЫ

Было мгновенье...

Боги амриту сбивали из океана творенья,

Когда разверзлась волна

И две женщины встали с бездонного ложа сна.

Одна — Урваши, прекрасная, как весна,

Небесная дева, чьему веленью

Покорна любви страна.

Другая — Лакшми, несущая успокоенье,

Матерью мира с его рожденья

И владычицей неба слывет она.

Первой подвижники не нужны,

Огненным смехом вина она наполняет чашу веспы,

Душам, которые ей верны,

Щедро горстями бросает она чуть проспущившийся лепст

цветения,

Полаш темно-красный, и розы весенние,

И песнопения.

Зато вторая умеет путь

К росам слез очищающих повернуть,

К приятным желаньям, доступным вполне,

И, блещущей золотом плодородья, осенней наполненной

тишине.

Она возвращает степенно

К благословенью вселенной,

Сияя доброй улыбкой спокойного очарованья;
Уводит, мудрая бесконечно,
К жизни и смерти: за край мирозданья,
На берег паломничества конечный,
В храм, где служение вечно.

Р А Й

Ты знаешь, брат, где рай? Там нет оград.
Куда ни устремишь ты взгляд,
Пространства нет у рая,
Начала нет и нет конца и края,
Ни дна, ни четырех сторон,
Ни дня, ни ночи нет, ни годовых времен.
Воздушным шариком, пустою тенью
Витал я в том раю,
Но шли века, сменялись поколения,
И вот родился я, обрел земную плоть мою.
Рай воплощен в моем горячем теле,
В моей печали, в нежности, в веселье,
В моей любви,
В моем стыде, в моем труде, в бушующей крови,
В волнах моих смертей, моих рождений,
В игре всех красок, всех цветов, в оттенках,
в свете, в тени.
Он влился в песнь мою.
Теперь не я в раю —
Моей души он заполняет лоно,
Он смотрит благосклонно с небосклона.
И раковину гудит небесный свод,
А даль семи морей в литавры гулко бьет.
Раскрылись лепестки бугона,
Листва, лучи, ручьи, ключи дрожат, текут бессонно.
Из лона матери земной мой появился рай,
И волны ветра эту весть несут из края в край.

ВЕСНА

Та весна, что однажды здесь бушевала победно
Со свитой своей пестроцветной,
Мой двор наполняла и смехом, и звоном, и гулом,
Цветя золотистым канчоном, белопенным парулом,
Оживляя дыханьем и трепетом каждый куст
И волнуя небесную синь поцелуями алых уст, —
Та весна воротилась, но дом мой печален и пуст.
Опустилась она на порог одинокого дома, —
Тут все ей знакомо и незнакомо, —
И глядит она вдаль, где рощи под дымкой сквозной
Неразличимы с небесною голубизной.

В О З Д А Я Н И Е

Ты птице дал песню — поет она песню твою,
Больше отдать не под силу и соловью.
Ты голос мне дал, но я больше тебе отдаю —
Песню свою пою.

Ветру ты волю великую дал, —
Он цепи порвал, он свободным стал.
Мне непосильную ношу ты дал, —
Я, согнувшись, бреду, одинок и устал,
Из рожденья в рожденье, свой груз по частям
Бесчисленным сбрасывая смертям,
Дабы к стопам твоим подойти с незанятыми руками
И на огне свободы расплавить кандалы, что носил
веками.

Твой подарок — улыбка луны голубая,
И льет луна без конца, без края
Грезы в сложенные ладони земли, ароматами их
наполняя.

Твой подарок — множество бед моих;
Омыв своими слезами их,
Я все буду рад назад отнести
В ночь встречи, венчающей день пути.

Смешав тьму, и свет, и холод, и зной,
Ты создал только наш мир земной.

В нем я стою с пустыми руками,
А ты усмехаешься, скрыт облаками,
Небо велишь мне раскрасить ты
Всепобеждающей кистью мечты.

Всем всегда ты дары приносишь
И лишь у меня приношений просишь.
Пу что же, с трона спустись на миг,
Ко мне обрати смеющийся лик,
Прими в свои руки любовь мою,
И знай — я сторицею воздаю
За каждый твой дар, за каждую милость твою

Т Ы И Я

В ту пору ты еще был одинок,
И сам себя понять еще не мог,
 Не знал мучений ожиданья,
 И шквал
 Оков еще не разрывал,
 Не доносил рыданья.

Но я пришла — и вдруг проснулся ты,
И распустились радости цветы,
И ты меня обвинил гирляндой роз
 И на небо вознес.
По звездам разбросал, и вверг в небытие,
И снова жизнь вдохнул, и сердце дал свос.

Пришла я — и вовеки не уйду.
Пришла я — принесла тебе беду
И огненного счастья полыханье,
Весну и беспокойные мечты.
Пришла я — потому пришел и ты,
 Вдохнул мое дыханье
 И ощутил себя в моем касанье.
И стыд и робость у меня в груди.
Лицо закрыла я, не подходи!

Мне слезы застилают очи.
 О господин!
 Ты для меня один;
Но, если видеть ты меня не хочешь,
На что мне свет? На что мне звезды ночи?

НЕВЕДОМОЕ

О, плоть моя — мой утлый плот. Вдаль отплывает он,
Течение дней пересекает он.

Преодолею времени стремнину —

И плот покину.

Потом и знать мне ни к чему, где, как блуждает он,
Просторы света или тьмы пересекает он.

К неведомому я иду. В дороге — радость встречи,

Преодоление всех противоречий.

Едва я, на свою беду,

К изведанному в сети попаду,

Уже неведомое здесь, и в страхе, не переча,

Известное уходит. Миг — и я расправил плечи.

Неведомое — кормчий мой, свободный мой порыв,

Я связан с ним навек, покуда жив.

Свиданье с ним страшит, но тягостна разлука.

О страсть моя и мука!

Оно, от мудрецов свой взор с презреньем отвратив,

Жемчужину освободит, жемчужницу разбив.

Оглядываешься назад, там дней твоих начало.

Твоя душа — у старого причала?

К покинутому берегу не пристать,

Не возвратишься вспять.

Немало уstraшенных душ бывое в сеть поймало.
Смелее пути разрывай! Неужто силы мало?

Пора собранью разойтись: часов донесся бой.

Идет прилив высокою волной.

Еще шагов незримого не слышишь,

Стоишь — не дышишь.

Каким окажется оно? Где встретится с тобой?

Какие дали ждут тебя и берег ждет какой?

ЖУРАВЛИ

Катит волны Джилам, — на излуче сверкнула река
Синей сталью кривого клинка;
И уже в темноте, как в ножнах, утопает.
День отхлынул, ночи прилив наступает,
Вижу лилии звезд на поверхности черной воды.

Горных кедров ряды
Спят на склонах крутых. Мир сковала дремота,
Дали сонные, кажется, шепчут мне что-то,
Только слов не пойму,
Уплывают невнятные звуки во тьму.

Вдруг родился в поднебесных просторах —
Шорох,
А потом
Вихрь стремительный в небе пустом.
Это крылья безумные, крылья, от счастья хмельные,
Хохочут, ликуют, как пляска стихии,
Изумляют они небеса и просторы земли.

Журавли, журавли!
Словно девы небес этот вихрь пронесли,
Немоту разорвали,
Потрясли молчаливые дали.
Горные кедр, трава —
Все проснулось,
Едва

Вихря дыханье к земле прикоснулось.

Шумом крыльев наполнилась мгла,
В сердце мертвого сна ожила
Затаенная страсть к быстроте. Даже кручи
Пожелали взлететь, закружиться, как тучи.
Машут ветви, деревья трепещут вдали,
Корни селятся вырвать из черной земли.
Им лететь бы за шумом воскрылий,
Новые дали они бы открыли.
Вздываются волны тоски.
Небеса далеки, высоки.
Крылья, крылья, могучие, птичьи!
В самом сердце вселенной услышал ваш клич я:
«Не сюда, не сюда! Дальше, дальше! Вперед!»

Журавли, куда же вас крылья несут?
Вы разбили безмолвья сосуд.
В молчании вод, небосклона и суши
Мои чуткие уши
Слышат шум беспокойный крыла.
И трава подняла
Свои крылья зеленые к выси просторной.
Где-то там, под землей, встрепнулись набухшие зерча.

Сотни, тысячи зерен готовы к полету давно,
Бьется птицей любое зерно.
Вижу: рвутся в просторы
Горы,
Расправляют зеленые крылья леса,
В неизвестность стремятся они, в небеса.
Перед светом рыдающим тьма отступила,
Лишь взмахнули крылами ночные светила.
Голосов человеческих слышу я хор, —
По незримой дороге стремятся в простор,
От неведомой давности к новым векам пролетая.
Крики кочующей стаи
Услышал я в сердце моем.

Птицы в полете и ночью и днем.
Устремляясь от берега к берегу, птица
То сквозь мрак, то сквозь даль голубую промчится.
Дружных крыльев напев в мирозданье плывет:
«Не сюда, не сюда! Дальше, дальше! Вперед!»

ОТПЛЫТИЕ В БУРЮ

Ты слышишь вдали завывание смерти, несчастный?
Слышишь ты, безучастный,
Этот неистовый рев,
Миллионов сердец рыданья и зов?
Бушует текущее пламя...
Смертоносные тучи над нами.
Землю, небесную твердь
Объемлют беспамятство, смерть.
Сквозь все это путь пролагая,
К берегу благословенного края
На ладье отплываем в поход.
Кормчий зовет.
Команда уже прозвучала.
С причала
Сниматься пора. К чему нам опять и опять
Старым добром торговать?!

Скудеют сокровища правды, неправде власть уступая.
Не потому ли нас кормчий зовет
В поход?
К берегу благословенного края
Должны мы отплыть скорей,
Из дверей
Урагану навстречу
Выбегают гребцы, весла вскинув на плечи.

Едва лишь простившись со сном,
Покидают отеческий дом
И шепчут с надеждой во взоре:
«Долго ли ждать нам у моря?»
Когда же заря распахнет нам свои золотые врата?»
Кто ответит им? Туч грозowych чернота
Свет заслонила,
Пенится даль. Может быть, ночь наступила?
Кормчий вот-вот позовет
К берегу благословенного края, в далекий поход,
Старые, малые — все собрались у причала.
Подруга глаза опустила, мать зарыдала.
Слышится стон парусов,
Рыданье и горестный зов.
Осиротели дома, опустели постели.
«В путь, мореходы, к намеченной цели!»
Команда уже прозвучала:
«Снимайся с причала!»

Над бездной неистовых вод
Судно, качаясь, плывет.
Где причалит? Когда доберется до цели? —
Мы спросить не успели.
Только сказал рулевой,
Что в океан грозовой
Надобно плыть — всем стихиям назло, —
Раскинув тугое ветрило,
Крепко сжимая весло.
Покуда бездна не поглотила,
Плыть, всем стихиям назло.
Команда уже прозвучала,
Мы отошли от причала.
Где пристанем? Неведом нам берег страны,
В которую плыть должны,
Во имя которой
Клич прозвучал, унесенный ветрами в просторы.
Гибель в пути подстерегает гребца,
Слышат живые сердца,
Как во мраке напевы ее зазвучали.

Сколько в мире страданий, грехов и печалей,

Сколько бед!

Сколько зависти и ядовитых клевет

Вздыбилось валом,

Хлестнуло по скалам,

Небу в лицо хохоча. И приходится нам

Плыть по волнам

К берегу благословенного края,

Все за кормой оставляя.

Слышишь ты стоны вселенной, пьянеешь от бед,

Беспредельной надеждой согрет,

Кого обвиняешь ты, друг мой, сраженный бедою?

Непокорной склонись головою!

Прегрешеньями полнятся наши сердца.

Пламя в сердце Творца

Разгоралось века и на северо-западе породило

Мир, где слабость робеет, где злобствует сила,

Где нет униженьям конца.

Гнев угнетенных, пришельцев гордыня

Ныне

Ранят жестоко Творца,

И человеческой сути святой поруганье

Над сушей и морем рождает стихии рыданье.

Пусть земля задрожит в урагане,

Пусть все стрелы грозы устремятся во тьму.

Других порицать и гордиться собой ни к чему.

Плыть нам сквозь волны крутые

Грозной стихии,

Созидания берег — в конце пути,

Там должны мы наш стяг вознести.

Видел в жизни я грех многоликий, печали и раны.

Видел безумия вихрь беспрестанный.

Гибель в прятки играет во мгле

По всей земле.

Страданья приходят, в насмешку жизнь превращая,

Сердца омрачая

Вмиг.

Взгляни на зловещий, все заслоняющий лик,

Не содрогнись, не поникни,

В глаза ему крикни:

«Пускай ты велик,
Я тебя не боюсь, я с тобою борюсь, побеждая.
Я существую, я — плоть, ты — тень неживая.
Истина — дружба, добро, истина в мире одна».

Если напиток бессмертия в смерти не зачерпну я со дна,
Если не встречу добра я,
И, от стыда сгорая,
Не сгинет, не кончится грех,
Если гордыню не свалит ее золоченый доспех, —
То какую же верой согреты,
Поплывут, как созвездия, от мрака к рассвету,
Все, кто покинул родимый порог
Во имя борьбы и тревог?
Неужели смешаются с прахом навеки
Слез потоки, кровавые реки?
Неужели такую ценой
Рай не откупим земной?
Неужели нам кормчий вселенной добром не заплатит
за это?
Неужели бессонные ночи не принесут нам рассвета?
И когда сквозь удары судьбы,
Сквозь невзгоды борьбы
За пределы земного приведет человека дорога,
Неужель не объявится миру бессмертье, величие бога?

И Н Д Е К С П И Р

Когда твоя звезда зажглась над океаном,
Для Англии в тот день ты сыном стал желанным;
Сокровищем своим она тебя сочла,
Дотронувшись рукой до твоего чела.
Недолго средь ветвей она тебя качала;
Недолго на тебе лежали покрывала
Тумана в гуще трав, сверкающих росой,
В садах, где, веселясь, плясал девичий рой.
Твой гимн уже звучал, но мирно рощи спали.
Потом едва-едва пошевелились дали:
В объятиях держал тебя твой небосвод,
А ты уже сиял с полуденных высот
И озарил весь мир собой, подобно чуду.
Прошли века с тех пор. Сегодня —
 как повсюду —
С индийских берегов, где пальм ряды растут,
Меж трепетных ветвей тебе хвалу поют.

Ю Н О С Т Ь

Дух юности! Ты ль в тесной клетке счастья?
Средь веток оперением дрожать
Там, наверху, — в твоей великой власти.
Ты — чужеземец, потерявший путь.
Твои не могут крылья отдохнуть —
Ведь ты не знаешь, где гнездо искать.
Полет твой вдаль ничто не остановит.
Твоих немолчных требований рать
Громам небесным грозно прекословит.

Иль нищий ты, что года жизни просит?
В лесу, где смерть, — охотник смелый ты.
В глубокой чаше смерть тебе приносит
Бессмертия напиток огневой.
Надменная, накрыта с головой —
Твоя любовь. Сейчас ее черты
Под покрывалом спрятаны от взгляда.
Приподыми его — и красоты
Тебя коснется вечная отрада.

Как песню жизни ты поешь, о юность?
Неужто на страницах ветхих книг
Мелодии ты ищешь многострунность?
На вине южных зазвучав ветров,
Твой голос слился с говором лесов,

И в тучах грозových затем возник,
И в буре отозвался диким воем,
И поиграл в волнах; и в тот же миг
Взлетел победным барабанным боем.

Ты ль пленник, что в подземном заперт
склепе?

Дух юности, ты должен разомкнуть
Лет прожитых придуманные цепи.
Пусть пламень яркий твой сверкнет, как меч,
Чтобы туманы дряхлости рассеять.
Пусть, дряхлости раскалывая грудь,
Бессмертный твой цветок навстречу свету
Стремится ослепительно сверкнуть,
Собой являя вечности примету.

Тебе ль, о юность, стать презренным прахом!
На голове неся мирскую грязь,
Ты разве остановишься со страхом?..
Тебе, корону дивную дая,
Над миром разливает свет заря.
И сам огонь, в небесный свод стремясь,
С тобой вступает в гордое сраженье.
И солнце, от дремоты пробудясь,
В тебе свое встречает отраженье,

Н О В Ы Й Г О Д

Старого года усталая ночь,
Странник, ушла она, дряхлая, прочь!
Путь, как лучи, озаряют призывы —
Грозные песни великого Шивы.
И по дороге уносится вдаль,
Словно напев заунывный, печаль,
Словно блуждающий в поисках света
Голос поющего песню аскета.

Странник, твой жребий по-прежнему строг:
Ноги ступают по пыли дорог,
С места срывает тебя ураган,
Крутит тебя средь неведомых стран.
Должен все время ты быть одинок,
Не для тебя — на окне огонек.
Не для тебя — слезы преданных глаз.
Буря повсюду. Бьет гибели час.
Ночь привечает раскатами грома.
Ласки шипов — на тропе незнакомой,
Иль незаметной змеи капюшон.
Брань ты услышишь, как праздничный звон.
Так ты шагаешь все дальше — счастливый
Благословеньем великого Шивы...

Все, что теряешь, — то дар лишь судьбе.
Если ты просишь бессмертья себе,
Знай, — что не счастье оно, не покой,
Даже не отдых обыденный твой.
В час, когда смерть к тебе грозно придет,
Всюду получишь ты славу, почет.
Нового года благие порывы —
Благословенье великого Шивы.
Страпник, не бойся, не бойся: в ненастье
Ты под защитой богини несчастья.

Старого года усталая ночь,
Страпник, ушла она, дряхлая, прочь.
Ожесточенья пришли времена.
Пусть упадет над тобою стена,
Пусть опрокинется чаша вина.
Нового года не слышно движенье.
Руку его ты возьми на мгновенье,
В сердце — его ты почувешь биенье.
Страпник, все время идущий вперед,
Старая ночь пусть скорее пройдет!

Из книги
«БЕГЛЯНКА»
(«Полатока»)

1918

О С В О Б О Ж Д Е Н И Е

Не стану слушать я врачей, —
Открой все окна в комнате моей!
Пусть ветер на меня пахнет прохладой...
Лекарства? Больше мне лекарств не надо!
Всю жизнь микстуры горькие пила,
Мне их давали без числа.
Что ждет меня? Одни страдания!
Кто только не давал мне назиданья!
Чуть ошибешься, — горькие рыдания!..
Меня учили. Слушала я всех;
И двадцать лет не знала я утех,
Весь день трудилась у плиты,
Не видя в мире красоты.
И слышала вокруг: «Примерная жена!
Всегда покорна и верна!..»
Я в этот дом пришла девятилетней.

Всем угождала. До весны последней
Мне было некогда вздохнуть.

И вот кончается мой путь...
Для размышлений разве было время?
Дурна ли эта жизнь иль хороша, —
Не ведала, несла бездумно бремя,
И тяжким сном спала моя душа.

О горький мой удел!
Уныло колесо домашних дел
Вращается... Я двадцать лет к нему
Была привязана; вся в кухонном дыму,
Не знала смысла бытия,
И о душе своей позабывала я.
Не пела ви́на Шивы для меня.
День изо дня:
Стряпня, обед, и вновь стряпня...
Все эти годы колесо крутилось;
Но пробил час — оно остановилось.
Пускай стоит!.. Мне не нужны лекарства!..
Являлась много раз весна в лесное царство,
И южный ветер, разливая хмель,
Качал земли и моря колыбель.
Он звал: «Открой, открой мне двери!..
Не отвечала я, речам весны не веря.
Но все ж, вдыхая пряный аромат,
Я что-то делала порою невпопад,
И скорбь рожденья нового звучала
В душе тревожной и усталой,
И звук неведомых шагов
Я слушала, во власти тайных снов...
Ты приходил с работы и опять
Спешил к соседям — в шахматы играть.
Как мне волненье превозмочь?!
Уйди, бывшее, прочь!..

И вот весна впервые посетила
Мой дом унылый.
Блуждает взор в небесной вышине,
И каждый миг приносит радость мне.

Я женщина! И в мире я властна!
Мелодию мою поет луна.
Не будь меня, померк бы свет звезды вечерней
И не было б цветов — лишь заросли из терний...
Все двадцать лет жила я как во тьме,
Казалось: вечно буду я в тюрьме;
Но в сердце не было печали.
День уплывал за днем, и месяцы мелькали...
Меня хвалили все кругом,
И стала я для многих образцом;
Смирилась с безотрадною судьбой,
Была покорною рабой...

Спадают звенья будничных цепей!
И жизнь и смерть слились в душе моей.
В безбрежный океан войти хочу скорей!..
Моей темницы стены
В пучину рухнули и тают, словно пена...

День свадьбы наступил! С мерцающих высот
Впервые флейта для меня поет!
Оставлю в доме годы прожитые!
Призыв любви мне слышится впервые,
И встретится жепих со мной
В чертоге брачном смерти в час ночной!
Я буду для него желанной вечно.
Он видит у меня в глуби сердечной
Амриты несказанный свет.
И в сонме звезд, в собрании планет,
Он смотрит на меня, мне шлет привет...
О светозарный! Я твое создание!
О ласковая смерть, ты просишь подаянья!
Открой мне дверь, открой!
Перенеси в страну, где царствует покой!..

О Б М А Н

Когда ей двадцать три исполнилось, бедняжка
Вдруг заболела тяжко.
Таблетки, пузырьки, припарки, доктора, —
Так длилось года полтора,
А Бину бедная по-прежнему больна,
Как тень худа, бледна.
И вот ей говорят, что, несомненно,
Ей климата поможет перемена.
Впервые в поезд сесть она должна сейчас,
Расстаться с домом свекра в первый раз.

В домашней суете, в семье, в потоке дней
Не часто виделись мы с ней:
Улыбки робкие средь гомона людского,
Небрежно брошенное слово...
Сегодня вдруг земля всем светом новизны
Зажглась и для меня, и для моей жены.
Мне засияли вновь своим былым огнем
Огромные глаза на личике худом.

Увидев нищего у насыпи крутой,
Стоявшего с протянутой рукой, —
Из сумочки, сочувствия полна,
Достала четверть рупии она
И деньги бросила, их завернув в бумагу,
Улыбкой одарив беднягу:

Чтоб стать счастливою, чтоб сердце было радо,
Чужие горести ей уничтожить надо!

Отчалив от причала суеты,
Вошли мы в океан любви и чистоты,
Нам нужно путь украсить многодневный
Дарами щедрыми и добротой душевной.

И кажется жене,
Что мы впервые с ней — теперь наедине,
Что вся вселенная заключена во мне...
Невесток нет, зятьев; нет свекра и свекрови;
И все так хорошо, так мило ей, так внове,
Так сладко...

Мы сходим в Биласпуре: пересадка.
Вот неудача! Шесть часов, — так нам
сказали, —

Придется протомиться на вокзале.
Но Бину говорит: «Чудесно! Подождем!»
Ей весело со мной вдвоем,
Дороги флейта ей звенит призывно, властно,
И быть всегда, всегда в пути она согласна.

Открыла двери зала:
«Смотри, с коляскою лошадка побежала!
Теленка видишь ты? На нас глядит он!

Ах, до чего упитан,
А мать своим сокровищем горда!..
Там, на высоком берегу пруда,
За изгородью спрятанный живою,
Прелестный домик осенен листвою,
И небо над прудом такое синее!..

А кто живет у самой линии?
Начальник станции? Счастливая семья!»

Распорядившись о постели, я
Сказал жене: «Ты отдохни немного,
Усни, нам предстоит далекая дорога».

Я вынес на платформу стул. Роман
Английский стал читать. Сквозь дым,
как сквозь туман,

Неведомо куда,
Товарные тянулись поезда.

Так три часа прошло. Роман наполовину
Прочел, — как вдруг зовет меня, я слышу, Бину.
Вошел я в зал. А там, одета, как крестьянка,
Привет произнесла мне хиндустанка:

Отвесила поклон

И стала вдалеке, в тени колонн.
Сказала Бину: «Рукмини зовут
Несчастную. Они живут, —
И плохо их семье живется, —
В одной из хижин у колодца.

Он — кули. В этот город
Загнал их голод.

Они в деревне жили, там, вдали.
Семь бигхов было неплохой земли,
Но им помещик объявил войну...»
Тут, улыбнувшись, я прервал жену:
«Пока о Рукмини ты всю расскажешь повесть,
Уйдет наш поезд.

Рассказывать старайся покороче,
А то не кончишь ты до самой ночи». —
Но Бину рассердилась: «Придираться
Не смей! Рассказывать не стану вкратце!
Ведь на работу не спешишь сейчас, —
Так до конца ты выслушай рассказ!»
Роман читать опять начну ли?

Куда там! Я во всех подробностях о кули
Длиннейшее узнал повествование.

Суть дела, как предвидел я заранее,
Была в конце, и стоило немало
Мне до конца добраться от начала!
У кули замуж выходила дочь.

Так надо ей помочь, —
Браслеты, украшения заказать,
Потребуется рупий двадцать пять.

И Рукмини — в печали:

Как может муж, носильщик на вокзале,
Такие деньги наскрести?

Но я обязан бедняков спасти,
Я должен дать немедленно, сполна,
Все эти рупии, — так мне велит жена.

Ответьте, люди, мне, ответьте:
Что сделалось на белом свете?
Как избежать такой напасти?

Наверно, подметальщица по касте,
Живет с неприкасаемыми вкупе, —
И двадцать пять пожертвовать ей рупий?!
Так долго ль до банкротства!

«Да, да. Я деньги дам. Проявим благородство.
Но у меня один-единственный банкнот.
В сто рупий. Разменять? А поезд вдруг придет?»

Но Бину мне: «Как поступить, ты знаешь:
На станции бумажку разменяешь».

«Да да. Так я тебя на миг покину», —
Сказал я Бину.

А женщину в сторону я отвел
И отругал ее, — ужасно был я зол:
«Твое занятие — мусор, веник,
А не выпрашивать у пассажиров денег!»
Она, в слезах, в тревоге,

Упала, обхватив мне ноги.
Две рупии вложил я в руку ей,
Сказал: «Иди отсюда поскорей».
Храм жизни вдруг оделся тьмой...

Прошло два месяца, и ехал я домой, —
Один на этот раз.

Сошел я в Биласпуре в ранний час.
Сказала Бину мне, прощаясь: «Я забыла
Все, что в моей короткой жизни было,
Но в сердце сберегу своем

Два месяца, что я была с тобой вдвоем.
Они — как вечный знак неизгладимый
На лбу прекрасной Лакшми, мой любимый,
Они — как животворная амрита,
Моя душа навеки с ними слита!»

Всеведущий! Сейчас
Мне Бину хочется поведать свой рассказ.
Два месяца творил я добрые дела,
И Бину радостна была,

Но я пред ней в долгу,
Я знал, что лгу:
Те рупии, те двадцать пять — со мною.
Два месяца, что прожил я с женою,
Что светом показались ей желанным,
Наполнил я обманом.

Сойдя на станции, я сразу произнес:
«Где Рукмини?» Услышав мой вопрос,
Плечами пожимали все, не зная, —
Да кто она такая?
Сказал я: «Джхамру — муж ее, он — кули.
В их дом пройти я не могу ли?»
А люди — мне в ответ:
«Их никого здесь нет».
«Куда уехали они из Биласпура?»
Начальник станции «не знаю» бросил хмуро,
Кассир сказал, в меня вперив с насмешкой
взгляд:

«Не больше месяца назад
Они уехали в Хазарибаг.
В Дарджилинг, может быть?.. Не вспомню я
никак!»
Об адресе я стал расспрашивать несмело, —
Все люди сердятся: кому какое дело
До адреса ее! Но как я им втолкую
Вот эту мысль простую, —
Что мне сегодня больше всех нужна
Она, она одна,
Я верю, что она поможет мне, что сброшу
Обмана тягостную ношу.
Сказала Бину мне: «Все горести забыты,
Два месяца жила, как бы вкусив амриты», —
Что делать дальше? Я в долгу перед женой,
Навеки мой обман со мной.

ИЗБАВЛЕНИЕ

«Ведь Монджули — дитя, — мать шепчет
со слезами, —

Жених-то старше впятеро годами...

Дрожит она, едва его завидит.

Хорошего тут ничего не выйдет».

Но сердится отец:

«Да перестань ты хныкать, наконец.

Я сбился с ног, пока нашелся Пончанон.

Как не понять? — Высокороден он,

И породниться с ним — большая честь!

Другой такой найдется ли, бог весть».

Мать отвечает: «Разве он один?

Вот из семейства Чаттерджи — Пулин:

Лицом красив, характер — золотой,

Учен и кое-что имеет за душой.

Дома у нас поблизости стояли,

И с Монджули детьми они играли.

Что говорить? — Он юноша прекрасный.

Скажи, что он жених — и я согласна».

«О Рама! — муж в ответ, —

Да ниже их ведь в обществе и нет!

Надел священный шнур на шею —

Уж он и брахман, я и разомлею;

Красив лицом — так сразу и жених.

О женский ум! Не зря и в книгах вековых

Ему отведено так много места...»

И плата внесена, чтоб посмотреть невесту.
Но только сердце Монджули с тех пор
Замкнулось на замок,
Кровоточит, как от шипов незримых.
Для матери нет тайн неуловимых.
И дочь и мать — беда обеих мучит.
Над домом — грозовые тучи.

Всю жизнь отец железной волей горд,
Он в радости и в горе тверд,
И любит он иль ненавидит люто, —
Твердит о вере каждую минуту!
В железных колеях всей жизни колесница,
Ей не свернуть, не отклониться.
Он говорит, что непреклонность чтит,
Что вера в силе воли состоит;
Пусть дочь с женой его и не поймут,
Но с Джамадагни он сравнится тут.

Меж тем по водам слезного ручья
Плывет двух жизней грустная ладья.
Дни тянутся унылой чередой
До свадьбы. Стала девочка женою.
К отцу смущенно подошла она.
«Будь дочь моя, как Савитри, верна!»

Два месяца прошло... И так случилось:
Отцово благочестье подтвердилось.
Явился к Пончанону Яма. Часть
Благословенья вещего сбылась.
Но верной Савитри не сделалась жена:
Стерев синдур, опять к отцу пришла она.

Дни радости и дни печали,
Как лепестки, неслышно опадали,
Их уносил стремительный поток.
Вот Монджули семнадцатый годок.
Когда-то под листвою ее души-лианы
Бутон налился в сердце безымянный,
Порою ветерок его ласкал...
Названья своего бутон не знал;

Теперь, вобрав в себя медвяный сок,
Раскрылся он, любви цветок,
Трепещущий пунцовым одеянем,
Взволнованный своим самопознанием.

Для Монджули пора настала:
Она себя однажды не узнала, —
В лучах слетает к ней небесный глас;
Она ночами не смыкает глаз

В немом мученье...

Пусть сняты и забыты украшения —
Душа ее цветет!

Освободившись от дневных забот,
Во власти неосознанной мечты
Она подолгу смотрит на цветы,
Что льют свой аромат по вечерам,
Улыбки посылая небесам.

И тот, кто разделял когда-то с ней
Забавы детских дней,

Утратив для нее с годами облик свой,
Заполнил существо ее собой.
Во всем вокруг как будто растворен,
Ей предстает всегда и всюду Он.

Хранит его шаги шуршащая листва,
В жужжанье пчел — его слова.

Безмолвна Монджули. Мать смотрит на нее —
И в сердце ей вонзается копье.

Невысказанной полные печали,
Глаза у дочери темнее ночи стали.
Боль сердца, влажный взгляд, неслышный
лепет,

Дрожанье губ — осенней ночи трепет —
Все понимает мать и шепчет по ночам:
«Да обратится лик твой, боже, к нам!»

Был полдень. Пообедавший отлично,
Готов отец вкусить покой привычный,
Попыхивая трубкою кальяна
За чтением легкого английского романа.
Мать веером прохладу навевает,
Супругу ноги растирает:

«Пусть осуждают нас, исходят желчью люди,
Пусть злобятся непрощенные судьи,
А все же дочь я замуж выдам!..»
Ей возразил отец с суровым видом:
«Умру я — поступайте как хотите.

Да... А пока — терпите!»

И он степенно затянулся дымом.
«Как можно быть таким невыносимым!
Ты — каменный, что судишь так жестоко? —
Нет у тебя на чувства и намека».

Старик ответил: «Я и впрямь из камня,
Дорога веры нелегка мне.

А будь я кукла восковая —
Давно б растаял, с вами тут рыдая».
«Ох, горькая судьба! — вскричала мать. —

Как людям рассказать,
Что в доме за высокою оградой
Томится, сохнет собственное чадо.
Бездушный, нет ведь большего греха!
Как книжный лист, душа твоя суха.
Да есть в тебе хоть капля состраданья?»

«Пустые причитанья!

Вы, женщины, как пузыри,
Пар нежностей у вас внутри.
Вам не понять, что жизнь — тяжелые вериги...»
И муж вернулся к любопытной книге.

В лампаде выгорело масло —
Жена его в тоске угасла.

Он с Монджули теперь совсем один.

Вдали живет семейный сын,
И дочери разъехались по свету:
Та с мужем — в Фаридпур, в Мадрас, в дом
свекра —эта.

А Монджули — служить отцу досталось.
Что приготовит повар — отвергалось:
Хоть он и брахман, да не так искусен,
Обед его невкусен.

Теперь весь день нет Монджули покоя:
Отварит рис, придумает жаркое,
Пожарит рыбу, приготовит лучи —

А все не так, все раньше было лучше.
И в доме дел — не то, что прежде:
Убраться в комнатах, подумать об одежде,
Заметить и заштопать дырку,
Вести учет белью, что отдается в стирку,
И выводить в расходной книге строки;
Выслушивать отцовские попреки,
С молочницей и в лавке расплатиться,
Нигде не опоздать, не ошибиться
И вновь принять упреков целый град:
Что хуже, чем при маме, маринад,
Что пан теперь не так приятен —
И вкус не тот, да и не ароматен.
Нет, все не так, все плохо, бестолково,
Нет уваженья к старшим, право слово.
А Монджули все терпит и молчит,
Всегда спокойствие хранит
И слушает любой укор,
Потупив взор.

И никогда брюзжание отца
Не гонит доброты с ее лица.
В душе она довольна: «Значит, мать
Действительно умела угождать.
О ком она заботилась — уж тот
Не позабудет век ее забот».
Ей радостно уверенною быть,
Что мать — есть мать, ее не заменить.

На праздник Холи, в ночь богослуженья,
Он захворал и слег в изнеможенье.
Поблизости Пулин практиковал —
Его и пригласили. Доктор стал
По многу раз на дню являться в дом.
А Монджули тревожилась о том,
Что сердце у отца уж ненадежно,
В его-то годы, то есть... все возможно.
И в глубине души хотелось ей,
Чтоб речь ее с врачом была вольней,
Но как подолгу с ним ни говорила —
Непринужденность к ней не приходила.
Беда такая всякому понятна:

Слабеет голос, речь певнятна,
Нет сил поднять ресницы,
А сердце начинает биться, биться;
Сжимает душу страх:
Вдруг он услышит, как стучит в висках
И закипает кровь...
Так день и ночь в груди все вновь и вновь
Душа росинкою, упавшей на листок,
Дрожит, трепещет, сжатая в комок.

Отцу сегодня легче, чем вчера,
В суставах боль не так остра.
Он шевелит рукой и, слава богу,
Уже передвигается немного.
...Плыл аромат от каждого куста.
С луной наговорившись, темнота
Замолкла, недвижима, до рассвета...
Пулин — как будто для совета, —
В другую комнату вдруг Монджули позвал:
«Я матери твоей желанье знал.
О нем я вспоминаю ежечасно.
Быть может, тратим время мы напрасно?
Она хотела брака между нами...»
Но Монджули, закрыв лицо руками, —
Владеть собою было ей невмочь, —
«Нет, нет!» — воскликнула и выбежала прочь.
Бедняжка в комнате своей упала на пол,
И жемчуг слез на грудь ей капал.
«Пусть я умру! Зачем ему открылось
Желанье, что в груди моей таилось!»

Теперь еще усердней, чем бывало,
Она следить за домом стала.
От первой до восьмой, случалось, стражи
Не отдохнет и не присядет даже.
Отцу подаст, почистит, подметет, —
Да сызнова все то же и начнет.
Уж ей, усталой, не до соблюденья
Часов еды, и сна, и омовенья.
Ночь проводила, притулясь в углу,
А то — и на полу.

Нечаянный трудов ее свидетель,
Бывало, скажет: «Что за добродетель!»
Грудь выпятив, вставляя свое отец:
«Что ж! Перед ней достойный образец.
Как я, блюдет она обет безбрачья.
Не будь меня — все было бы иначе.
Не знают воздержанья в наши дни.
У женщин на уме лишь пустяки одни.
Их учат легкомыслию манер.
Где в обществе для дочери пример?»

Одиннадцатый месяц на исходе
С тех пор, как мать от дел земных в свободе...
Пошли по дому пересуды, слухи,
Являются какие-то старухи;
Английские стоят повсюду вещи,
Пугая новизной своей зловещей;
О чем-то все хлопочут... Видя это,
Ждет Монджули от всех ответа:
К чему? Зачем? Мелькнула вдруг догадка,
И подавила вздох она украдкой.
Отец!.. Видны в нем тоже перемены:
Стал чернобров, наряд на нем отменный,
Седые срезал волосы, убор
Духами пахнет с некоторых пор.

Такая боль в груди — не передать.
О! Монджули так живо помнит мать!
Пусть нет ее — ничем не истребимый
Витает в доме дух ее незримый,
Он чистота и добродетель, он
В семье навечно воплощен;
На всех делах — его прикосновенье...
Но каково же будет оскорбленье!..
Неужто та, чья память всех дороже,
Для дома станет мертвою. О боже!

И дочь, отбросив страх и стыд,
Пришла к отцу и в гневе говорит:
«Пойми, женитьбою своей
Ты опозоришь внуков и детей.

Ты мать забыл, похоронив едва.
Ужели так душа твоя черства?»
Отец ей, усмехнувшись, отвечает:
«Я тверд как камень. Кто о том не знает!
Но как женитьба мне ни тяжела —
Обязанность, что на меня легла,
Главою быть семьи — еще труднее.
Вдовцом исполнить долг я не сумею.
И в «Махабхарате» и в уложениях Ману
И в шастрах семьянина долг помянут.
Тому ль путь веры истинной открыт,
Кто может лишь реветь навзрыд?
Дивлюсь, зачем являются на землю
Те, что земного горя не приемлют.
Но знай, что твой отец — не трус:
Я зло принести и перенести не побоюсь».

Отец невесты в Бакхоргондже жил.
Туда-то наш жених и покати
До бракосочетанья дней за пять.
Когда же после свадьбы он опять
Вернулся наконец к себе домой —
Главой семейства с молодой женой, —
Он дочери своей уж не застал.

Лишь из ее письма узнал:
На ней Пулин женат,
Уехали они в Фарухабат
И навсегда хотят остаться в нем...
Гремел им вслед угрозы, проклятий гром.

СМУГЛЯНКА

Под вечер я вижу нередко:
За ржавой решеткой сидит Нондорани — соседка,
Одна в тоске,
Как лодка у высохшей речки на жарком песке.

Росла, подрастала,
Невестою стала,
И в доме тревога: когда ж, наконец,
Найдется жених, озабочен отец;
Наверно, дела ее плохи,
Когда, словно волны, над нею расходятся вздохи.

Я в доме напротив, внизу, в пансионе считаю недели,
В колледже экзамен столкнул еле-еле —
Как лодку шестом...
На жизнь зарабатывал тяжким трудом:
На дню по два раза уроки давал,
И поздно ложился, и рано вставал,
А ел что придется и вполживота,
Вконец опостылела мне нищета!
Пороги колледжа я стал обивать,
Просил, умолял их без платы принять,
А думал когда-то полцарства и дочку раджи получить,
Казалось, судьба мне хотела казну золотую вручить
И тайную силу, с которой я перевернул бы весь свет —
Да нет!

В заботы уйдя с головой, не угадывал я,
Что в новой Бенгалии сила, надежда моя.

Судьба иногда злую шутку играет,
И в клетке для мойны павлина плясать заставляет,
Ломаются перья о прутья, и стелется пух по железу —

Какой же сухарь сочинил эту пьесу?
На этой земле, где свободны леса, где грозы гремят
в барабан,

Куда ни посмотришь — обман,
На что ни посмотришь — ограда,

И сердце не радо.
Верчусь без работы, гляжу без улыбки, совсем я зачах,
От зноя и голода еле держусь на ногах,
Валюсь тяжело на топчан, проклиная в душе все

и всех,

Лежу на полу, а глаза устремляются вверх,

И вижу в квадрате проема —
Сидит Нондорани, смуглянка из ближнего дома,
Как будто бы черная туча в полуденный зной
Прохладно висит падо мной.

А взгляд —

Вечерний жасминовый сад,
Безмолвная полночь, луна на ущербе,
И темные воды в прибрежной пещере,

И робкий ручей,
Бегущий в долину из горных ключей,
Она, словно птица, не слышит себя и не знает,
Пока ее трель среди звезд замирает,
И смотрит в глубокое небо глазами,
Наполненными голубыми слезами.

А помню: когда-то в тени под баньяном, как все
деревенские дети,

Любил я играть на бамбуковой
флейте,

Об этом забыл я, но вдруг
Однажды проснулся в душе моей
сладостный звук.

На время каникул разъехались все, у кого
есть семья,

Остался лишь я,

Обычно я под вечер флейту забытую брал,
И дул осторожно, и пальцами перебирал.
И вижу вверху Нондорани, смуглянку из ближнего дома,
В квадрате проема,
В котором мерцает ночными слезами
Душа ее — черная тайна под черными небесами...
И грустно сидит Нондорани часами,
И друг, приютившийся в темной каморке души,
Беседует с нею в вечерней тиши.
Вот так же и флейта — забвенье мое;
хоть стены и толстые, но
Едва заиграет — и настежь окно,
Звучание песни простой
Стирало преграду меж ею и мной,
И в мире теней — лишь в стране ее звука —
Два друга нашли и узнали друг друга,
Немое рыданье и плач бессловесный, войдя в ее узкое горло,
Раскрылись в мотиве — печально и гордо,
Лишь в тихих мелодиях флейты могли мы судьбу облегчить,
И то получить, что возможно, — и то, что нельзя, получить.

ПРАЗДНИК ДЕДУШКИ

Праздник твой — в лазурном небе,
В поле, где цветы цветут,
На ступенях, где в прохладе
Плещется глубокий пруд.
Праздник твой — средь тамариндов,
Там, где скрыты закрома,
И в густой ветвистой чаще,
Где и днем таится тьма.
Праздник твой — в полях, где зреет
Молодой, зеленый рис,
На реке, где в светлой пляске
Волны радостно сплелись.

Я же, дедушка твой старый,
Темные очки надел
И запутан в паутине
Мелких неотложных дел.
В празднике моем пленяет
Твой нарядный юный вид,
В голосе твоём мой праздник
Флейтой нежною звучит.
Праздник мой по-молодому
Светит блеском глаз твоих,
В празднике твоём — мой праздник,
Полон радостей живых.

Осень праздник твой на лодке
Привезла издалека,
Шиули цветы красивей,
Чем роскошные шелка.
Ночью, свежесть навевая,
Ветер прилетел к нам вдруг,
И привет от Гималаев
Он принес тебе, как друг.
Праздник твой встречает пышно
Красочный осенний цвет,
И на месяце ашшине
Чадор праздничный надет.

В комнате моей так шумно,
Если ты туда войдешь,
Все дела, счета и книги
Вдруг охватывает дрожь.
Обхвати рукой за шею,
Крепче обними меня —
И для дедушки настанет
Праздник радостного дня.
Кто тебе приносит праздник
И за что? — Не знаю я.
Ты приносишь деду праздник,
В радости твоей — моя.

ЗАБЛУДИЛАСЬ

Стояла ночь.

По лестнице моя малютка дочь
Спускалась, слыша голоса подруг.
Она пугалась темноты вокруг.
Ступала осторожно, чуть живая,
Светильник краем сари прикрывая.

Весенней ночью я на крыше был,
Глядел на небо, полное светил.
Внезапно ветер детский плач принес,
Я вниз сбежал — узнать причину слез.
И вижу, в этот поздний час,
В руках у дочки огонек погас.
Я спрашиваю: «Бама, что случилось?»
Она в ответ: «Я заблудилась».

И вновь весна, и выхожу опять
В тиши ночной на крыше постоять.
И чудится: небесными тропами
Проходит девочка, точь-в-точь как наша Бама,
Светильник синим сари заслоня.
О, только б ветер не задул огня!
О, только б не остановилась
Она, крича: «Я заблудилась!»

Из книги
«МАЛЫШ БХОЛАНАТХ»

(«Шишу Бхоланатх»)

1922

МАЛЫШ БХОЛАНАТХ

О Бхоланатх, о мой малыш!
Когда кружишь
В бездумной пляске и летишь,
Воздев ручонки, ты, как смерч, проникший в дом:
Все в нем вверх дном!
Сокровища свои, беспечное дитя,
Уничтожаешь ты, шутя,
Творения свои в прах превращаешь сам —
От всех игрушек — только пыль по сторонам...
Не в этом ли закон твоей игры?

Ни созиданию не знаешь ты цены,
Ни разрушению — ведь для тебя они равны.
Из ничего, дитя, ты можешь все создать,
Чтоб все в ничто преобразить опять...
Одежду в пыль втоптал, сорвав с себя, — она
Порыву твоему тесна...

В самозабвенной пляске вищ и наг,
Сокровищ вечных ты сосуд, бессмертных благ —
Ни пыль к тебе не пристает, ни нищета.

Уныния и грусти суета
Тобой развеяна, как тени поутру...
Мой Бхоланатх, прими меня в игру!

О, подари скорей
Забвение всего душе моей!
В игру ломания игрушек посвяти,
Чтоб сокрушить я мог преграды на пути!
Пусть с пляскою твоей безумной в лад
Мои напевы зазвучат!

ПАЛЬМИРА

На одной ноге стоит она,
Кроной выше всех вознесена.

Кажется: еще одно усилие —
И пальмира тучи просверлит,
Унесется высоко, в зенит.

Только как же обрести ей крылья?

Широки округлые листы...
Вот оно — свершение мечты.

В самом деле, чем не крылья это?
Вмиг расправит их над головой
И покинет дом родимый свой.

Улететь отныне нет запрета.

Попросилась на простор душа,
Листья мчат, качаясь и шурша,

Или это чудится пальмире?
Вот она взлетает в вышину,
Миновала звезды и луну,

Небо все бездоннее и шире.

Но стихает ветер, и тотчас
Листья поникают, чуть шепчась,
Снова у себя пальмира, дома.

Все же мать-земля всего родней,
Снова, как и прежде, дорог ей
Этот уголок земли знакомый.

О С Т А Н О В И В Ш Е Е С Я В Р Е М Я

Представь — часы все стали вдруг и все уж по-другому:
Могу я в школу не ходить, весь день играю дома.

Бранишь меня, а я в ответ:

«Но десяти-то, видишь, нет!»

Тадхин, тадхин, тадхин.

Велишь ты спать ложиться мне, а я твержу упрямо:

«Ведь ночь не может наступить, раз время стало, мама.

Зачем же спать сейчас идти,

Ведь не пробило девяти».

Тадхин, тадхин, тадхин.

Сегодня лучше расскажи мне сказку подлиннее:

Хоть стали стрелки, никогда не кончатся затеи,

Не остановится игра,

И сказок не пройдет пора.

Тадхин, тадхин, тадхин.

ВОСПОМИНАНЬЕ

Я никогда не вспоминаю мать,
И лишь порой, когда я выбегаю
На улицу — с мальчишками играть,
Какая-то мелодия внезапно
Овладевает мной, не знаю где родясь,
И кажется мне, словно это мама
Вошла ко мне, с моей игрой слилась.
Она, качая колыбель мою,
Быть может, эту песню папевала,
Но все ушло, и мамы больше нет,
И песни маминой не стало.

Я никогда не вспоминаю мать.
Но в месяце ашшин, средь зарослей жасмина
Как только начинает рассветать,
И влажен ветер, пахнувший цветами,
И тихо плещется волна,
В моей душе встают воспоминанья,
И мне является она.
А верно, мама часто приносила
Цветы чтоб вознести моления богам;
Не оттого ль благоуханье мамы
Я слышу всякий раз, входя во храм?

Я никогда не вспоминаю мать.
Но, глядя из окошка спальни
На мир, который взором не объять,
На синеву небес, я чувствую, что снова
В мои глаза глядит она
Внимательным и нежным взглядом,
Как в золотые времена,
Когда, меня сажая на колени,
Она смотрела мне в глаза.
И взор ее тогда во мне запечатлелся,
И от меня закрыл он небеса,

РАЗБИТАЯ КУКЛА

«Четырежды восемь — двадцать три», —
Ему я сказала,
И рассердился наставник мой,
Что не угадала.
Тогда на куклу, подарок твой, —
Лежал он под книжкой, —
Учителю показал один
Противный мальчишка.
Учитель куклу на пол швырнул,
Она и разбилась...
Такая кукла: подарок твой;
Я так огорчилась.
Сказал он: «У тебя на уме
Одни развлечения!»
Еще сказал, что душа моя
Не рвется к ученью...
Мама, а у него самого
Учителя нету?
Кому пожаловаться тогда —
Ты мне посоветуй!
Должна же кукла быть у него.
Там, дома, наверно,
Он в игрушки играет сам —
А это не скверно?
Неужто не забывает он,
Увлечшись игрою,

И про учебник и про тетрадь,
Как дети порою?
Его бы куклу швырнуть со зла —
Пусть разобьется!
Мама, это ему по душе
Навряд ли придется!

ПУТЕШЕСТВИЕ ЗА СЕМЬ ОКЕАНОВ

Видишь, небо потемнело,
Туча как гора...
За семь синих океанов
Ехать мне пора.
Нет Говинда, нет Мукунда,
Где найти коня?
Хоть бы Хориш хромоногий
Вдаль умчал меня!

Лист из папиной тетрадки
Вырвал, чтобы мать
Помогла на нем кораблик
Мне нарисовать.
Пусть отец, вернувшись, будет
На меня сердит —
Ведь меня от наказания
Мой корабль умчит!

Ну, рисуй скорее, мама!
Пишешь ты письмо?
Жаль, оно себя не может
Дописать само...
Знаешь что? Пускай сегодня
Тетя, а не ты
Мелким почерком испишет
Все эти листы!

Мама, милая, скорее!
Я ведь тороплюсь!
Солнце может из-за тучи
Выглянуть, боюсь,
Дождик литься перестанет,
И, пойми, тогда
Семь лазурных океанов
Сгинут навсегда.

КОГДА ЗАБЫВАЕШЬ ПОИГРАТЬ

Думаешь — мои заботы
Бегать да играть?
Это ведь неправда, мама!
Дай мне рассказать!
Вдруг, проснувшись на рассвете,
Раньше, чем другие дети,
Я увидел: весь в алмазах
На заре — бамбук,
В небе — алые узоры...
Я услышал птичьи споры,
Флейты праздничной услышал
Я тревожный звук.
И, не зная, чем заняться,
За какое дело взяться,
Разложил свои игрушки,
А играть в них — лень...
Не найдя себе по праву
Развлечение и забаву,
Я без дела на веранде
Просидел весь день...

В дни, когда, забыв про игры,
Я бываю тих, —
В сердце словно чьи-то песни:
Слушаю. я их;

Вижу я: на кровле старой
Фиолетовое сари
Девочка на солнце сушит
И одна сидит.
Там, за крайним домом где-то
Край земли и царство света,
Там дворец раджи, наверно,
Золотой стоит...
Посмотреть бы те палаты:
Был бы Гаруда крылатый,
Я бы тотчас взвился в небо
И — в далекий путь!
Мне его укажут птицы:
Ведь недолго заблудиться
Между небом и землею
Ночью где-нибудь...

В дни, когда письмо от папы
Молча, у окна,
Ты читаешь так, как будто
В мире ты — одна,
Кажется, что ты — чужая...
Точно из иного края
Вышла — из времен далеких,
Из другой земли,
Словно странница, несмело,
Отдохнуть у нас присела...
Ты нездешняя, как голос,
Что поет вдали.
Тут уж не играть хочу я!
Думаю: страну какую
Ты покинула? Где дом твой?
За какой горой?
Есть там море голубое?
Как бы мне уплыть с тобою
По нему на легкой лодке
Утренней зарей?..

СОМНЕВАЮЩИЙСЯ

Где я побывать мечтаю —
Хочешь, мама, знать?
Там, откуда я приехал,
Жить хочу опять.
Но про то, как там мне было,
Как сюда попал,
Ничего я не припомнил
И не угадал.

Папа говорит: «То место —
Яркая звезда,
Что на небосклон восходит
Первая всегда».
Мама говорит: «То место —
В тайниках земли,
Там, где зерна прорастают,
Чтоб цветы цвели».
Тетя говорит: «То место —
В глубине морской,
Там, где в раковине дремлет
Жемчуг голубой».
Брат за волосы таскает,
Говоря: «Чудак,
Это место ветром сдуло,
Незаметно как».

Пусть внушает мне учитель:
«Нет его нигде!»
Все ж оно в земле, и в море,
И на той звезде...

РАДЖА И ЕГО ЖЕНА

Один раджа на свете жил...
В тот день раджою я наказан был
За то, что, не спросившись, в лес
Ушел, и там на дерево залез,
И с высоты, совсем один,
Смотрел, как пляшет голубой павлин.
Но подо мною треснул вдруг
Сучок, и мы упали — я и сук.
Потом я взаперти сидел,
Своих любимых пирожков не ел,
В саду раджи плодов не рвал,
Увы, на празднике не побывал...
Кто наказал меня, скажи?
Кто скрыт под именем того раджи?

А у раджи жена была —
Добра, красива, честь ей и хвала...
Во всем я слушался ее...
Узнав про наказание мое,
Она взглянула на меня,
Потом, печально голову склоня,
Ушла поспешно в свой покой
И дверь закрыла крепко за собой.
Весь день не ела, не пила,
Сама на праздник тоже не пошла...
Но кара кончилась моя —

И в чьих объятьях оказался я?
Кто целовал меня в слезах,
Качал, как маленького, на руках?
Кто это был? Скажи! Скажи!
Ну как зовут жену того раджи?

ДАЛЕКОЕ

Когда на праздник Дурги я
Пускаюсь в дальний путь,
Я думаю все об одном
И не могу уснуть:
Неделя в играх пролетит —
Вернусь к местам знакомым,
С далеким снова разлучусь
У гхата перед домом.
Зачем же прячется оно
От близкого, точь-в-точь
Как вечно в прятки меж собой
Играют день и ночь?

Мы в праздник покидаем дом,
На запад едем прямо.
Туда ж, чуть выбившись из тьмы,
Стремится день упрямо.
Спешит он, выпустив вперед
Свой ясный свет. Как знать,
Быть может, нужно и ему
Далекое догнать.
Он совершает этот путь,
Не отдохнув нисколько.
Глядь, только вечер подошел —
Далекого не стало.

Вдаль так и просится душа.
Все точно беглецы:
Подальше только бы попасть —
Бегут во все концы.
В листе я слышу звук шагов,
Призывный голос ветра,
Река зовет меня с собой,
Ждет от меня ответа.
В какую б даль я ни забрел,
Я все ж, признаюсь, рад —
Придется к матери опять
Вернуться мне назад.

ОЗОРНИК

Я для тебя всегда озорник,
А другие дети хорошие,
Калу и Нилу с соседних дворов
Не шалуны, а тоже хорошие.
Джотиш хороший и Шотиш хороший,
Нобин шалун, а хорош. Не пойму.
Ты говоришь, что эти ребята —
Сущая радость в дому?
Макхона дети хорошие тоже,
С нами они не играют, однако,
Если же сам к ним пойдешь, у ворот —
Гав! гав! — кидается злая собака.
Мальчик хороший Панчкори Гхош,
И Гобай из другого квартала,
Все хороши. Только я нехорош.
Ты всегда на меня ворчала.
Разве когда-нибудь, мама,
Тебя не слушался я?..
Правда, нередко грязной
Бывала рубашка моя,
Правда, играя с ребятами,
Я промокал под дождем,
Можно ль за это меня
Называть шалуном?

Папа мой в детстве, скажи,
Никогда не шалил,
Не провинился ни разу,
Меня он послушнее был?
Разве всегда он, признайся,
С тобою во всем был хорош?
Сразу же игры бросал,
Лишь ты домой позовешь?

ДРУГАЯ МАМА

Будь не моей ты мамой,
А мамой кого-то другого,
Разве тебя не любил бы,
Не обнял бы снова и снова?
Как было б забавно, подумай о том,
В двух разных местах у меня был бы дом!
Я в этой бы жил деревне,
А ты за рекой — в другой,
Здесь днем бы играл я, а к ночи
Плыл в лодке — к тебе домой.
Подкравшись сзади, руками
Глаза бы закрыл твои, мать:
«Кто я? Угадай!» — а ты б отвечала:
«Никак не могу узнать!»
Крепко к груди бы тебя я прижал
И так бы при этом сказал:
«Обу, сынок твой, пришел опять!»

Вот ты на том берегу
С кувшином идешь за водой.
А кто, скажи-ка, отсюда
Все время следит за тобой?
Если кораблик бумажный
Пушу я через ручей,
Ты догадаешься сразу:
Откуда кораблик и чей.

Жаль, не умею плавать,
А то бы и сам я мог,
Когда захочу, перебраться
К тебе, на твой бережок.
Между мной и тобою
Широко струится река,
Мы, правда, видим друг друга,
Но только издалека...
Мы горевать не станем:
Пусть мы не вместе днем —
Вечером, знаю я, будут
Обу и мама вдвоем!
Если бы лодочник старый
После ухода дня
Перевезти на тот берег
Не захотел бы меня,
Ты бы в своем окошке
Светильник тогда зажгла,
Вместе с тобою на крыше
Моя бы сестренка была.
Сверкали бы Семь Мудрецов
(Не раз я их в небе видал),
И на рисовом поле
Громко бы выл шакал,
Снова б летучие мыши
Полетели сквозь тьму,
Но ты бы не испугалась,
Спеша к сынку своему.
Тебя уж, милая мама,
Я отпустить не смогу,
Останешься ты со мною
На моем берегу!

ОТВЕРГНУТАЯ

Если б отвергнутой, мама,
Пришлось тебе в горе скитаться,
Без сожаленья могла бы
Ты с этим домом расстаться.
Я скорее за пруд побегу,
Там, на другом его берегу,
Под тамарисками с легкой листвою
Хижину сам для тебя я построю,
Пол застелю в ней травой сухою,
Чтобы в том доме мы жили вдвоем.
Тигры там бродят, но за оградой
Спрячемся мы — их бояться не надо.
С луком в руке возле дома я встану,
Буду надежно нести я охрану.
Демоны злые тогда побоятся
Через ограду к жилищу пробраться...
Как только риса насыплешь в подол
И станешь в дверях вечерней порою,
Лани лесные сбегутся толпою
С рогами ветвистыми,
С боками пятнистыми.
Смело ступят они за порог,
Наедятся и лягут у ног,
Лани меня понимают
И вовсе не станут пугаться,
Если начну я их гладить —

Ко мне они будут ласкаться.
Сколько здесь в зарослях ягод —
Их можно есть без опаски,
Часто сюда прилетают
Павлины для радостной пляски,
В лесу, на зеленых ветках,
Птицы щебечут задорно,
Белки из рук твоих, мама,
Будут брать без боязни зерна.

День к концу подойдет, и пальмы
Отбросят широкие тени,
В хижине нашей уютной
Прилягу к тебе на колени.
Как буду доволен я, мама,
Что ты отдохнешь от дел!
Каждый вечер все новые сказки
Слушать бы я хотел.
Помнишь, о Сите, живущей в лесу
Ты мне стихи читала —
Вот и придется тебе
Их прочитать сначала.
В ветках сова прокричит,
Сердце охватит тревога,
Джунгли оденутся тьмою,
Станет мне страшно немного,
Крепко к тебе я прижмусь,
В дремоте глаза закрывая.
Не уходи только к папе,
Ладно, моя дорогая?

БЕСЕДА

Когда бы небом ты была,
Я — деревом густым,
Танцуя, речь бы заводил
Я с ветерком твоим.
Ко мне слетал бы он порой
И звал бы за собою,
Порхая средь моих ветвей,
В пространство голубое.
На этот ласковый призыв
Как мог бы я ответить?
Лишь танцем трепетной листвы,
Где задержался ветер.
Твой отблеск в капельках росы,
Теплом твоим согретый,
Со мной бы нежно говорил
Беззвучной песней света.
Тут поспешил бы приоткрыть
Я все свои бутоны,
Чтобы в ответ пустились в пляс
Они неугомонный.
Слетела б тучкой тень твоя,
Прозрачна и крылата,
С моею тенью бы слилась
И поплыла куда-то.
На сказки прежние твои
Похоже было б это:

Вот, дом покинув, царский сын
Идет по белу свету.
О сказочной лиане вновь
Узнал бы я в ту пору
И как найти к царевне путь
Через моря и горы.
Узнал бы об отвергнутой,
Несчастной дуорани.
И ветки вздрагивали бы
И снова замирали,
Когда твой дождь за ветром вслед
Мне на листву густую
Вдруг опускался бы легко,
Тапур-тупур танцуя.
Так мне б «Рамаяну» читал
С высот твой голос тихий,
И в каждом шорохе дождя
Порой бы слышал стих я.
Блистая б синей ты, а я
Зеленою окраской,
Улыбкой света ты была б,
Я — легких листьев пляской.
Вниз широко открытыми
Смотрела б ты глазами,
И пел бы, вскинув ветки ввысь,
Я листьев голосами.
Была б всегда гирляндой звезд
Обвита, мама, ты,
Не вяли б на ветвях моих
Весенние цветы.

1925

Ш О Т Т Е Н Д Р О Н А Т Х Д О Т Т О

Подошла к восточным вратам небес первая туча поры
 дождей,
 Забарабанила в барабаны грома. Поэт, отзовешься ли ей
 В новых строфах своих, в песнях радостных, славящих
 дождь?

Это Кришны качели, качаясь, касаются зелени рощ.
 — Речь твоя год за годом, с качанием мерным в ладу,
 В пляске молний лилась, отчего ж она в этом году
 В скорбной вдовьей одежде распростерта во прахе лежит?
 Осень в месяц ашшин, разодетая празднично, как
 надлежит,
 Взяв корзину цветов, вновь во дворик твой тихо войдет;
 Светлым знаком избрания, лунным лучом, она из году
 в год

Отмечала чело твое. Значит, что же, придется теперь
Ей опять и опять отворять в опустевшую комнату дверь.

И с охапки цветов отряхнуть, рассыпать лепестки у дверей,
Чтоб лежали замолкнувшей песней.

Знаю, всею душою своей
Ты любил этот мир красоты, ты им жил и дышал,
День за днем ожерельями песен вечно новых его
украшал.

Лжи, греху и насилию посылал ты проклятья свои,
Ты сражался с жестокостью подлой во имя любви,
И тогда стрелам огненным Арджуны становились подобны
слова.

Ты за правду борец беспощадный, вся сущность твоя
такова.

Твердый, любящий, нежный, на вину Сарасвати ты
Натянул золотую струну не сравнимой ни с чем чистоты,
И отныне на праздниках твой напев то печален и глух,
То звучанием сладким обольщает и радует слух.
По селеньям Бенгалии пляска ливней веселых идет,
Землю переполняя вечной радостью из году в год.
Ты раскрасил причудливым альпона стены домов,
В переливы кукушки, в павлиний пронзительный зов
Ты вложил свою музыку. В рощах цветущих, в листве,
Ты оставил волну своей радости. Беспокойные, юные, те,
Кто во тьме непроглядной спали тягостным сном
взаперти,

Выйдут с первым лучом, не страшась испытаний пути.
Ты в походе за новую жизнь с ними будешь, поэт,
Ты для них, этих путников, бодрствовал множество лет,
Ты сплетал им победный венок, гневных песен

накапливал груз,
Ты с грядущим столетием заключил неразрывный союз.
Узел прочно завязан, сознаьем твоим утвержден,
Друг мой, правды служитель.

Тот, кто нынче еще не рожден,
Кто не видел тебя, кто не знает лица твоего,
Тот, кому ты себя подарил в зыбком облике песни, —
останешься ты для него
Только песнею, вечно поющей... Ну, а кто тебя видел,
кто знал,
Где отыщет он то, что на веки веков потерял?

Может, будут во мраке трещать сверчки или шуметь
Неспокойною полночью. Может, туман сгустится, землю
На закате холодном.

В эту жизнь я пришел много раньше тебя.
Я по жизни шагал дорогой своей, то радуясь, то скорбя.
Ты почтительно шел позади, молодой, налегке,
Свободный душою, с послушною флейтой в руке.
Шел с венком на челе — подарком богини самой.
Ты сегодня ушел, не дождавшись меня, мир покинул
Все покровы прорвал ты, ушел в вышину, в глубину,
Ты земным был поэтом, — стал вечным в минуту одну.
Поглощен ты душою вселенной, где торжественная звучит
Бесконечности вина. Поток ее музыки мчит.
Все планеты, все звезды наводняет своей красотой.
Там ты, старший мой брат. Если нам суждено за чертой
Повстречаться с тобой, познакоимся заново. Как?
В обличье каком? Все равно, хоть какой-нибудь знак
Сохранит хоть какой-нибудь дальний души уголок —
Эту память о прахе земных бесконечных дорог,
С их страданиями, счастьем, надеждами, страхом, стыдом.
В дни земные твои на лице твоём, добром, простом.
Отсвет правды сиял. С милой скромной улыбкой твоей,
Со спокойной свободою речи негромкой твоей —
Верю, в этом же обличье встречу тебя у дверей
Незнакомо́го мира иного. Как радовался бы я!
Да не будет напрасною эта надежда моя!

КОРЗИНА ПЕСЕН

Я корзину песен тебе принес,
Приоткрой ее поскорее,
Посмотри, что хранится в ней,
Не то ли, что кроется в роще грез,
В душе моей втайне зреет,
Притаилось в стране теней?
Что в ней — и сам я знаю навряд:
Может быть, слов несказанных лад?
Ритмом стесненный цветов аромат,
Всех ароматов нежней?
Песни-цветы — драгоценный клад...
Посмотри, что хранится в ней.

Видишь, подруга, на дне корзины
Горечь улыбок, услада плача
И взоров немое отчаянье.
Нет ли там пенья рассветной вины,
Голоса флейты ночной в придачу,
Зовущей в глубины звучания?
В сердце весенняя боль ворвалась,
Ласке подобна она подчас,
Весна — это пламень, пустившийся в пляс,
Палящий, неутоленный.
Всмотрись: это все — только взгляд
встревоженных глаз,
В памяти запечатленный.

Не позвала ты ни разу голосом нежным меня,
Не смирило души моей жар
Нежное прикосновенье.
Лишь однажды, с печальной улыбкой
войдя среди дня,
Мне в глаза пролила нектар,
Взгляд подняв на мгновенье.
Сегодня желанье закралось в грудь:
Песней тебе этот дар вернуть,
Перед тем как пуститься в последний путь.
Душа моя жаждет покоя.
Приоткрой корзину песен хоть чуть
Ласковою рукою.

Опустошенный, лишенный сил,
Наполнил я все ж подношений корзину
Почитаньем высоким тебя.
Узами песен связав, я свил
Гирлянду разлук. Этот край покину,
Удаюсь, судьбу торопя.
Когда-нибудь эти мелодии, знаю,
Станут мечтою, воспоминаньем,
Сначала пусть смерть их, навек сохраняя,
В животворящее примет лоно...
В фальгуне ладони соединяя,
С последним к тебе
обращаюсь поклоном.

ПОДРУГА ИГР

Лишь выгляну за дверь — и мнится:
Узнал тебя я...
Как радовался я когда-то,
Тебя встречая!
Но ты очаровала — и ушла,
И облекла весь мир густая мгла.
Ты вспомнила меня — и вновь нашла
И, колокольцами пленяя,
Опять зовешь... И в сумерках забвения
Узнал тебя я.

В волнистых волосах несешь ты
Благоухание былого.
И слышу я в дыханье вешнем
Былые зовы.
Идешь — и колокольцы сыплют звон,
И лес твоей походкой пробужден,
И ветром чойтро воздух опьянен,
И узнаю тебя я снова.
От складок сари сладостно струится
Благоухание былого.

Подруга одинокая, — я снова
Пленен тобою!
И в двери дома колокольцы
Вошли гурьбою.

Плывет твой знак, твой лучезарный зов
Среди благоуханных лепестков,
Среди новорожденных облаков,
Высь беспокоя,
Мгновенный взор метнула ты — я снова
Пленен тобою!

Волну речную раскачала —
Зовя, умчалась...
Испачканный пылью цветочной,
Брожу, печалюсь.
Дожди кончались... На исходе дня,
Закатным золотом небес маня,
Коснулась ты рассеянно меня —
И навсегда в душе осталась.
Потом ушла... Но флейтою, но смехом
Зовя — являлась...

Зачем в мой уголок рабочий
Опять пришла ты?
Иль ищешь друга, что с тобою
Играл когда-то?
О, выведи под синий небосвод!
Хочу уйти от суетных забот
К тем, безоглядно рвущимся вперед,
Вдаль уходящим без возврата...
Хочу, чтоб от работы отрывая,
Опять пришла ты!

Опять воссоздавать былое
В воображение,
Опять на полотне фантазии
Живописать свое смятение?
Взлетает к небу пчел тревожный рой,
И с ними над весеннею землей
Взмывают мысли пестрой чередой,
Неся на крыльях пыль цветенья...
Ужель опять воссоздавать былое
В воображение?

Взгляни, взгляни — умчалось время,
Умчалось!
Звучит в последней песне вины
Вечерняя усталость.
Я чужеземцем здесь доныне был,
Я флейту дней минувших позабыл,
Душа утратила свой прежний пыл
И с песнею рассталась...
Не вовремя зовешь — умчалось время,
Умчалось!..

Что ж? Тешиться игрой последней
В ночи бездонной?
И душам вновь и вновь друг друга
Искать бессонно?
Ту, что в цветах я утром повстречал,
С которой ночью среди звезд играл,
Под чьей рукою тихо зазвучал
Напев влюбленный, —
Найду ль ее в безмолвных сновиденьях,
В ночи бездонной?..

Коль ночь придет — не усташусь я мрака,
Тебя узнаю.
И коль глаза мои во тьме изменят —
Любя, узнаю!
Коснешься краем сари — и тотчас
Услышу я твоих одежд рассказ,
И все пойму я, снова пробудясь
И уповая...
О, тайная возлюбленная — снова
Тебя узнаю!

НЕВЕДОМАЯ СПУТНИЦА

О, незнакомая странница
 Темных ночных путей!
Ветром бегущим встревожено
 Лопно души моей.
Блещет листва баньяна,
Роща трепещет пьяно.
Чьей красотой пленен я,
 Облик ищу я чей?
Сиюсь сказать... Но выражу ль
 Голос души моей?

В час, когда скорбь и страдание
 В песне звучат моей,
Опьянение глубокое
 Душу томит сильней.
Черные звезды — очи
Влажно горят средь ночи.
Тонет душа в сверканье
 Чародейных лучей...
Жажду петь — но спою ли я
 Песню души моей?
О, эта встреча внезапная
 В час беспечных затей!
Счастье, слитое с горестью,
 Правит душой моей.

Рук ее прикосновенье
Порождает смятенье,
В нем — изменчивый облик,
Трепет тайных вестей...
О, удержать его! Прочны ли
Узы души моей?

В сердце — образ таинственный
Все властней и властней.
Знаю ль его? — Неведомо
Смутной душе моей.
Но его отражение —
В каждом моем движении,
В прикосновенье, во взгляде
Милых сердцу очей...
И с пезнакомым — знакомое
Слито в душе моей...

ПТИЦА БОКУЛОВОЙ ЧАШИ

Послушай, послушай, о птица бокуловой чаши,
Ужель разглядеть ты не можешь мой лик настоящий?

Ведь я не начетчик и не стихотворец лукавый,
Презрел я причины своих унижений и славы...
Ты видела, верно, души моей путь величавый
И взгляд мой летящий.

Нашла ли черты, что навек породнить нас должны?
Ответь мне как другу, дитя голубой вышины.

Послушай, послушай, о птица бокуловой чаши,
Минувшие встречи припомнишь ли в миг предстоящий?
Младенцем обычным я в мир появился сначала,
Но солнце меня на коленях в ту пору качало,
И чампак цветущий струил мне навстречу, бывало,
Свой запах манящий.

Тогда, веселясь, по беспечного чувства ручью
Пускал я простую счастливую песню свою.

Послушай, послушай, о птица бокуловой чаши,
Забудешь ли ты, что стою пред тобою — молящий?
Я чист был душою, не ведал я мыслей неправых,
И ночи и дни проводил в бесконечных забавах;
Был баловнем неба, возлюбленным звезд златоглавых,
Ленивец пропащий;

Но песни, звучащие в жилах весенней земли,
Покой унося, по душе моей в пляске прошли,

Послушай, послушай, о птица бокуловой чащи,
От всех я ушел, где же голос, в разлуке скорбящий?
Тоскуют ли реки, бегущие вдаль торопливо?
Тоскуют ли тучные тучи порою дождливой?
Не ждет ли хоть кто-нибудь встречи со мной
терпеливо?

Грущу я все чаще...

Неужто при мысли, что прежнего мальчика нет,
Потоками слезы не хлынут ушедшему вслед?

Послушай, послушай, о птица бокуловой чащи,
Неужто меня не окликнет твой голос звенящий?
Ведь дни ликования еще не идут стороною,
Ведь я еще полон веселою силой земною —
Пропой же сегодня последнюю песню со мною,
О друг мой молчаливый!

Взгляни на меня, ощути, что душа в нас одна
Пред вечной разлукой, которая предрешена.

Послушай, послушай, о птица бокуловой чащи,
Неужто не узнан тобой к переправе спешащий?
Для берега нового я снарядился заранее,
Туда перевозят паромами воспоминаний,
Налей, виночерпица, в чашу последних желаний
Напев веселящий.

Ничем я не стал, лишь твоим песнопеньям я друг.
Пусть вечная ночь свой покой простирает вокруг.

Послушай, послушай, о птица бокуловой чащи,
Ты знак отрешенья поставишь на лоб мой горящий, —
В безвестность уйти без личины имею я право,
Пускай разобьет свой венец ослепительный слава,
Я сбросить хочу повседневности ржавой
Панцирь теснящий.

Веди меня в дали по пыли незримых дорог,
Чтоб, путь завершив, с безымянными слиться я мог.

Послушай, послушай, о птица бокуловой чащи,
Когда я уйду, мир не станет ни горше, ни слаще, —
Я просто осыплюсь цветком в предвечернюю пору,
Погасну звездой, что днем не является взору,

Умчусь ветерком, подчиняясь судьбы приговору,
Из рощи шумящей,
В мерцающем золоте сумерек, тихо солью
С шуршанием листьев бамбуковых душу свою.

СОЛНЦЕ

Туч угрюмое скопление, все в слезах, порою мгlistой,
Меч подъявля, рассеки,
Воссияй, о солнце, ярче! Пусть твой лотос золотистый
Раскрывает лепестки.
Ты гремишь на звонкой вине, ты кудрями засверкало;
В сердце лотоса укрыто то священное начало,
Что вселенной жизнь дало.
Чуть родился я, о солнце, ты, я знаю, отмечало
Мне лобзанием чело.

И твое лобзанье душу мне наполнило до края
Всесжигающим огнем.
Пусть твой скорбный лад раздастся, бесконечно возникая
В песнопении моем.
Пробужденная лобзаньем, закипела кровь смятенно,
Песнь безумная куда-то поплыла самозабвенно,
Исступленно поплыла,
И душа моя рыдала тяжело, неизреченно —
Боль насквозь ее прожгла.

Там души моей подобье, где костры твои зардели,
Им отвесил я поклон.
На берегах незнанья слышен звук божественной свирели —
Ею сумрак побежден;

И душа свирелью стала, начинает песня литься,
Расцвели жасмины в рощах, водопад ревет-ярится,
Блещут сполохи сквозь тьму,
И с напевами свирели необорная струится
Жизнь по телу моему.

Жизнь моя — твоей частица, и плывет ладья мелодий
По стремнинам бытия.
Улыбаясь, ты решило, что в объятия природе
Попадет моя ладья.
И душа в лучах ашпина бьется, радуясь плененью,
Как на шефали росинки, где дрожат, сливаясь с тенью,
Пятна солнечных лучей;
И лучи твои на волнах пляшут, пляшут, к изумленью
Очарованных очей.

Из сокровищницы света ты мне дар приносишь
Чудный —
Кто красу его поймет?
Что мое воображенье и души тайник подспудный
Свяжет узами тенет?
Создадут твои посланцы вязь волшебную узора,
Только альпона рисунок на земле сотрется скоро,
Станет гол вселенной дом —
Столь же быстро да промчатся смех и слезы,
Скорбь и ссора,
Я не буду им рабом.

Пусть они соединятся с наступлением срабона
Под завесой дождевой,
В плеске листьев, в треске камня, в бубенцах
Сребристых звона
Легкой влаги ключевой,
В пляске бешеной бойшакха, опьяненного грозою,
В час, когда веселый Васант с нами делится казною,
Будто здесь он навсегда, —
А потом за окоемом все, что нам дано весною,
Исчезает без следа.

Солнце, солнце, в день осенний жизнь даешь ты
переливам
На свирели золотой.

Мир взволнован смехом, плачем, всем угрюмым, всем
счастливым,

Ярким светом и росой.

Песнь моя куда стремится, как отшельница босая,
Обуянная мечтою, отрешенно отвергая

Все, что в силах дать земля?

Не к тебе ль она явилась, беззащитно заклиная,
Света яркого моля?

Песнь мою прими скорее, отвори врата чертога,
Я молю — внимли же мне!

Ей даруй покой блаженный, да сгорит ее тревога
В очищающем огне.

Прочерти пробор вечерний алой краскою заката
И поставь алмазный тилак песне, спетой мной когда-то,
На задумчивом челе;

Пусть сольется вечер с гимном океанского раската
В надвигающейся мгле.

ПРИЗЫВ

Она не раз меня звала, и я услышал зов ее

И долго звал...

С улыбкой тихою она открыла дверь в мое жилье —

И я ее узнал.

Она приблизилась ко мне и глянула в глаза мои,

Светильник поднимая.

И в близком свете этих глаз, в знакомом этом забытии

Узнал себя я.

Навстречу смерти, одинок, плыву я тысячею рек

В глухую ночь.

Неведом бурный океан, во мгле невидим дальний брег,

И звать певмочь.

Беспомощен и безымян, мечусь в пучинах забытья,

Изнемогая.

Как ты отыщешь здесь меня? Тебя во тьме узнаю ль я,

Моя благая?

Но ты зовешь меня! И я, надеждой новой обуян,

Пою: «Я есмь!»

Живу, живу! К тебе плыву!..» И побеждает океан

Моя ликующая песнь.

Когда ты смотришь на меня — сиянье ясное встает

В обители незримой,

И вихрем пляски мрак сметен, и тает неподвижный лед,

Огнем палимый.

К воротам мирового сна беззвучно шествует заря,
 Тая печаль.
 Кого-то дальнего зовя, кровавым пламенем горя,
 Уходит вдаль.
 И утро юное встает и по следам зари плывет
 С поющей виной.
 И мечет щедрою рукой в ошеломленный небосвод
 Алмазы и рубины.
 И кто-то, солнечен лицом, слагает песнь из красок зорь
 В обители богов.
 И песня светлая звучна, и пристален горящий взор,
 И властен зов.
 И педра тайные земли волнением пробуждены.
 Дрожат листы и стебли.
 И слышен тяжкий стон полей средь потрясенной тишины,
 И мчится вихрь, леса колебля.
 И тот, кто ищет клад впотьмах, — находит лишь
 никчемный прах
 В сокровищницах тайных.
 Свое ничтожество забыв, он тонет в травах и цветах
 Необычайных.
 И, к богу обратив лицо, скупые кулаки разжав,
 Грозой разбужен,
 Выбрасывает океан, непостижим и величав,
 Свой клад жемчужин.
 Тебя послал на землю бог, благословенная моя!
 Ты так светла...
 Огонь торжественных небес к порогу бедного жилья
 Ты принесла.
 В непрочной чаше бытия под смертным покрывалом
 ждет
 Нектар сладчайший.
 И тянешься руками ты, сойдя с блистающих высот,
 За хрупкой чашей...
 Неизреченная, вошла ты в смутный мир души моей,
 Преграды грез преодолев.
 При звуках танца пробудясь, в моем сознание
 все властней
 Звучит Сарасвати напев.

И смелый праведник, восстав, мечом сияния пропзил
Грудь сна.

И грозен избавленья гром, и светел заклинанья пыл,
И ложь поражена.

Ты на свидание идешь... Тебя нетерпеливо жду
В глухой тиши.

Один я бодрствую сейчас в ночном таинственном саду...
О, поспеши!

Ждет твоего огня свеча, и вина вспомнила опять
Твои прикосновенья.

И тьма томится, и средь звезд она стремится отыскать
Нектар соединенья.

Последнего призыва жду... От мук бессонных онемев,
Томлюсь тоской.

Я знаю в глубине моей — не спет последний мой
напев...

Уста открой!

Волшебным камнем струн моих, волшебная,
коснешься ль ты

В последний раз?

Где ты, Прекрасная, сидишь пред ликом вечной немоты
В полночный час?

Свет молний Индры принеси, наполни им мои глаза.
В огне явись

И, облако воспламенив, как долгожданная гроза,
Разверзни высь!

Томится облако давно, оно слезами налилось
И черной тьмой.

Спаси его, ограбь его — пускай прольется ливнем слез!
Таинмый клад открой!

Потом, коль можешь, уходи... Разлука тихо подойдет,
И с нею — свет.

Покажется, что день — ясней, и выше вольный небосвод,
И смерти нет.

И облик Вечной Красоты заблещет ярче и властней
Перед глазами.

И встанет над землей тогда рожденное во мгле скорбей
Сияние, омытое слезами.

Душа, где спутница твоя? В последний день пути
с тобой

Была она.

Где ветер южный? — убежал, шурша встревоженной
листвой...

Ушла весна.

Беседка дремлет и молчит, настороженно затая
Благоухание лиан.

И в колеснице золотой летит избранница твоя
За океан...

Я нынче не узнал ее, живущую в душе тайком
Уже давно.

Зачем ты не пришла во храм? Ведь без тебя так пусто
в нем

И так темно.

Зачем светильник не зажгла, молитвою не разбудив,
О жрица?

Зачем меня не позвала? Зачем Сарасвати призыв
В ночи таится?

Ты не пришла... Неполный дар благоговенья моего
Я должен взять назад.

Ужели и в последний раз ты мне не молвишь ничего
И не придешь в мой сад?

Ужели там, среди цветов, безмолвье ночи расколов,
С рассветом дымным

Не возродятся звезды вновь? Не брызнут ливнем
повых слов,
Рассветным гимном?..

МГНОВЕННАЯ

Открой, открой, о небо, занавес голубой,
Дай мне найти хоть каплю той радости былой...
В сердце мое внезапно она вошла когда-то,
Идя безлюдной пустыней, сумерками объятый,
Несмелую светильню неся перед собой...
Куда ушла мгновенная? О небо — открой, открой!

Казалось мне, что не помню... Казалось — забвенья
прах
Занес следы шагов ее на тех далеких тропях.
Но нынче прежний шелест походки ее летящей
Ритмами песен моих овладевает все чаще,
И снова, снова вижу в пленительных снах
Руки, волну вздымающие в озерных берегах...

Посланица разлуки, придя на короткий миг,
Светильником озарила души заветный тайник —
И вина очнулась тотчас, и струны мгновенье
звучали...
С тех пор в безмолвии ночи ищет Лотос Печали
Напева, что внезапно в сумраке возник
И замер, колеблясь, словно встревоженный тростник

День тот густою тьмою облик ее облек.
Л жаждал освободить ее — но помочь ей не мог.
Ее глаза во мраке тайну несли, робея...

И светлую тайну эту отныне ищу везде я.

Но образ тот манящий волшебюо далею.
И, душу свою пытая, я в поисках изнемог.

О, если бы столь быстро не отблнстала ты,
Если бы, оглянувшись, недвижною стала ты!
Тогда бы в ною тревожной, откинув свое покрывало,
Цель нашей жизни воочью перед нами предстала,
И вспыхнул бы светильник подобьем мечты,
Взметнувшись пламенем вечным средь дрогнувшей
темноты.

Сегодня на той дороге, где ты проходила тогда,
Ищу я твои следы, — но ты ушла без следа.
Ушла, в подарок оставив мгновенье это пустое...
Смотрю на строки неконченные, рожденные мечтою...
Разве цвeток, что сорван, — не красота?
Хотел я спросить у времени, — но время ушло
навсегда...

В непостижимой заре, таинственно непостижим,
Образ мечты бессонной горит пред взором моим.
Он близок, образ заветный... и все же далею,
как прежде.

Вылепленный из света, слепит он глаза надежде.
И в странном этом мире под небом немом
Рыдает неведомый странник, тоской по мгновенью
томим.

Открой, открой, о небо, занавес голубой,
Найду я алмаз восторга, сохраненный тобой,
Постигну, откуда нисходит мерцающий свет ашшипа,
Откуда наземь спускаются ночные грозди жасмина
И в грозевом срабоне порою ночной
Мчитсч буря, венчанная тикую огневой.

О К Е А Н

Океан, я с застывшей душой слышу в ночи твой рокот.
Это ропшет мечта, погруженная в сон без срока,
В синеву, в темноту, в нескончаемый сон глубин.
Нет покоя тебе, нет покоя. Муки извечных родин,
Чрево твое терзая, разрывая темный покров,
Выражения ищут. Сколько материков, островов
Жили, плясали, пели на зыбкой твоей арене:
Только в роли войдут — уходить за кулисы время,
В безмолвье, забвенье. Потерянные века,
Их образы, пляски, их бешенство и тоска
В синеве твоей колыхались, пенились, пропадали,
Подымая волненье, будящее грохотом дали.
Песенный вал на сушу обрушив, отступаешь, суров:
Одну себе оставляешь песню — скорбный, тревожный рев.

Океан, в одиночестве стоя среди ревушей пустыни,
Вижу я — плачет небо глазами звезд пустыми,
Рыдает все громче. Рожденный в звездных мирах,
Открылся в провалах ночи мне жаждущий света мрак.
Сотни миллионов лет бесчисленные планеты
Полнились огненной болью, став источником света;
Ударами острых лучей завесу мрака вспоров,,
На груди у бегущего времени они обретали кров,
Чтобы в праздник встретить зарю, но вечер
Их наступал и в бездну ввергал навечно.

ЧЬИ-ТО ШАГИ

Как сердце олень в чаше лесной,
К которому страх прикоснулся рукой,
В глухую пору ночную,

Когда темнота сгустилась вокруг,
Ложе мое дрогнуло вдруг.

Теперь до зари не усну я.

Чьи-то шаги... Чьи шаги в тишине
Послышались мне?

Иль то из незримого мира планет
Судьба моя с вестью спешит по дороге, во тьме
отыскав мой след?

Чьи-то шаги... Чьи шаги в тишине?

Кто этот путник, что чудится мне?

В страхе земля... Не Жестокий ли тот,
Тот Отрешенный — из дальнего края,
За собою дорогу стирая,
День изо дня идет?

А может быть, вечное бродит дитя,

Что от всего отказаться готово,
Бросает в стремнину потока шального
Сломанные игрушки шутя?

Волю тайным мечтам давая,
Узы сна моего разрывая,

К беде ли зовет, к добру?

Хочет, быть может, вовлечь меня

в разрушительную игру?

Пусть же так будет, пусть!

Я не боюсь, не боюсь!

Так играл я не раз. — Все новое, знаю,
Строят, старое разбивая,
Путь потеряв, открывают неведомый,
Беды нам только кажутся бедами.
Знаю — из разорванных пут,
Шутя, для качелей веревки плетут.
Сколько блаженных минут дает
К небесам стремительный взлет!
В памяти стольких тысячелетий
Втайне богатства копятся эти!

Чьи-то шаги... Чьи шаги в тишине
Слышатся мне
Опять и опять?
Не в моей ли груди раздаются? — Как знать!
Не доносятся ли с берегов океана смерти?
Узнаю их зов по какой примете?
Ужель мне уйти, разорвав оковы.
В край, которому нет названия?
О, кто ты, скажи, пришелец суровый,
С берегов расставания?
Не выбрать ли все ж по течению путь?
В разлуке страдающий, другом будь,
Поведай душе, открой —
В какую игру меня хочешь втянуть
Тревожной ночной порой?

Меня покидаешь ты вновь и вновь,
К празднику-встрече напиток готовь.
Чем нальешь чашу жизни пустую?
Когда шествуют звезды на сбор
светил,
Путем заката, что еще не остыл,
На высь поднимаясь крутую,
Следом за ними дорогой той
Он уходит, все узы порвав за собой
(Каким, как узнать, движеньем?),
Разве шагов приближенье
Слышит он, разве сквозь тьму
Тот, кто остался за горизонтом, обращается и к нему?

Чьи-то шаги... Чьи шаги в тишине
На исходе дня
В груди у меня
Звучат, возникнув в ночной глубине?

БЛАГОДАРНЫЙ

«Не забуду», — сказал я глазам твоим, полным слез.
Прости, если забуду. Столько осыпалось роз
После того поцелуя, столько весен минуло,
Столько раз увядали цветы парула,
Чтобы вновь расцвести, а голуби в знойный час
Прилетали сюда, чтобы вновь улететь, — столько раз...
Взгляд твоих черных очей
Первой любви посланье в душе моей
Запечатлел... Но на каждом слове твоём
И свет возникал, и тени скользили — день за днем,
И столько закатов слова твои покрывали
Золотом забытья, и столько ночей, что едва ли
Я счесть их могу, — писали по строчкам твоим
Что-то свое, понятное только им.
Рисуя, как дети, — и вкось и вкривь, — сменялись
мгновенья.
Не распутать, не разорвать эту сеть забвенья, —
Я бессилен, если оно овладеет мной...
Если ту весну я забуду этой весной
И светильник печали сюда не смогу донести,
Если пламя угаснет — прости.

Но знаю, что ты когда-то была.
Тогда и возникли песни, и не было им числа,
Они и сегодня звучат еще... В миг единый
Солнечный свет мне их подсказал, зазвенела вина,

И все это — взгляд твой... Я больше не встречу его,
Но в сердце моем осталось твое волшебство, —
Этот дивный мир и сегодня озаряет душу мою,
Безотчетную радость чашею полной пью.
Прости, если забуду... Но ты позвала меня
Сердцем когда-то. Во имя этого дня
Прощаю судьбе все горести, все печали,
Все, чем терзала, забыв, что было вначале,
Прощаю, что счастье мое обернулось бедой,
Что от жаждущих губ моих чашу с водой
Судьба отняла, и обманывала, и лишала силы,
И груженую лодку возле причала топила —
Все прощаю... А ты, ты уходишь в далекую даль.
Вспоминая твой облик, погружается вечер в печаль.
Жизнь без друга в доме опустевшем не радостна,
не светла.
Больше всего благодарен тебе, что ты была.

ПРИЗЫВ СМЕРТИ

Среди белого дня появился ты
В шуме радостной суеты.
Синее небо, солнце, птиц голоса,
Матери ласковые глаза.
Потоки ливня в месяц срабон, в осенней росе рассвет, —
Жизни первый привет,
Мгновенный и вечный дар
Рождения... Мал и стар —
Все радуются кругом.
Рождение — это новый житель приходит в дом.
Пусть найдет тебя смерть в одиночестве, ночью,
в туман,
На дороге, где тяжело и грозно ревет океан,
Будто пляске бездомного путника в лад
Барабаны гремят.
В незнакомом лесу, где листва безучастно шуршит,
Где поток на чужбину спешит,
Бьет в ладоши, хохочет, вторя песне прощальной в ночи,
Где светил незнакомых лучи
Ищут вечного храма, чтоб жертву свою принести,
Оглянуться там не на что, нет для возврата пути.
Дверь распахнута настежь; все горы и воды земли
Никого не укроют. Далекому зову внимли.
Станет ночь в изголовье, безмолвно замрет —
Это путника смерть зовет.

ДАР

Я принес тебе запястий пару.
Думал, ты обрадуешься дару.
Приложив к руке витые звенья,
Ты взглянула, но через мгновенье
Удалилась в дом и там, в забвенье,
Может быть, их бросила без дела.
Ночью я пришел, и мы простились.
На руках запястья не светились.
Ты их не надела.

Нужен ли дарителю отдарок?
Почему он помнит про подарок?
Спелый плод, упав, не возвратится,
Но разлукой ветвь не тяготится.
Ветру отдавая песню, птица
Разве это делает с оглядкой?
Кто дарить умеет во вселенной —
Дарит безраздельно, без размена,
Дарит без остатка.

Дар принять тому дано уменье,
Кто понять способен смысл даренья.
Видится ему в зерне жемчужном
Труженик, с его трудом натужным,
Что жемчужниц ловит в море южном.

А иному вынутый из створок
Жемчуг мнится легкою добычей.
Сам не дарит, — не его обычай!
Дар таким не дорог.

Я с собой в разладе, в споре жарком:
Что достойно в мире стать подарком?
Нет ему названья, нету меры.
Разве белый, розовый иль серый
Жемчуг из сокровищниц Куберы?
Все ничтожно для моей любимой!
Оттого взываю к сердцу милой,
Чтоб оно безделку превратило
В дар неоценимый.

БЫТЬ МОЖЕТ...

Прости, если я, преисполнясь гордыни,
Поверю пригрезившейся картине:
Семнадцатилетняя — в еще не пришедшие времена —
Ты читаешь стихи мои в одиночестве у окна,

А в небе плывет луна.

Безмолвные ночи трепещет в ритмах стиха,

Былая мелодия льется, нежна и тиха,

И радость, быть может, блеснула в глубине девических

глаз,

И, может быть, ты шепнула: «Если б он жил сейчас,

Меня он любил бы, наверно, и тосковал обо мне...»

А может быть, говоришь ты: «Он не вернется, нет,

Но лишь для него этой ночью горит одинокий свет

В моем окне».

РАССВЕТ

На груди рассвета, залитой
Золотою амритой,
Вкушал я ленивого счастья мгновенья;
Крылья сложила песня моя в упоенье,
Застыл неподвижно я, как пчела,
Что, к лотосу неба принав, замерла,
В беззвучном лучей свеченье.
Жизнь я решил превратить
в развлеченье.
Но там, где из груди земной прорвалось вод
изобилье,
Где фонтаны цветов забили
И волны травы расплескались, шурша,
Сердце оставил я; там душа
Наполнилась не спеша,
Постепенно
Ароматом глубин вселенной.
Вот почему стремление быть и сметь,
И река красоты, чьи истоки — рожденье и смерть,
Сердцу повелевают биться,
И в душу стучится
Нашего мира зов —
Шепот рек и лесов.
Коснулся меня океан вселенной,
В него погружаюсь я плотью бренной,
А светлые, щедрые небеса
Петь заставляют незримых раковин голоса,
Синюю даль наливая в душу мою и в глаза.

ЦВЕТОК ИЗ ЧУЖИХ КРАЕВ

О чужеземный цветок, когда я тебя спросил:
«Как твое имя?» — ты улыбкой меня осветил,
Покачал головой в ответ.

Я понял: в названии смысла нет.
Только одна улыбка твоя
Мне расскажет все, не тая.

О чужеземный цветок, ответь же на мой вопрос:
«Где ты рос?

Где родные твои края?»
Ты с улыбкой качнул головой в ответ: «Не знаю,
не знаю я»

И стало понятно мне:
Разве дело в стране?
Где хочешь, живи.
Если кто-то исполнен к тебе любви, —
В этом сердце твой дом.
Только в нем.

«О чужеземный цветок, — прошептал я цветку, —
Научи меня твоему языку».

Улыбнулся он, покачал головой,
Кусты зашумели вокруг листвою.
«Знаю, знаю, все понял я:
Благоуханье — речь твоя,
Ты дыханием в сердце мое проник,
Все желанья поведал мне — это и есть твой язык».

О чужеземный цветок, когда в час рожденья дня

В первый раз я пришел и спросил:

«Узнаешь ли меня?»

Ты с улыбкой качнул головой, и подумалось мне:

«Никогда

Не смогу я тебе причинить вреда».

Я сказал: «Понимаешь, легчайшая ласка твоя

Наполняет мне сердце живой красотой бытия.

Кто же лучше тебя познать меня мог,

О чужеземный цветок?»

О чужеземный цветок, когда я спрошу: «Скажи —

Забудешь ли ты меня?» — улыбнись от души,

Покачай головой; знаю, скоро пройдут два дня,

С тобою расстанусь я,

Стану жить я в другой стране,

Только нет, не забудешь ты обо мне,

Мечта долетит до страны любой,

Всегда я буду с тобой.

РАССВЕТНАЯ ПЕСНЯ

О резвушка пчела! О глаза, подрисованные сурьмой!..
Молю, залети на миг под кров одинокий мой,
Сердце — как логос. Не зная праград,
Струится по ветру его аромат, —
Это к любимой призыв немой.
О глаза, подрисованные сурьмой!

Там, где скрывает лотос пыльцу свою золотую,
Вина поет, тоскуя:
«Приди, о приди! Тебе отдаюсь во власть,
Хранилищу меда напрасно не дай пропасть,
Приникни к моей груди
В час, когда день умер, а ночь еще впереди».

Взгляни, под порывами ветра хмельного
Громы мелодий падают снова и снова
На золотистую гладь моего пруда,
Берега зашептались о чем-то, вода
Проснуться готова,
А ночь потихоньку рыдает, — редуют сумрак и сон.

Взгляни, весь мир надеждою опьянен,
Сложенные ладони ввысь простирает он;
Взгляни, там лазоревый лотос небесный
Раскрылся для речи своей
бессловесной...

Это рассвет распростер крыла;
На груди у него золотая пчела,
Откуда она — неизвестно.

О резвушка пчела! О глаза, подрисованные сурьмой!..
Разве твоя заря не спешит за тающей тьмой?
Темницы ночи моей разрушены и пусты,
Разве не знаешь об этом ты?
В проснувшемся сердце тревога и радость вместе,
Неужто ты даже не слышала этой вести?
Песнями птиц сомнения смой!
О глаза, подрисованные сурьмой!

Росой окропленная, листва заблистала
вокруг,

Гибкие ветви по ветру простер бамбук,
Щедрая роща в цветы нарядилась вдруг, —
Близится праздник мой.
Пора раздачи душевных богатств пришла:
В сегодняшних играх сердце сожгу дотла,
Все проиграю вплоть до души самой...
О глаза, подрисованные сурьмой!

М Е Д

Не хочу, как пчела, наполнять ненасытные соты,
Растрчивать весны на суетные заботы.

Пчела никогда не найдет
Драгоценный тайник рассвета — сокровищницу щедрот.
В трудах с восхода и дотемна,
Своим жужжаньем оглушена,
Пчела не знает, что вся природа цветет-поет,
Не знает сокрытую в лепестках нежнейшую грусть,
Лишь полет за добычей знает пчела наизусть, —

Не видит лесных полян,

Не видит хмельных лиан,

Не прочтет посланье весны в расцветке легкого лепестка.
Пчелиная цель — капелька меду, путь — от цветка
до летка.

Ликует душа в полете, как вольная птица,

Все выше стремится.

Необъятное небо на легких крыльях неся,
Ищет мед золотой, который взвесить нельзя.
Тот мед — сладчайший, благоуханный —
Душа берет и берет невозбранно,
Ибо его источает рассвет.

В этом полете ни злобы, ни зависти нет,
Ни оглушенного слуха, ни ослепленного взгляда,
А в меде — ни горечи, ни затаенного яда...

ТРЕХЛЕТНЯЯ

На руки взять себя не даст, только зовет издалека, —
Если любимой три года всего, в жалобах много ли прока?
Звук ее голоса в дар мне принес южный ликующий ветер,
Песня трех весен струится, журча, как ручеек на

рассвете.
Но у любимой неласковый нрав, — как я хотел бы
инного! —

То позовет меня, то убежит и не промолвит ни слова.
И все-таки я на свою судьбу не смею роптать напрасно,
Сладостно слышать имя свое мне от моей прекрасной.
Мне улыбалась не часто жизнь, давно позабыл я радость,
Пусть будет добрым сердечко той, в чьем детском голосе
сладость.

Солнечным зайчиком, там и тут мелькая в одно мгновенье,
Средь пышной зелени и цветов танцует она в отдаленье.
Незримо вошел в нее трепет лесов, третьей весны наука;
Тонкие руки дрожат на ветру, как стебельки бамбука...
Но может внезапно в ее душе проснуться высокомерье, —
Тогда она, танца не кончив, бежит и сердито хлопает
дверью;

Ну что же, и этого хватит мне, — бьются о сердце волны,
Что б ни творилось в ее душе, моя — словно кубок
полный!...

Пусть я любви получить не смог, танцем я наслаждался,
Мысли еще не созрели в ней, но ритм уже зародился.

Того, что я жажду в объятиях ее остаться пленником
вечным,
Трехлетней любимой не разглядеть взором детски
беснечным.

Но золотой коснулся рассвет ее ребячьего тела,
И третья осень с белых цветов шиули уже облетела.
Я до сих пор понять не могу, что мне в любимой
мило,

О, если бы вечным вином любви она меня напоила.
Я жажду... И все же судьба меня карает не слишком
строго —

Частые встречи дарит она, а это ведь тоже много.
Издаലെка на нее смотрю, и этим счастлив я ныне,
Родник красоты ее оросил усталое сердце пустыни.

Издавна место мое меж людей — не боле как место поэта,
И для трехлетней любимой моей неинтересно все это, —
Не знает она, что в ритме стиха тайна танца заключена,
Что гармоничность его влечет, как в далеком небе
луна,

Что ученицы южного ветра — звезды, сколько ни есть их,
Беглянки вольные, как и он, моим повинуются песням.
И только маленькое сердечко в руки никак не возьму,
Шалунья себе избрала жениха и гирлянду плетет ему.
В такие минуты в ней ни ума, ни вкуса совсем не видно,
Смущаясь, уходит она, а мне бывает очень обидно.

Однако я жду с нетерпением дня, который должен
прийти
И из трехлетней любимой сделать девушку лет двадцати.
Дыханием ветра ворвется ей в грудь затопивший мир
аромат,

Благоухание райского дерева, дерева париджат.
Чувства, которые тысячам слов растолковать невмочь,
Внезапно нахлынут и зашумят, как дождь в ненастную
ночь,

А боль, у которой ни имени нет, ни крова над головой,
Покружит по свету и обретет в стихах моих голос
свой.

Быть может, тогда шалунья поймет, что иного выхода нет,
И подойдет покорно к дверям, за которыми ждет поэт.

ВСТРЕЧА

Где жизни течение сливалось
С течением небытия,
Где время для нас обрывалось,
Однажды сошлись ты и я.
А нынче каким океаном
Плыву я к неведомым странам?
Мне челн одинокий — жилище,
И волны бьют в утлое днище.
Плыву и плыву, вспоминая:
Где низкого неба края
Срезает граница земная,
Однажды сошлись ты и я.

Бок о бок сидели мы двое,
И я, в забыти наяву,
Постиг, чье дыханье живое
Колеблет густую траву
И радостью проникновенной
Пронзает глубины вселенной.
Я понял, как звездная сила
Блеснула и сумрак сразила.
Как трепетно, неудержимо
Дыханье летит бытия,
Я понял, когда недвижимо
Сидели вдвоем ты и я.

Мы в небо глядели. Вовеки,
Сдавалось, нам рук не разнять.
Ни разу не дрогнули веки,

Уста замыкала печать.
Я понял, что слова граница
В груди мирозданья таится,
Где — в самой его сердцевине —
Богиня играет на вине.

Я понял ее сопричастье
К причинам того забытья,
Когда от щемящего счастья
Рыдали вдвоем ты и я.

Я понял, как ветру фальгуна
Губительно пламя свое.

Заря улыбается юно,
Стирая себя самое.
Как в море вливаются реки,
Чтоб там затеряться навеки,
Как ночь в состязанье с рассветом
Стремится погибнуть при этом,
Как молния самозабвенно
В себя мечет стрел острия,
Я понял, когда дерзновенно
Играли вдвоем ты и я.

Из книги

«МОХУА»

(«Могуа»)

1929

ЗНАКОМСТВО

В бездожде из тучи в час полдневный
Раздался голос гневный,
И, проклиная все на свете,
Завыл злой ветер,
И, вихри желтые волос слетая с облаками,
Мудрец Дурваса извергал из глаз кровавых пламя.

Принес тебе я в дар в тот вечер мгlistый
Кадамбы цвет душистый.
В унылом сумраке ненастья
Без песен счастья —
На каждом лепестке цветов сквозь капли дождевые
Еще лучилось солнце дня, как грезы золотые.

Когда к нам облака на небосклоне
Восточный ветер гонит,
И бьет дождь месяца срабона
Лес иступленно,
Кадамба пламенно цветет под сумеречной тенью
И наполняет гнезда птиц дыханием цветенья,
Все дерево стоит в цветах,
В цветенье их — тебе мой дар, они не падают во прах.

Подруга, под покровом темноты
Ты принесла мне в дар цветы.
Томился я, склонясь бессильно,
Не тлея светильник,
Лишь светляки средь листьев пальм мерцали чуть
заметно,
С фонариками в темноте ища кого-то тщетно.

У двери ты стояла молчаливо,
И я спросил пытливо,
Твоим молчаньем озадачен:
«Что дар твой значит?»
На каждом лепестке цветов — звенели капли ливня,
К цветам я руку протянул сквозь темноту призывно.

Коснувшись их, я вздрогнул, и все тело
Как будто зазвенело,
Наполнясь музыкой веселой
От их укола.
Я понял, что на мой вопрос ответить было трудно:
В душе под терниями мук скрывается подспудно
Сокровищ клад богатый —
Вот что мне в дар дала ты.

МУЖЕСТВЕННАЯ

Иль женщинам нельзя вести борьбу,
Ковать свою судьбу?
Иль там, на небе,
Решен наш жребий?
Должна ль я на краю дороги
Стоять смиренно и в тревоге
Ждать счастья на пути
Как дара неба... Иль самой мне счастья не
найти?

Хочу стремиться
За ним в погоню, как на колеснице,
Взнуздав неукротимого коня.
Я верю: ждет меня
Сокровище, которое, как чудо,
Себя не пощадив, добуду.

Не робость девичья, браслетами звеня,
А мужество любви пусть поведет меня.
И смело я возьму венок мой брачный,
Не сможет сумрак тенью мрачной
Затмить счастливый миг.
Хочу я, чтоб избранник мой постиг
Во мне — не робость униженья,
А гордость самоуваженья,
И перед ним тогда
Откину я покров ненужного стыда.
Мы встретимся на берегу морском,

И грохот волн обрушится, как гром, —

Чтоб небо зазвучало.

Скажу, с лица откинув покрывало:

«Навек ты мой!»

От крыльев птиц раздастся шум глухой.

На запад, обгоняя ветер,

Вдаль птицы полетят при звездном свете.

Творец, о, не лиши меня ты дара речи,

Пусть музыка души звенит во мне при встрече.

Пусть будет в высший миг и наше слово

Все высшее в нас выразить готово,

Пусть льется речь потоком

Прозрачным и глубоким,

И пусть поймет любимый

Все, что и для меня невыразимо,

Пусть из души поток словесный хлынет

И, прозвучав, в безмолвьи застынет.

ВЫЗОВ

От слабого душой я не стерплю бесчестья.
Он жажен, алчущий. Он манит грязной лестью
Любовь. Его глаза прикрыты пеленой.
Колеблющихся он тотчас клеймит виной.
Сам одержимости своей не замечая,
Все просит он. Во тьме души его до края
Вскипает пена — ядовитые над ней
Плывут мназмы. Как в гнилье клубок червей,
Воображение на дне раздумий вялых
Шевелится. И град ударов небывалых
Ему наносит ум. Когда б трусливый мог
Быть принят женщиной, ее отверг бы бог
За унижение; он женщину дает
Тому, кто мужеством завоевал почет.

М О Х У А

Полаша горделивый вид
Меня не привлечет.
Ашока слава, бокула почет
Порт, устанешь славить ты
И малоти и моллики цветы.
О Мохуа, по-деревенски просто
Зовешься ты, но по осанке, росту
Ты так же величава и горда,
Как женщина труда,
И деревом моим любимым
С достоинством неколебимым
Стоишь в лесу ты, устремив
Высоко к небу свой порыв.
Средь пальм и зарослей баньяна
Ты утром рано
С приветом солнцу шлешь поклон.
Темнеет, хмурясь, небосклон,
В лесу тревожен шум ветвей,
И завывает жгучий суховей,
Но от него спешат укрыться
В твоей листве, как гости, птицы.
В дни засухи по диким тропам
Голодным скопом
Лесные звери тихо бродят
И подаяние твое находят.

Строга, сурова,
Ты, как отшельник, претерпеть готова
Лишения и горести одни, —
Но видел я тебя в другие дни,
Как трепетно в цветенье ты встречала
Весны начало,
Наполнив чашечки цветов вином
Для пчел, гудящих радостно кругом,
И дев лесных, копивших сок цветочный
Для пляски под луной полночной
В тебе живительный источник сил,
О, как в стволе он тайно накопил
Такой пленительный весенний пыл?
И я шепчу тебе наедине,
Что имя «Мохуа» я дам моей жене.

К Р О Т К А Я

Она походит на реку в деревне.
Все задушевней, все напевней
Неторопливое журчание волпы.
Ни омутов, ни быстрины.
Над ней навис шатер листвы древесной
Он как бы уменьшает свод небесный.
Хоть неширок
Ее мирок,
Там, незатейливы и немудрящи,
Раскрылись чашечки цветов лесных, как в чаше.
Себе цены не знает настоящей
Их мед, а пчелы никому
Не скажут, какова цена ему.
В простых заботах' время пробегает;
Она в углу светильник зажигает.
С распущенными волосами,
С цветами
Домой приходит после омовенья,
Чтоб на рассвете совершить моление,
В душе сосредоточенность храня.
Она в оконце среди дня
Глядит на пруд, на водорослей пряди,
На трепет мотыльков над стекловидной гладью.
Душа погружена в безмолвье смутных дум,
А в воздухе разлит неясный полдня шум.
Когда дневные умолкают звуки,
Извилистою просекой в бамбуке,

С кувшином на бедре, набросив покрывало,
Она спускается к причалу
Медлительной походкой.
По-моему, к лицу ей имя «Кроткой».

У С Л А Д А В З О Р А

К благодеянью тайной тягой
Душа ее наполнена, как влагой
Насыщены густые тучи
Для утоленья жажды жгучей.
Ашарха месяца томление под стать
Ее душе, дары стремящейся отдать.
Она — шатер ветвистого тамала,
Гостеприимство, из-под покрывала
Глядящее с порога:
Не приведет ли путника дорога?
Ресницы опустив, она постелет ложе,
Чтоб отдохнул измученный прохожий.
Сама — как водоем прохладный, цветом схожий
С вороньим оком;
В таком пруду глубоком
Лучами поглощенными всегда
Пронизана спокойная вода.
Однако черные бутоны глаз
Бывали затуманены не раз
Слезами, что веселью, как страданию,
Порой сопутствуют, являясь данью
Душевной божеству.
Ее «Усладой Взора» — назову.

ЗАГАДКА

Любимый от ее коварства плачет.
Она схитрит, солжет и все переиначит.
За свет ему
Принять случалось тьму,
А белое зовет он черным
И потекает прихотям притворным.
Или она — лишь наважденье,
Лишь благодатной осени виденье,
Издалека
Несущей дождевые облака?
Того и жди, что молния сверкнет
И благосклонный взор перечеркнет.
Но ей самой в ущерб жестокая потеха:
Сперва любимого прогонит взрывом смеха,
Затем, наперекор себе,
В безмолвной надрывается мольбе,
Ушедшего зовет, полна унынья.
Самой горячке гибельна гордыня.

Зачем же на ее душевном небосводе
Бушует сумасбродный по природе
И шалый ветер? Почему она
В своих поступках будто невольна?
Душа ее всегда в досаде
И в неприметном для себя разладе.

В пылу самоубийственного гнева
Наносит милому обиду дева,
Но, жалостью мгновенной сражена,
К его ногам бросается она
И душу изливает без остатка.
Ее зовут, наверное, «Загадка».

МЕЧТАТЕЛЬНИЦА

Из одинокого окна
Ей в полдень даль видна
Как на ладони.

Ни облачка на светлом небосклоне
За полем рисовым — широкая река
Блестит среди густого тростника.

За нею пелена зеленой полумглы,
Где пальм кокосовых высокие стволы,
Деревья хлебные, горбатый джам.
Житье-бытье другой деревни там

Проходит, как бы в отчужденье:
Людей неведомых рожденье,
Их смерть, их праздники, их будни.

На крыше, с книгой, пополудни
Она сидит. Несобранные сзади,
Свободно ей на грудь скользнули пряди.

Душа ее блуждает где-то,
Оплакивая вымысел поэта.

Сказанье о герое
Находит в ней сочувствие живое,
И с тем, кого не видела, в разлуке
Она тоскует. В полнолунье звуки
Унылой песни лодочника к ней

Доносятся сперва сильней,
Затем слабее, словно дальний зов,
С челна, плывущего меж сонных берегов,
И слезы беспричинные из глаз
Струятся в этот час,

И пробуждаются в ней смутные желанья.
Из глубины веков ей слышатся преданья.
О, как, должно быть, сладко в темноте
Писать письмо на пальмовом листе
Пером, обмакнутым в настой печали!
«Мечтательницы» имя мы ей дали.

ПЕВУНЬЯ

Ее душа — ручей: она
Журчанья ритмами полна.
Ее речей текучая напевность
Привносит оживленье в повседневность.
Порой
В нее врывается игрой,
Потоком говорливым,
Бурливым,
Вздымая пену смеха, волны песен.
Ей мир застойный тесен.
Ее глаза — слова, жест — слово, поступь — слово,
Что жилками листа лесного
Повторено, и вечно ново;
То слово, что поит рассаду вволю,
Гоня волну по рисовому полю
Порой осенней, в месяце ашшине;
То слово, что ночами в звездной сини
Тревожит нас мерцаньем беспокойным;
То слово, что звучит в жужжанье пчел нестройном,
С деревьев мохуа собирающих пыльцу.
«Певуньей» зваться ей к лицу.

ГОРОЖАНКА

Насмешница она искусная на редкость.

Ее глумливых стрел известна меткость.
Сквозь ливень доброты, язвительно и яро,
Пробьется молния, когда не ждешь удара.

Ее насмешек буря
Ладью поклонника разносит, бедокура.

Ее учтивость вроде той тропы,

Где острые шипы
Впиваются в стопы.

Кольцо незримого огня

Ее оберегает, как броня.

Кто к ней приблизится — тем самым отдалится.

Чье сердце покорила чаровница,

Тому не будет от нее награды.

Его удел — презренье без пощады.

Лишь безучастному к ее гордыне

И полному достоинства мужчине

Над ней победа суждена.

С блистающим светильником она

В один прекрасный день окажется у ног

Того, кто ею пренебрег.

К наукам у нее влечение.

Вошло ей в плоть и в кровь ученье.

В ее душевный ритм оно вошло.

Ей разума печать отметила чело.

Зазнайства ей не прибыло нисколько,

Лишь красоты прибавилось — и только!
Себя украсить ей дана способность.
Ее наряда каждая подробность
 Обдумана не даром,
А жест как будто напоен нектаром.
Ее походка, голос — волшебство!
Она скрывать не хочет своего
 Лукавства, выдумок прелестных,
С хулой и порицаньем несовместных.
Она открыта взору, как луна,
Но дымкою окутана она,
 И тайна есть в ее осанке.
По-моему, к лицу ей имя «Горожанки».

ИЗВАЯНЬЕ

Нет спору, эта женщина — творенье
Той силы, чье бессмертное прозренье,
Чья вековая игра
Столь нескончаемо цветиста и пестра, —
Того умельца,
Что насекомых тельца
И крылья бабочек разглядывал веками,
И вдруг мудреными украсил письменами.
Но это тело —
Творца отдохновенье, а не дело,
Забава праздности минутной, дань мгновенью,
Когда он был охвачен ленью
И, в одиночестве, вечернею порой
Увлёкся облаков причудливой игрой...
Осенних рек излучины; красу
И негу пыльную в гранатовом лесу
В бойшакхе месяце, то юное презренье,
С каким на полдень и его горенье,
Высскомерия полна,
Бросает беглый взор она;
В срабоне месяце, на дне разлива — глянец
Плывущих водорослей, их подводный танец,
А в магхе месяце — дрожащую листву
Смоковниц и росой омытую траву;
Надменность плавную, с какой при первом громе
Павлины расправляют хвост в истоме, —
Все это взял за образец,
Красавице давая жизнь, творец.

Р. Тагор со своей внучкой Нондини

Но радужной окраски пузыри
Переливаются — и ничего внутри.

Души никак я не найду:
Все — внешнее, все — на виду.
Рассудок неглубокий, без раздумья,
Без остроумья.

Ей неизвестно чувство ожидания.
Утраты не приносят ей страданья.
Она подарки с легкостью берет
И так же забывает в свой черед.
Как сгусток радости вселенской,
Она явилась в оболочке женской.
Сарасвати, богиня, наобум,
Бездумно лепеча, в нее вдохнула ум.
Не потому ли дух ее и плоть —
Земли щепоть,
Что вмешана в бессмертное питье?
Я «Изваяньем» назову ее.

САДОВНИЦА

Досуг подруг своим приходом
Ей любо услаждать, как медом.
Она добросердечна.
Ее великодушие бесконечно.
Струей неистощимого ключа
Оно сверкает, через край плеча.
Ее не уязвляют боли
И горести земной юдоли.
Являясь на заре, в ее багряных волнах,
Безмолвным любопытством, как подсолпух,
Счастливо светится она,
А в полдень солнечный невинна и нежна,
Как белый лотос, прелести полна
И целомудренного благородства.
С жасмином вьющимся в ней сходство,
Когда в его благоуханье вдруг
Вольется в сумерках щемящий флейты звук.
В ее глазах приязнь и умиление
Сияют, как светильник для моления
Вечернего. Повита тишиной,
Она становится фиалкою ночной
И скрасить рада
Тьму одиночества — дыханьем сада.
Ее «Садовницей» назвать бы надо!

СЕРДОБОЛЬНАЯ

Язык лиан понятен ей.
Живых ветвей
Доступно ей наречье,
Как слово человечье.
Ее стопы прикосновенье —
Траве благословенье,
А взор, наполненный участием, бескорыстьем,
Шлет радость лепесткам и листьям.
Ее любовь не знает сна.
Как свет небесный, бодрствует она,
Всегда на страже, начеку,
Чтоб леса исцелить щемящую тоску.
Растеньиц маленьких душа немая
Трепещет, ветру и дождю внимая.
К земному лону, где источник блага —
Не иссякает влага,
Былинки робкие, за ней в погоне,
Протягивают слабые ладони.
Безмерная вселенной доброта
По листьям разлига,
Она животворит посевы.
Душа у этой девы,
Как дерево зеленое, щедро;
Добра
И ласкова, как тень его шатра.
Ее любовью в равной мере
Наделены пернатые и звери.
Детенышей беспомощность и малость
Внушают нежность ей и жалость.

Как облако с небес
Потоком проливается на лес,
Так этой деве любо изливать
На юные созданья благодать.
Ей имя «Сердобольная» под стать.

РАДОСТЬ

Созвездий танец ритмом первозданным
Наполнил это тело с гибким станом.
Не радуга ли воплотилась в ней,
 Когда прошла пора дождей?
 Небесных дев персты
Ее лица наметили черты
Тончайшей кистью рисовальной.
Певучий смех ей дан и голос музыкальный,
 А нежностью и белизной рука
Поспорит с лотосом, раскрывшимся слегка.
Ее глаза — двойкий черный пламень.
Как радости река, тоски сдвигая камень,
Она сама — свободы воплощение —
Душе подавленной несет освобождение.
В ее походке — струн звучат напевы.
Наверно, «Радость» — имя этой девы.

УТРЕННЯЯ ЗАРЯ

Она дыханьем жизни юной
Как будто наполняет час безлунный, —
Таинственную пору,
Невидимую внутреннему взору,
Когда над гущей тьмы, где притаился сон,
Восходит солнце и, не сразу пробужден,
Весь лес как бы охвачен легкой дрожью,
Бегущей от вершин деревьев к их подножью.
Неясным трепетом пронизан воздух,
А в птичьих гнездах
Еще невнятен щебет и незвонок,
Как проба голосов спросонок.
Каким-то изумленным созерцаньем
И смутным ожиданьем
Неведомых чудес
Наполнен лес.
Ее душа еще во власти сна
И в то же время бодрствует она,
Предчувствуя глубокий смысл восхода;
Вся — чистота, бесстрашие и свобода,
Она — самой себя блестящее открытье,
Но это лишь безмолвное пантье.
Ее величье — тайное, оно
В моей душе отражено.
Незримой колесницы шум
И вины золотой звучанье будят ум.

Речей обрывки и напевы
Проникнут исподволь в сознание девы.
Подобно лотосу, раскроется душа,
Молитву солнцу вознести спеша.
Благословляя жизни ликованье,
Ее сиянье, цвет, благоуханье,
Проснется новый день и раскует сознание.
С него спадут оковы сна,
Корысти путы, страсти пелена.
Дыханье ночника, отравленное чадом,
Развеет ветер, — чье дыханье пахнет садом.
Она — как солнцу гимн, как славословье свету.
Я «Утренней Зарей» назвал бы деву эту.

ЗЕРКАЛО

О красавица, в зеркало взор устремив, отчего ты
Хмуришь лоб, омрачаешь лицо выраженьем заботы?
Словно взглядом чужим на себя ты зриаешь,

тревожно

У дверей чьей-то жизни ища свое место. Возможно,
От любви у тебя эта бледность лица молодого,
За которую очи твои упрекают без слова?
Ты прекрасна. Богатством небес ты украсила тело.
Ты такую, наверно, предстать перед милым хотела?

О красавица, зеркало в трепетных пальцах сжимая,
Ты не тень ли увидела? Это иллюзия-маяя.
Вот, апсара Тилоттама, та, что в преданьях воспета,
Двор забав покидает. Звенят бубенцы и браслеты.
Сачи, Индры супруга, приняв отречение это,
Рядом с Индрой в раю восседает в сиянии света.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Юным утром в сиянье зари появляешься ты,
О невеста, в расцвете своей красоты!
Сурик блещет полоскою алой
Над челом красоты небывалой.
Вопрошаю себя: на земле родилась ты, на небе ль?
Это радости роза украсила скромности стебель!

Сладкозвучный напев да исполнит весельем твой пир.
Славный гость, самый лучший, приходит
в твой мир.
Так смелей принимай бремя счастья!
И скорей отворяй двери настезь!
Подъезжает к открытым воротам его колесница.
Весть об этом сегодня как будто по воздуху мчится.

В новой жизни душа обретет созиданья язык.
Дышит, чувствую, новой надеждой твой лик.
Ты несешь на алтарь созиданья
Самое себя радостной данью.
Созиданью служа, удивленно поймешь, что таятся
В глубине твоей самые ценные в мире богатства.

Знаю, чьих это глаз жениху засияли лучи,
Освещающая дорогу, как звезды в ночи.
Голос, в сердце твоём затаенный,
Он услышал душой восхищенной.

Распустившийся в роще души твоей нежный цветок
Ароматом чудесным желанного гостя привлек.

Если б мог — я из царства Куберы рубин бы унес
Для твоих ослепительно черных волос.

Но, увы, даже камень небесный

Недостойн невесты прелестной.

Я на свадьбу тебе принесу солнца свет и горенье
В сад любви; дар поэта — сердечное благословенье!

Н О В О Б Р А Ч Н А Я

Качаясь, лодка вверх плывет,
Темнеет небосвод.
Где здесь жених невесту ждет
У пенящихся вод?
Кто знает, почему свирель вдруг загрустила,
Сменила праздничную трель на звук унылый?
И словно слышится вокруг
Прощальный плач подруг.

С тобою говорит река
Под вздохи ветерка:
«Немало плыло здесь невест,
Бросая взгляд окрест;
И Вседержитель с ними плыл, и правил лодкой,
И ничего не говорил невесте кроткой.
Сидел он молча на корме
В вечерней полутьме.

То улыбаясь, то в слезах
Плывешь ты, пряча страх.
Ты будешь жить в краю чужом,
Покинув отчий дом.
Вот и деревня жениха вдали предстала.
Пока не отгорел закат, плыви к причалу,
Где много девушек прошло,
Склонив свое чело.

Издревле говорят: века
Струятся, как река.
Ушли и не придут назад,
Кто в жизнь вносил свой вклад,
Хоть вечность нанизать смогли б на жизней
нити.

Стираются с лица земли
следы событий.
Была печаль, была тоска —
Всё унесли века.

Надежду на пути твоём
Закат застлал ковром.
Ты слышишь: «Счастлив только тот,
Кто для других живет».
Текут повсюду на земле страданий реки,
Но беды все в вечерней мгле уйдут навеки,
Коль скажешь: «Я — любя жила.
Я светом свет зажгла!»

С В И Д А Н И Е

В поле, в роще, в лесу, в дни весны, здесь и там,
Всюду, всюду сближенья игра.
Ветер носит пыльцу, шелестит по садам:
«Наступила ль цветенья пора?»
Ради этой поры краски бьют через край,
В плясках бабочек — ритм, воскрешающий рай,
Наполняют леса голоса птичьих стай,
Что звенят не смолкая с утра.

То же самое вижу и в мире людском,
В дни сближенья влюбленных сердец.
Пробуждаются новые чувства в любом,
Прославляется каждым творец.
Все забросив дела, выбрав лучший наряд,
Люди с песней идут, нет им в мире преград.
Обветшалое все уничтожить хотят,
Новой жизни построить дворец.

Словно это ликующий месяц фальгун
Изменил облик мира всего,
Словно каждый познал — этот мир вечно юн,
Юный бог вдохновляет его!
Словно в жизни земной увядания нет.
Слился с сердцем твоим алых сумерек свет,
И вселенной игра шлет тебе свой привет
В светлый час торжества твоего,

Так свисти же, свирель, так греми, барабан,
В опьянении танца... Смотри —
Вон деревья стоят, стройный выпрямив стан,
Над рекою, в сиянье зари.
Обрати на священную воду свой взгляд,
Каждый счастлив и рад погрузиться стократ
В краски, сок, аромат, — все земное подряд
Из источника жизни бери.

Среди тысячи дней отличишь этот день
И другого не спутаешь с ним.
В нем исчезла, как дым, повседневности тень,
Узы будней разорваны им.
Он рукой божества знак на лбу начертал,
Рядом с месяцем, солнцем и звездами встал,
В небе голосом новых надежд прозвучал,
Сделал мир навсегда дорогим.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В дни расцвета весны ты ушел по одной из дорог,
У тебя на челе не увял еще брачный венок.
Но какую же весть южный ветер принес на крылах?
Вечный странник, куда ты ушел со свирелью в руках?
Не взглянул ты назад и не видел, как вины своей
Струны трогала я. В бликах света и в пятнах теней
Листья чуть шелестели, и ночь в ароматах плыла.
Сколько долгих ночей дверь в беседку открытой была,
Сколько дней на пороге ждала я и сколько часов
Рисовала священный узор! Над корзиной даров
Я душистое масло сжигала. Немало уж лет
Я тебя ожидаю, а встречи желанной все нет.
Видно, мне суждено бесконечно томиться и ждать...
Но, уйдя от меня, ты меня же и станешь искать.
Пусть покинута я — ты в блужданиях своих не забудь:
Ты тем ближе ко мне, о любимый, чем дальше твой
путь,

И куда б ни направился ты, завершение дорог
Приведет неизбежно скитальца на мой же порог.
Не порвется вовек наши жизни связавшая нить...
О мой друг! Возвращайся! Тебя я не стану бранить.
В безграничном прощении горечь обид растворив,
Я тебя позвала — и откликнулся ты на призыв.
Я жена твоя так же, как в утро блаженного дня,
И сквозь тьму расставанья ты снова глядишь на меня;
Небывалая радость сошлась с возрожденной душой,
Словно звезды, что слили сияние с ясной зарей.

Нет сегодня свирели и яркой гирлянды огней,
Встречу праздник одна я, не в брачной одежде своей
И без всех украшений. Когда молодая луна
Встанет в небе вечернем, еще и слаба и скромна,
Над холмами сияя в тот полный спокойствия час,
Пусть безмолвно расскажет она своим светом про нас!

НА СКЛОНЕ ДНЯ

Не взял ты меня с собою, а вечер сошел в долины,
И вот суждено одной мне нести страданье.
Но все, что в душе таилось, слилось с тобой воедино;
Летит за тобою следом мое признание.
Я в жертвенную корзину цветы тебе положила,
И палочек ароматных я дым тебе воскурила,
Коптил и чадил светильник, но, вспыхнув, пламени сила
Сияньем своим торжествует победу над тьмою.
Пусть жертвенную корзину рука твоя отклонила,
Мой дар невидимкой всюду последует за тобою.

В другом ты, я в здешнем мире. Постигло нас разлученье
На этом всегда безмолвном краю пустыни,
Но вижу в вечерних звездах я глаз твоих отраженье,
Твой взгляд души моей грустной коснулся ныне.
Душа моя в горькой доле твоею покрыта тенью,
Твой голос, печаль смывая, в мое врывается пенье,
К тебе мой привет сердечный уносит воображенье.
И вина, что мелодично в твоём не звучала храме,
К тебе сейчас обращает напевов своих течение,
К твоим стопам, о любимый, летит с моими мечтами.

ПОСЛЕДНИЙ МЕД

Ветер, ветер, налетев волною
 В поле после урожая,
Пчел зовет, прощается с весною,
 Луг душистый покидая.

Пчелы, где же рой ваш суетливый?
 Чойтро листьев покрывало
Расстиляет над пустынной нивой,
 Что от праздности устала.
Все в цветах колышутся растенья,
Манго все еще в цветенье.
И акондо, ветви простирая,
 Манит всех в прохладу тени.
Вы сюда скорей летите, пчелы,
 Ясным днем — с жарой сухою,
Ночью — с сыростью ее тяжелой,
 С пляской духов над травой!

Снова слышу я в листве тенистой
 Флейты вечера рыданья.
Пчелы, хоботком берите чистый,
 Нежный мед воспоминанья.
Скоро эти все цветы увянут,
Вам пыльцу давать не станут.
Торопитесь же наполнить соты,
 Дни пройдут, как в воду канут.

Так спешите, торопитесь, пчелы,
Пить цветов благоуханье,
Пусть скорей возьмет ваш рой веселый
Дар последнего прощанья!

Месяц чойтро душный зной колышет,
Чампак почки распускает,
А бойшакх благоуханьем дышит,
Сад цветеньем осыпает.
Все, что он дает вам, — без усилия
Пусть уносят ваши крылья,
Срок настал — и пусть бойшакх уходит
В опьянение изобилья!
Прилетайте, пчелы, в дни прощанья,
Свой нектар берите чистый,
Дайте людям в праздник умиранья
Дар последний, мед душистый!

ИЗ КНИГИ
«ГОЛОС ЛЕСА»
(«Вонобани»)

1931

ХВАЛА ДЕРЕВУ

О дерево! Жизнь пробуждалась едва, но ты изначала
Из недр земной слепоты на солнечный зов отвечало, —
В высокой вершине твоей зазвучала свету хвала.
На лоно косного камня, в пустыню бездушья и зла
Впервые ты чувства с собой принесло.

Над серой пустыней
Взметнувшись к сонму светил, ты песней зеленой и синей
Воспело величье земли; не страшась, до предела небесного
Ты жизни знамя взнесло перед темным лицом

Неизвестного, —

Той жизни, что, снидя не раз к бессветным смерти
вратам,
Несется дорогой времен, по их священным местам,
По новым прибежищам их, в колеснице все нового тела.
Был радостный миг для земли. Дремота ее отлетела.

Тогда-то постигла себя и, хоры покинув светил,
Отправилась Дева-Земля, божественных полная сил,
Скитальческим облачена, неаяственно-желтым нарядом,
По пыльным дорогам земным к земным неполным
отрадам,
Дробимым ударами горя, хоть прочными их мы почли,
Хоть верим в незыблемость их...

О смелое чадо земли!
За мать вступило ты в бой, отвоевывать освобожденье
Родимой своей из тюрьмы, — и длится, и длится
сраженье...
На острове диком, пустом, где прибой с четырех
сторон,
Несокрушимо воздвигло ты свой зеленеющий трон.
Хранят скрижали скалы, неприступной, каменно-
мертвенной,
Рассказ о победах твоих, сплетеньем побегов
начертанный.
И стал покорен тебе тобой очарованный прах.
Ты путь проложило в песках.

Была безглагольна природа,
И не ликовали стихии при сменах времени года.
В ветвях у тебя изначально таился для песни приют,
Той песни, где ветры-скитальцы свои голоса узнают.
Незримо телу ветров мелодия краски давала,
Украшены радугой их края твоего покрывала.
На бренном земном холсте с твоим появлением возник
Впервые самой красоты дотоле невиданный лик.
Ты солнца творческий пыл впитало, оттенками цвета
Явило в свете дневном сокровища тайные света.
Браслетами пляшущих ног звеня в золотых облаках,
Апсары разбили сосуд, что в стройных держали руках,
И — юности вечной залог — божественная амрита
Была в цветочные чаши из рая Индры излита.
И землю украсило ты...

Был тихий твой рост величав.
Ты наполнилось мирною Силой, терпение с мощью связав.

В обитель твою прихожу, в спокойствие ласковой течи,
Безмолвие слушать. Один, устав от вседневных

смятений,
Смиренно в тень я ложусь, и душа под шелест ветвей
Вникает в блаженную суть свободной жизни твоей.
Изменчивой вечно земли я слышу глухие боренья,
В себя углублен, постигаю твой мир. В тайнодействе

творенья
Елей, что у солнца кипит на груди, в твоём существе
Горит горением новым — в зеленой пылает листве.
О пьющее солнца лучи! В зеленом ласкающем свете,
Не знаешь усталости ты, доильница дней и столетий...
Ты мощь человеку дало, что в жилах древесных
течет, —

И все победил человек, узнал наивысший почет,
Соперником стал божества; вселенную всю поразила
Его непокорная мысль, его лучезарная сила.
И нет ему в мире преград... А я — посланец от тех,
Кто жизнью твоею живет, кто мирных ищет утех,
Я, сильный силой твоей, в цветах твоей плетеницы,
О друг человека, тебе приношу вот эти страницы, —
Поэт, плененный свирелью твоей мелодичной листвы,
Тебе посвящает поэму с поклоном седой головы.

Д Ж О Г О Д И Ш Ч О Н Д Р О

Друг,
Когда земля еще была пустынной и безгласной,
Не знала радостей и мук, в тревоге ежечасной —
Явилось дерево. Текли, текли века веков,
И ждало дерево, когда ж раздастся звук шагов, —
И в дебри гость пришел. Его немому изумленью
Оно явило цвет и плод, над ним простерлось тенью.
Но был еще для мира нем всевечных слов тайник,
До срока листьев и ветвей неясен был язык,
И в бездну будущих времен на всем земном
пространстве
Многоразлично шли пути древесных темных странствий.
Но светом проникалась плоть, — в живой его игре,
В частицах тайных вещества, в незримом их ядре
Забилась песенная кровь и, пусть еще несмело,
Уже на утреннем ветру хваленье солнцу пела.
Так голос жизни на земле был к жизни пробужден.
В траве, в листе и до сих пор еще таится он.
К нему я глух... Лишь ты, о жрец внимательный науки,
Дал слово немоте его. Лесов безмолвных муки
Постиг в уединенье ты. На грудь земли припав,
Безмолвная рыдала жизнь, — произрастаньем трав,
Порывом первого ростка, встревоженным движеньем
Ветвей и каждого листка, корней переплетеньем,
Где вечно с жизнью смерть в борьбе. Ты тайну разгадал,
Всеми причудливые ты обозначенья дал.

То слово жизни, что во тьме, томясь от нетерпенья,
Свободы ждало, вывел ты на свет земного зренья.
Теперь у шелестящих трав и духа твоего
Есть озаренное умом сердечное родство.
С душевной, древней связью их знакомишь ты умело,
О лучший истины слуга, — успех венчает дело.
В тайник ревнивый божества, к истоку самому,
Ты, со светильником в руке, прошел один во тьму
И слово пробудил... Жалеть не станет об уроне
Бог побежденный, — день придет, когда при трубном
громе,
При кликах радостных алтарь воздвигнет Град богов
Тебе, герой, и славы стяг вззовет до облаков,
И будет он века веков маячить над вселенной.

Мне помнится...

Упала недоверья тень на твой ашон священный.
Ты шел по знойному пути, и зависти шипы
Вонзались мелкою враждой в болящие стопы.
Ты изнемог. Но стала скорбь имуществом душевным,
Из злобы родилась любовь в паломнике безгневном.
Извлек ты из глубин души неоценимый клад, —
И громы трубные гремят с твоею славой в лад.
Ты светом светишься своим. Морям и океанам
Не преградить твоих путей. По чужедальным странам
Твоим деяньям светлый гимн звучит со всех сторон.
На небесах среди светил — твой лучезарный трон.
Там ныне тысячи огней на празднике Дивали.
И мой там пламенник горит. Еще во дни печали
Его зажег своей рукой твой преданнейший друг,
Когда сочувствия ни в ком не видел ты вокруг.
Среди шипов, среди преград и в сумерках сомнений
Своей рукою друг-поэт увенчивал твой гений.
Тогда поддержки ты не знал, лишь ропот злобы рос,
Когда огнем я осветил твой жертвенный поднос.
Теперь «Хвала тебе, хвала!» — звучит во всей
вселенной, —
«Хвала тебе, друзьям твоим и родине священной!»

МАНГОВЫЙ ЛЕС

Едва лишь кто-то в аллее сегодня коснулся свирели,
И песней твоя разрешилася дрема,
О манговый лес.
Душа вострепелась... Не знаю, во мне ли звучит,
не во мне ли,
Знакома ль душе или ей незнакома
Весенняя весть?
Твоей я жизнью живу, мне душу потоки волнуют
По недрам твоим побежавшего сока,
О манговый лес.
Ты жаждешь в слове раскрыть свою глубину потайную,
Поведать страданье и радость земную,
С моей одинокой
Тревогою слиться и с нею зацвести.
Сверкают и тихо трепещут побеги красы твоей
лиственной,
Меняясь бесчисленно в смене мгновений,
О манговый лес!
И мнится, молод и я, отрадой полон таинственной,
И для цветущих своих озарений
С весною воскрес.
Вздохи незримого, неуловимого веют, колышутся,
Утро ли, вечер ли, песня струится,
О манговый лес!

Но роскошь речи моей, лишь с музыкой слившись,
услышится, —
И уже для души обновившейся нижется
Плетеница
Цветов — мелодий, звенящих окрест.

Черпай из недр земли, раскрывай в весеннем цветенье
Голос глубин, вековые звуки,
О манговый лес!

Толика небесной души, ее на земле проявление,
Поведай нам тайну, шепни о разлуке
Земли и небес.

Голос твой ласковый слит с ветровым благовонным
дыханьем,
С пыльюю цветочной, жужжаньем пчелиным,
О манговый лес!

Он в сердце льется, роднится с неясным его упованьем,
Страданьем, мечтаньем, самосозерцаньем,
С глубинным, —

Со всем, что скрыто за тайной завес.

Голос ли темный, родимый, забытого мной воплощены
Скопился в волшебном твоём аромате,
О манговый лес?

Он тихо на ухо шепчет, хоть слов и невнятно значенье,
И сладко взволнован я благодатью
Твоих чудес.

Мысль отлетает моя, растворясь в твоём аромате,
К миру без жизни и смерти, блаженному,
О манговый лес!

Там, где Прекрасного храм, в граде Амаравати,
Надежда в молитвенный час, на закате,
Всесовершенному

Светильник затеплит земных аскез.

Долго впитывал ты животворные соки весенние
В предчувствии вспышек благоуханных,
О манговый лес!

Долго, долго, о лес, ты щедро вплетал украшения
В кудри расцветших, от юности пьяных
Сельских невест.

Там, где в землю ты врос, вблизи узловатых подножий,
Под этою кроной в весеннем цвете,
О манговый лес,
Я скромный глиняный дом построил для дней
непогожих..

Я ночью песню спою для прохожих,
А на рассвете —
Песня пропета, певец исчез.

ЛИАНА САПФИРНАЯ

Это месяц-красавец фальгун, — это ног его легкие
звоны...
Не звенят ли браслетам в ответ на лиане сапфирной
бутоны?

Небу невмочь замыкать уста,
Небо измучила немота, —
Плеснулось оно лазурью, тревогой весны обуяно,
Полнит небесной струей голубые фиалы лиана.

Тенью на дальней скале безмолвье легло голубое,
Ищет, жаждет оно воплотиться в марево зноя,
Канув в безбрежную гладь,
В море свой лик угадать.

Гроздьями нежных цветов ветвей разрешилось
молчанье,
Непостижимая тайна в их ровном раскрылась качанье.

Перед свиданием затрепетавшее женщины тело
Сжимало синее сари и речь, задыхаясь, немела, —
Но стали несказанные слова
Беспредельны, как синева.

Небесной радости свет, сквозь голубые туманы,
Затрепетал синевой в бутонах сапфирной лианы.

Это — на голос скитальца ответил путник безвестный,
Лиана познала себя в своей лазури небесной.
Везде, вблизи и вдали,
Зацветают джуй, шефали.

О, сколько сладостных слов у ашшина, срабона,
фальгуна!..
Цветов имена мою душу любовью наполнили юной.

Кто золотому чампаку шлет отзвук звонкоголосый?
Кому аромат нагкешора струится в смольные косы?
Во влажных, черных глазах —
Жасмин в дождевых слезах.

Розовый пыл олеандра в бряцанье браслетов
стозвонных,
В кадамбе с красной пылью — отражение томлений
бессонных.

Сапфирная, ты низошла посланницей дальнего мира.
Твой голос звонок и чист, как чаша неба — сапфира,
В потоке непостоянства,
Вне времени, вне пространства,
Ты — голос бога, весна, его голубая причуда, —
Скажи, незнакомка-весна, зачем ты явилась, откуда?

Зачем и откуда? — вопросом встречаю твое новоселье,
Тебе с беспричинной любовью плету из цветов
ожерелье.

Воздушные волны струят
Весенний цветов аромат,
И тени манговых рощ дрожат от пчелиного гуда.
Пестрые крылья раскрыл мотылек... Зачем он, откуда?

Как знать — зачем и откуда? Цветы, деревья и травы...
Пред гордой их красотой и восторги души величавы!
Полуденный ветер весенний
Завел в древесные сени

Павлина, и я, изумленный, смотрю на кружки изумруда,
И думаю, и говорю: кто ты? Зачем и откуда?

Робок наш ум и окован, привычки — что облако пыли.
Чужды чудес изумленья, глаза в безразличие застыли.
Что видит разум? — Застой.
Мир дрыхлет пустой.

Но ты обновление души, весна, ты явила нам чудо.
Любуюсь тобой и тихонько шепчу — зачем и откуда?

Где я поныне живу? Я — гость, я в далеком
пределе, —
Твоя голубая краса звучит мне в сельской свирели.
Пусть завершается год,
И в темной одежде идет
Чойтро... Скоро ты наземь уронишь листву, —
но покуда
Чудной цветешь красотой. Зачем ты пришла и откуда?

Ш А Л

Едва повеет от юга взволнованный и пьянящий
Ветер весны, тревогой врываясь в лесные чащи,
Лишь только хаосом алым деревья полаш зацветут,
Лишь землю багряной пылью посыплет раскидистый
тут;

Едва закукует кукушка, и цвет белоснежный бокула
Сплошной лепестков пеленой на дорогу ляжет и
около, —

Один к тебе прихожу, о друг и отшельник, шал —
Недаром ты к высям небес свое восхождение свершал
И льешь величавый покой. В своей глубине сокровенной
Цветенье древних ветвей созерцаешь ты,
самозабвенный.

В твой мир не ворвется бурей шумящая вокруг суета,
Мантрой по жилам струится творимая красота, —
В недрах глубинных солнца та вечная мантра спета.
Ты услышал, совершив омовенье в потоке света,
Напев миротворный неба; недвижим, в покой углублен,
Безмолвствуешь, годы за годами длится твой вещий сон.
Ты в день приношения жертв обновляющейся вселенной
Свой дар божественный льешь из чаши красоты
совершенной;

Поток чудесно живительный, божественный аромат,
До края земли медлительно зеленые волны струят
Из недр далеких веков... О, мало ли царств с царями,
Возникнув, исчезли вмиг болотными пучьями!

Людей роковое тщеславье нелегкой дорогой несло,
Не раз его колесницы ломалась хрупкая ось, —
Лишь пыль клубилась... Но ты, не зная дальнего
бремени,
Стоишь, недвижимый отшельник; ты гость безмерного
времени.

Друг неба, краской и цветом, ритмичным качаньем
ветвей,
Поющим шелестом листьев ты с ветром веянье слей.
Века за веками текли, твоему изумляясь цветенью,
И путник в зной отдыхал, и пастух под ветвистою
сенью.

Гнездо в ней птица свила, — но все к забвению шло...
Лишь ты в бесстрастье своем на мир зришь светло.
О, сколько бусин невечных на нити у вечных четок!
Вращается круг бытия, пробег невечных короток.
Едва лишь к ним мимолетно притронется Дух земли,
Едва обретут имена — и их уже нет, ушли
В бездонное, в неисчислимое... Но канувшие

мгновения —

В шумящей твоей листве, дрожащей от дуновения
Весеннего ветра... И память моя оживает... Вдруг
Возникнут под лепет лиственный и юность, и давний
друг.

Как часто по лепесткам луной озаренной аллей
Среди благовоний весны, от песен весенних хмелея,
Мы шли и вели меж собою волшебнейшую из бесед:
В очах его распускался из сада райского цвет.
О юность, о первая дружба — что чаша с небесной
амритою, —

И животворящие бури, и ночи, луною залитые,
Под древней сенью твоей! Исчезли, ушли навек...
Веселью сердец отвечал твой каждый цветок и побег,
И сочетались с душой в нераздельной мелодиистройной
И свет, и лепет, и смех, и леса ритм беспокойный,
И вешнего ветра порыв... И снова я здесь, я жив...

Но где же мой друг тех дней? Где чувства его,
где сила,
Что сонмы ликующих волн к моим берегам доносила? -
Где вольный жизни поток, где ветра юного шквал?

**Р. Тагор в Шантиникетоне, в своей любимой шаловой
аллее, увековеченной им во многих стихах**

Не ты ли в аллее своей восторг наш первый сливал
С восторгом своим! Увы! В твоей сегодняшней сени
Не слышно тех давних дней. Сегодня в праздник
весенний,
В сияние полной луны вливается молча печаль
Болящего смертного сердца.

Смотрю в далекую даль...
Мечтаю... Иные придут, полнолуны, блаженны
и пышны,
Весенние ночи... Но кто же положит к празднику
Кришны
На листья лотоса бокул, кто альпона ныне черты
Составит под тенью твоей, твои прославит цветы
Призывным гимном? В мечтах я вижу праздник
грядущий.
А тот, что ныне шумит, у дороги простерт с цветущей
Корзинной ночных приношений, и всем раздать он
готов
Напевов своих ожерелье и связки весенних цветов.
Иные свернулись уже, другие еще не увяли.
Паломники подошли и с собой неувядшие взяли.
Так, глядя друг другу в лицо, цепями цветов
сплетены,
С грядущим сливают бывшее волшебные ночи весны.

МЕДВЯНАЯ

О, знал я, знал я — весна близка.
О, долго, долго я ждал, пока
Ладони сложенные цветка
 Раскроет моя лиана.
Спешил на заре подойти, посмотреть,
Как соком полнится юная ветвь,
Как будто свету шепчет: ответь
 Ответь лиане медвяной!

Едва погрузится в сумерки день
И ляжет в листву золотистая тень,
Едва заколеблет древесную темь
 Вечернего ветра истома, —
Я молча вхожу в густолиственный сад,
Глубокою ночью, под зов цикад;
Горит Ориона приманчивый взгляд
 У черной черты окоема.

Срабон подует, — по листьям хлеща,
Лиану затопят струи дождя.
Я слышу — страдает она, трепеща,
 Всеобщим страданьем вселенной.
Я знаю, чем дышит ее глубина
И чем у лианы душа смущена,
Когда, под росой сверкая, она
 Дрожит листвою смятенной.

Едва бытия бесконечный поток
Омоет светила, в положенный срок
Волною вольется божественный сок
В витые зеленые жилы.

О, ветра и ветви тесная связь!
Он, будто к родимой на грудь устремясь,
К лиане приник, — и дрожу я, дивясь,
Постичь свой трепет не в силах.

Лиане, впивающей воздух и свет,
Одной лишь дано прочитать привет
От смены годичной, — но этих примет
Не ловит мое разуменье.

А ветер-странник до всех и всего
Доносит небес и земли волшебство.
Как мудро лиана приемлет его,
Слежу в немом изумленье.

Не время цветенье таить и беречь,
Уже не устанет в уста ее течь
Амритой благой вселенская речь,
И нет для расцвета препоны.
В божественном ритме, вблизи, вдали,
Впитав благовонную роскошь земли,
Звенит зеленая вина — внемли!
О звоны, сладкие звоны!

Не знала меня, а сама прибрела
И стала у дома, светла, весела,
В глаза глядела, ждала, звала,
Качалась, как полупьяная.
Когда ж зацвела она с первым лучом,
Был каждый цветок — от друга письмом.
Ее как родную я принял в дом,
Назвал ее «Нежномедвяная»...

Когда навсегда я из дома уйду
В страну, где нет перемен в году,
Весна, возвратясь, разбудит в саду
Цветов расцветших печали.

И пусть хозяина нет в дому,
Лиана к порогу придет моему,
Ее приношений цветы я приму
Из недостигаемой дали.

И давняя нежность, где царствуешь ты,
В побегах примет бывшие черты,
Заблагоухают лианы цветы
Моей заветною тайной.
О, много у памяти вырубят вех...
Ни прежних сказаний, ни прежних утех...
Но пусть звучит на устах у всех
Лишь имя «Нежномедвяной».

КУТИРБАШИ

У самой дороги
Твой домик и сад.
Мимо — крестьянки
На рынок спешат.
Смех из-за пыли
Доносится чей-то.
Аскета бесстрастного
Спутница, флейта,
В сиянии утр
И во тьме вечеров
Звенит в дуновенье
Скитальцев-ветров.

Все, что даровано
Миру земному,
Чудесно приближено
К мирному дому:
Ветвей колыхание,
Шепот травы,
И буря, шумящая
В гуще листвы.
Поутру близ домика
Пчелы жужжат,
И сети плетутся
Под пенье цикад.

Один ты вернулся, —
Настал уже вечер, —
И ты осчастливлен
Вечернею встречей.
Красу, что у дома
Смиренно цветет,
Незримо лелеет
Твой нежный уход.
И знает ли кто,
Что душевного блага
Здесь в лоно земли
Изливается влага?

День каждый приносит
Отрадное что-то,
И дивно меняются
Года щедроты.
Ты — с сердцем прозрачным,
Скромн и тих,
Ты можешь спокойно
Брать у других.
Ты в горнее небо
Взираешь светло,
Тебя не обманут
Добро или зло.

Не хочешь сердца
Завоевывать властно,
Но душу свою
Отдаешь ежечасно.
Прохожие в дом твой
Охотно войдут:
Познаний не ищут,
Богатства не ждут
Но ясно, зачем,
От сует отрешен,
Садится прохожий
С тобой на ашоп.

У пруда близ хижины
В холе и неге

Деревьев цветущих
Пестреют побеги.
Хозяин безмолвен,
Безмолвны растенья,
Проста красота
Их немого цветенья.
Побудь же мгновенье
Безмолвным и ты, —
Легко ты постигнешь
Язык немоты.

Вы с домиком схожи:
Приветливый кров
Не знает ненужных
И суетных слов.
Над скромною кровлею —
Дерева тала
Листва не густая
Плясать не устала.
А спереди — голый
Участок земли,
Лишь пальма уныло
Маячит вдали.

Спокоен твой домик,
Ему не под стать
Спешащее время
За пятки хватать.
И сам он — прохожий,
Чей призрачен след:
Как будто и есть он,
Как будто и нет...
Уйдет он, исчезнет
Без боли утрат —
Так листья засохнут,
Цветы облетят.

Чужды неприязни
Дорога и дом.
Дороге и дому
Отрадно вдвоем.

Я пленник почета,
Но все ж по пути
В твой домик желал бы
И я забрести.
Желал бы... Да вихорь
Меня завертел
Заботы, работы
И всяческих дел.

ПРАЗДНИК ПОСАДКИ ДЕРЕВЬЕВ

З Е М Л Я

Богатства сердца, клад сокровенный
В сердце, земля, прими!
Теснее в день сей благословенный
Сдружись с людьми.
Да будет крепость в стволах,
Нежность — в цветах.
В мир пошли голосистых птах
Оповестить о твоих дарах.

В О Д А

Туча, ударь в медь Индры! Грозовым гулом раската
Прогрохочи в синеве! Пусть, радостной дрожью
Пробудится дерево! В лес его позови на чудесный объято,
Праздник счастливой земли — «Окропления влагой
небесной».

С В Е Т

О свет, божественный свет, о первое слово творенья!
Взгляни на саженец юный ты взором благоволенья!

Обильно тебя наградит благодарное дерево цветом.
До времени слово храни под строгим и нежным
запретом, —
Когда же, налившись огнем, забудут листья и
соцветья,
Пусть гимн победный тебе гремит и не молкнет столетья!

В Е Т Е Р

О ветер, что медлишь? Зачем не летишь?
Уже я в прохладе свирель твою слушал,
Уже ты лесов опаленную тишь
Дыханием первым нарушил...
А дерево к играм тебя пригласит, —
Подай ему песню из щедрой ладони,
Его обучи, — чтобы краски и ритм
Смогли зазвучать в разволнованной кроне.

Н Е Б О

О небо! Взором ласковым из недр вызываешь ты
Земное воплощение таинственной красоты.
Зовешь — и темный образ, когда-то зачатый, где-то,
Уже совершенства ищет, впивая амриту света.
Душа молодого дерева в лазури твоей возмужала,
Свою ты безбрежность синюю с зеленой листвою
смешало.
Благослови же на счастье ты юные деревья, —
О, пусть лесные созданья узнают любовь божества!

И з к н и г и
«З А В Е Р Ш Е Н И Е»
(«Поришеш»)

1932

Д Е Н Ъ Р О Ж Д Е Н И Я

Дни рождений, за солнцем стремясь вперед,
Свой завершают круговорот.
Бог разрушенья,
Перебирающий четок звенья,
Нить последним вяжет узлом.
Боже, гирлянду, спаленную солнца огнем,
Тебе приношу, о мои завершающий
дни, —
Руку за ней протяни!

Мрачно, сурово жилище подвижничества твоего,
Пустынно, мертво...
Зачем же туда воссылаю я хвалы
И в полдень палящий, и в бурю под пологом мглы?
Теперь снизойди с бесстрастных высот,
Дай мне увидеть лесов твоих трепет, волнение вод,

В предчувствии ливней притихшие дали
И солнце в дымке печали,
Где в мареве меркнет, закатом спаленный,
День утомленный,
Где, озаря вечерний простор,
Безмолвные звезды лучами ведут разговор,
В уединенье готова
Для вечности жертвы, дары, славословья.
Земля отдает
Все изумруды своих щедрот,
В мягкий покой погружена,
Это она,
Ласкова и нежна,
Приносит каждой душе вдохновенье,
Радость, блаженство, музыку, пенье.

На тихом дворе вселенной пусть отдых душа найдет.
Пусть разорвутся пути забот.
Соберу, возвратясь, цветы земли,
Ветром раскиданные в пыли.
А свет весенний и воздух
Песнями зыблется в птичьих гнездах.
Мир утопает в напевах и звонах,
В гуле своих тамбуринов зеленых.
Это вселенной дыханье,
Радость земли, и морей, и бездонной
души мирозданья —

Все заберу, что созерцаю,
Взором и слухом жадно впитаю,
Сном, пробуждением, страстью, мечтою...
В вечер последний, на берегу океана покоя,
В мир догорания жизни бренной,
Из водоема вселенной —
Тело, и душу, и сердце наполню в последний раз.
Прочь все заботы, сомненья — я отвергаю вас.
Прочь честолюбье и слава. Все прошлому отдаю...
Я ухожу, но в мире оставляю любовь мою.

ПУТНИК

Хочешь ты знать, где свобода и в чем свободы залог?

Я не пророк,

Я лишь поэт — и земное

Близко мне, вечно со мною.

С берега вижу, как жизни река

В приливе-отливе течет, широка,

Свет и тень увлекая с собою —

Доброе, злое.

Сколько поток тот унес

Утрат и свершений, горя и слез,

Берег один намывая, другой размывая!

Встает над рекой заря золотая,

Луна на нее устремляет взгляд,

И звезды горят,

И, чадор свивая свой длинный,

Солнце уходит, а в чаще душистой жасминной

Дышит сама красота;

Птицы поют о ней с каждого в роще куста.

Волнообразным круженьем уносится в танец душа,

Ею же созданным ритмом дыша,

Вечным всемирным потоком —

В нем и оковы мои, и свобода в движенье широком.

Я ничего не хочу удержать, для себя сохранить,

Вместе со всеми мне хочется плыть,

Встреч и разлук распуская узлы,
Этим великим потоком
Я по ветру взрезаю валы.

Путник священных дорог,
Десять сторон и путей по желанью ты выбрать
бы мог.

Храма нет у тебя, и нет на небе дворца,
Персрождениям — конца.

Каждый твой шаг — это к истине путь,
Рядом с тобою в движение свободой полнится грудь,
В ритме движенья и в песне движенья,
И в упоительном даре волненья,
И в темноте, и в сиянье, —
В миг разрушенья и в миг созиданья.

НЕУДОВЛЕТВОРЕННЫЙ

Жажда видеть и слышать, зренье и слух утолив,
Жажда ответить прикосновеньем на мирозданья
призыв,

Жажда нищего духа, который отдаться рад
Мелким соблазнам житейских усад,
Тревожная жажда разума в живую излиться речь,
Жажда глядеть на дорогу, ожидая несбыточных встреч,
Жажда души бессонная, стремящаяся найти
В неведомое пути, —

Из стольких противоречий, всечасно, из века в век —
Созидается человек.

Правда и ложь, надежды, сомненья, радости и потери,
Споры, желанья, страсти, твердая вера, безверье,
В воображенье созданный страх,
Успокоенье — тоже в мечтах,
Вера в придуманное божество,
И неизбежная гибель его, —

Вся ветхость мертвого хлама, прошлого пыль легла
И на привычки наши, и на будничные дела.

Сколько разгадывать в жизни пришлось
Призрачных знаков, призывов, угроз.
Образов сколько в недрах сердечных
Воображалось — неверных, невечных.

Сколько любви, отречений, напрасных стремлений ввысь,
Сколько порывов и упований, которые не сбылись.

Сколько молитв недостойному, великому —

приношений,
Самообманов бессмысленных и благодатных свершений.

Стыд поражений, радость побед,
Злое и доброе, мрак и свет,
И дух, и тело, и явь, и сны —
В образе зримом воплощены.

Созидает свое грядущее воплощений земных черед
И страх, и беда, и радость, и усталости мертвый гнет,
Несвершившееся и свершенное, все дороги и перепутья,
Все исчерпанные желанья, обветшавших одежд

лоскутья, —
Наконец-то в единый образ превращаются, воплотятся,
Но и это единство кратко, непрочна и такая связь.
Лишь возникло сознание где-то на таинственном

рубеже —

И прервалось уже...

Зачем, для чего?..

Ограничив себя самого,

Наяву, на земле или в призрачном воображенье —

Кто подобья свои создает и забавляется тенью?

Созиданья, миры и века, воплощенья без счета —

Лишь игра, развлечение беспечное чье-то.

Жизнь между часом рожденья и неизбежной кончиной —

Есть у тебя цель и причина?

Кто тебя создавал?

Как доискаться твоих начал?

Ты существуешь ли? Немота

От века сомкнула твои уста,

И потому ничего в бессилье

Они не ответили, не разъяснили.

Вот и граница жизни брэнной.

Я о себе заявляю вселенной, —

Или мой оборвался голос?

Все раздробилось и раскололось.

Ни смысла, ни цели. Бездумье, хаос.

Зачем эта жизнь, если все распалось?

Когда надежды нет впереди,

Неутоленность в моей груди

Сердце терзает, сама с собой

Ведя непрерывный, вечный бой.

Семя, борясь с землею, старается прорасти,
К свободе и свету упорно прокладывая пути.
Ужели свободы не будет, и маленькое зерно
В слепой и глухой печали погибнуть обречено?

Я

Знаю ль я себя, это «я», что повсюду со мною.
В речи его узнаю ль слово свое живое,
В походке — свое же движение и чувство,
В картинах — мое же искусство,
В пении — мой же напев вдохновенный,
Где радость и горе живут переменно?
Думал я — нет с моим «я» мне разлуки,
В жизни и слезы и муки —
Все достояние «я» моего,
В играх, делах, всюду слышу его;
Думал я — связаны с ним мы судьбою одною,
Вместе родившись, умрет оно вместе со мною.

Воспоминаньем былое хранимо:
В прикосновениях, в ласках любимой
Снова и снова себя обретаю;
Душу наполнила радость святая
На берегу красоты бытия.
Больше оно — это «я», чем сам я,
Шире границ оно мысли моей неустанной;
Даже в величье героев пураны,
В жизнь погружаясь иную,
Я нахожу, времена и пространство минув,
«Я», что во тьме, в тишине
Вечно таится во мне,
В жизни того, кто с ним идет слиянья,
И постигаю я знанье,
Речи бессмертных поэтов любя.
В них мое «я» познает и себя.

В дни, когда ветер ревучий
Гонит угрюмые тучи,
Небо от нас застилая,
Я, размышляя,
Вижу извечное «я» в его грозном величье
В разном обличье,
В стольких рожденьях, смертях, переменах
от века до века, —
Образ души человека.
В том безграничном слиянье былого с грядущим,
В вечном и сущем,
Видится «я» мне, подобное чуду,
Что одиноко проходит повсюду.

Т Ы

Солнце вышло из мрака ночи;
У ее границы
Мы с тобой различаем ясно
Звук его колесницы.
Вот он в листве шумит,
Вот на крылах с ветром летит.
В гнезде своем проснуться спешит
Путница неба — птица.
Слышишь: солнечной колесницы
Мантра зовет в дорогу?
Долгим путем в ритме одном
Рядом идем мы в ногу.

Взошло уже, озаряя лес,
Утреннее светило.
Словно волшебный камень, оно
В золото все превратило.
И задрожал каждый листок,
Луч на траве росы зажег,
Качнулся лотос, Лакшми цветок,
Нам улыбаясь мило.
Кроваво-красный полаш в цветенье
Тонет в зное лета.
Мы же с тобой песней одной
Славим победу света.

Мой парус наполнен ветром песни,
 Ладья не страшится бури.
Вечной путницею безвестной
 Ты со мной — на лазури.
В этих глазах солнца восход
Гимном своим молча живет,
Все, что грустный певец поет, —
 В твоей улыбке и хмури.
Снова вечер в лучах заката
 Близится мглой неверной,
Солнца призыв вновь заменив
 Песней своей вечерней.

Мне в твоём непостижном зоре
 Мир открыт бесконечный.
Дивной песне на струнах вины
 Вторю я песней встречной.
Тьма в пещере души твоей,
В ней я свершаю танец дней.
Вечна ты; я, что ни день, новей,
 Но вечен и я, невечный,
В дни, когда я с весной расстанусь,
 Будь со мной в день осенний!
Свет красоты даруешь ты,
 Вечное обновление.

Ночь пришла, неся сновиденья,
 Закутан мир в покрывало,
Жены с кувшинами за водою
 Сходят к реке устало.
Вечер сгустил горести дня,
В небе померк отсвет огня,
Но, озарив светом меня,
 Ты предо мною встала.
Черный твой взор, незримо для всех
 К звездам луч воссылает,
Но для чего плешь ты его,
 Разве кто-нибудь знает?

Вижу я нежных очей пыланье —
 Как позабыть мне это?

Вижу: сияет твоя улыбка
В ярких лучах рассвета...
Путь кончается. Гаснут огни.
Душу свою в ночь окуни.
Шлют тебе грядущие дни
Ласку привета.
В дальних звездах поет твой голос,
Льется под небесами,
Сердце горит, громче стучит,
Полон мой взор слезами.

Твой светильник в душе смятенной
Зажег любви пыланье,
В эти песни ты жизнь вдохнула,
Свое очарованье.
Мудрости свет ты принесла,
Ты рассеяла сумрак зла,
Кисти моей жизнь ты дала —
Альпона начертанье!
Ты, Сарасвати, в стольких душах
Звуков ткешь покрывало,
Песне ты вслед будишь рассвет,
Но ведь уж ночь настала.

Не узнаю я лица твоего,
Мгла уж его сокрыла.
Что же я речи твоей не слышу?
Слов твоих где же сила?
Тщетно ищу я облик твой,
Окружена ты темнотой,
Смеха и слез ритм вековой
Словно душа забыла.
Только звон цикад неустанный
В сердце смолкнуть не хочет,
Рядом со мной ты спрятана тьмой,
Тьмой беспросветной ночи.

Неужели, о друг всей жизни,
Надо нам расставаться?
Неужто струнам вины твоей
Суждено оборваться?

Спутницею ты верной была,
О, не гаси то, что зажгла,
Пусть моя ночь будет светла,
Дай ей святой остаться!
Глаз мне милых сияньем чистым
Сердце мое согрето,
Славим вдвоем мы пред концом
Вечное царство света!

М А Л Ь Ч И К

Когда-то, мальчиком, я в знойное затишье
Любил лежать на крыше
Над комнатою угловой.
Так, прислонившись к двери головой,
Лежал я на циновке, одинокий,
Отвергнув школу и уроки.
Кричал о чем-то коршун в вышине,
Листва дерев слегка дрожала в тишине,
Вороны, клюв раскрыв от жажды,
Садилась на забор, на выступ каждый,
Слетались воробьи с веселой перепалкой, —
Они устроились в углу, за балкой,
Торговец уличный орал на весь квартал,
И кто-то с крыши змея запускал.
Порой, как смутный зов,
Мне слышался в домах соседних бой часов,
И даль неведомого дня
Волшебной музыкой звучала для меня.
Мой праздный ум чего-то ждал,
И я мечтал и трепетал
То ль от любви непостижимой, то ли
От беспричинной боли.
Казалось, на́ небо, на светозарный луг,
Меня зовет незримый друг.

Теперь мне семьдесят. Не мальчик я давно,

Но распахнул в душе окно —

И, как в мальчишеские годы, снова

Смотрю я вдаль в конце пути земного.

Томимая жарой,

Листва сириса зыблется порой.

Под тенью тамаринда, у колодца,

Дворовый пес лежит, не шелохнется,

Он чувствует, дремля, —

Нежна, влажна прохладная земля.

Лежит усталый вол, свой труд закончив тяжкий,

Освободясь на время из упряжки.

Листва гардении зачахла на припеке

И сохнет, скудная, чтоб возродиться в соке...

Все вижу я, всего касаюсь острым глазом,

Во всем живет мой разум, —

Как мальчик, оголен, он стал ясней и проще,

Вот он сливается с зеленой тенью рощи,

С заоблачною синевой,

С которой связью связан я живой.

Но в мире, где мне все давным-давно известно,

Вдруг раковины зов рождается чудесно,

Тогда мне кажется, что на короткий миг

Движение тайное вселенной я постиг.

К О Н Е Ц Г О Д А

Трудной дороги жизни близится завершение.

Смерти сгустились тени.

Заходящее солнце сокровища расточает и раздает —

Всю безмерность своих щедрот.

В величье сверкающей смерти, у предела пути моего,

Я жизни узрел торжество.

Скажу я, смерти холод в своей ощутив крови:

«О радость любви!»

Любовь закуталась в тайну, как в темное покрывало,

Жизнь со смертью связала.

Чашу моих терзаний, скорби моей сокрытой —

Наполняла она амритой.

Я, одинокий паломник, блуждал по дорогам печали.

Зной небеса источали.

Когда друзья отвернулись и светильник во тьме погас —

Я вину тронул первый раз.

Осуждений гирлянда шипами изранила грудь тяжело,

И славой оделось чело.

Я мира лик озаренный созерцал, не смыкая глаз,

Совершенству его дивясь.

Дыханье Лакшми из сада, где Вечная Красота,

Овевало мои уста.

Вселенной радость щедрую и вздохи ее скорбей

Я выразил флейтой моей.

Без умолку говорящих о предвечном начале начал —
Я друзьями считал.

Сколько было обид и страха, унижения и стыда.

Но так к победам я шел всегда.

И в душе, еще не оплакавшей бесконечных своих
потерь, —
Вдруг отпиралась дверь.

Мной завоевано право человеком стать во вселенной, —
Доля такая благословенна.

Туда, где в познания и мысли льется поток амриты, —
И мне дороги раскрыты.

В сердце образ ношу совершенства, который из рода
в род
Все человечество создает.

Сидя на коврике праха, совершенное созерцая,

Видел свет без конца и края.

Видел все я, что меньше малого, и все, что больше
большого —

С берега чувства земного.

Сквозь оболочку брENNую, прожигая ее насквозь, —
Пламя души рвалось.

С отшельником суровым, что скрывается, нелюдим, —
Шел я путем одним.

В том, кто свои заблужденья, как цепи, срывал, дробя, —
Я тоже видел себя.

Там, где герой бесстрашный смерть без труда одолел —
Место мое и мой удел.

Несравненный, чье имя всегда забываю, чьей благи
нет границ, —

Пред ним простираюсь ниц.

Благословенье тихого неба коснулось души моей,

И радуюсь блеску прощальных огней.

В этом волшебном мире, гимном во славу бытия —
Будет грядущая смерть моя.

Последние приготовления. Прощанье с судьбой своей.

О смерть, завесу сорви скорей!

Знаю, какая нежность из этой души лилась...

Памяти нет. Светильник погас.

О смерть! Своею рукою бессмертья надень венец!

О даруй бесконечность, конец!

О С В О Б О Ж Д Е Н Н Ы Й

Прекрасный! Дай мне отвагу, в которой душой возрасту.
Дай утоленья полного небесную чистоту.

О, дай мне прах повседневности стряхнуть
с измученных пог,

О, дай мне без колебания перейти мгновений поток.

Порою дождей, вечером, в одетой цветами чаше —

Жасмин расцветет отважно — под бурей, бедой
грозящей.

Когда беспощадный ливень свирепствует, озверев, —

В душе просветленной мгновенья бессмертный звучит
напев.

Жасмин опадает с улыбкой на ложе из влажных трав,

Благоуханьем девственным свое совершенство создав.

Пошли мне его отвагу, и мужество, и покой,

Самозабвенья силу даруй мне щедрой рукой.

Ясным своим совершенством сомнения разреши,

Вплети в напевы покоя все чувства моей души.

Чтобы смог от себя я скрыться, все бренное

отстраня, —

Молю, Прекрасный, Невидимый, к себе призови меня.

Пусть зазвучит сегодня пенье флейты твоей

В страстях, наводняющих душу, как реку — пора

дождей...

Как будто ни ветра, ни зноя, ни суетных нет дорог,

Как будто и пыль не покрыла мой одинокий порог.

Стою у черты последней. Темнеет. Окончен путь.
Пора и солнцу усталому у края земли уснуть.
Путник идет бесстрашный, не колеблясь и не скорбя,
Он темной, безвестной тропой куда-то уйдет от себя.
И меня отпусти в бесконечность, томящегося взаперти,
О, дай мне те же сокровища и те же открой пути!
И пусть наполнится музыкой простор над твоей тропой.
О невидимый! О далекий! И меня уведи с собой!

НОВЫЙ СЛУШАТЕЛЬ

1

Едва лишь кончил я читать
Свою последнюю тетрадь, —
«Читай, читай опять, —
Сказал Омийонатх, в восторге от стихов, —
То — голос истины и музыка веков!»

А маленький Нондогопал
Коляску за веревочку таскал.
Я говорю ему: «Ты почему шалишь?
Когда стихи читают, мой малыш,
Коляску разве возят в доме?
Смотри, как слушает прилежно дядя Оми!»

С трудом уселся Нондо, наконец,
Прижался к дяде Оми сорванец,
И на меня смотрел он, большеглазый,
На краткий миг забыв свои проказы.
Но вот наскучили ему слова тетради,
И, чтение мое прервав, сказал он дяде:
«Сломалось колесо колясочки моей,
Ты обещаю — так почини скорей».

Тот мальчику шепнул: «Молчи! Мешаешь! Тише!»
Бессмертной музыке четверостиший
Вновь мальчик внемлет. Но терпенья нет,
Выбрасывает несколько монет
Он из игрушечной коляски.
Увы, не ожидал поэт такой развязки!
Малыш монетами звенит из озорства,
А я уныло бормочу слова.
Когда твой слушатель таков,
Возможно ль чтение стихов?
Я бормочу куплет, но громче звон монет,
И терпит поражение поэт!

«Какой противный мальчик! Просто горе!» —
Воскликнул Оми. — «Я с тобою в ссоре, —
Ответил Нондо. — Вот коляску заберу
И с братом Дином я начну игру:
Устроим станцию. На ярмарку тогда
Поедут в Боддибатти поезда».
Сказал, с трудом обиду пряча,
И убежал с коляской, чуть не плача.

Сказал я Оми: «Хватит нам стихов!
От Нондо услышал я новой жизни зов.
Понятно мне, но не понять другим,
Что равнодушен он к стихам моим.
Сейчас лишь тот поэт его влечет и манит,
Кто так же, как и он, своей игрушкой занят, —
Тот, кто с колясочкой придет сюда
Или на ярмарку отправит поезда.
Когда же ярмарка окончится моя
И будет ждать меня последняя ладья, —
Приедет тот поэт в своей коляске.
Читать я буду там стихи — бывшего сказки,
Но колокольчик нового певца
Не даст мне дочитать их до конца.
Ну что же? Я уйду, не ведая печали,
Чтоб новых, лучших дней напевы зазвучали.
Ужели из цветов моей весны
Нельзя сплести венок поэту новизны?

Проходит двадцать лет, меняется пора:
 С колясочкой окончена игра.
 «Ты, дедушка, стихи сегодня написал?
 Прочти-ка их», — сказал Нондогопал.
 Надеюсь, трепещу, боюсь: с чего начать?
 То ту, то эту достаю тетрадь,
 Гляжу на рукопись, а в сердце — страх:
 Нет мысли, чувства нет в моих стихах!
 Меж тем на юношу одним смотрю я глазом:
 Я вижу бдительный и беспощадный разум,
 А лоб отточен временем, как меч,
 Готовый все отжившее отсечь,
 Взгляд пронизателен, умен, остер,
 И сразу же выносит приговор.
 Высоты видит он и бездны роковые,
 Легко решает он вопросы мировые,
 Отрывист, резок смех.
 А правда для него ценней сокроищ всех.

И начал я читать стихи тех давних лет,
 Когда учил меня наставник мой, поэт,
 Слова любви, еще себе самой не ясной,
 Пугливой, страстной,
 И жили в каждом слове
 Похожие на крылья птицы брови,
 Язык безмолвный глаз,
 В которых жаркая надежда родилась,
 И боль сомнений, и желанье воли,
 И мысль, рожденная из боли,
 Смеющийся ручей, и утренние тени,
 И праздник Дурги в светлый день осенний,
 Отшельник-вечер, за море ушедший,
 Ночные, вечные, взволнованные речи,
 И лес ночной — весь мрак лесной,
 Волшебнo взбудораженный весной,
 В незримое куда-то устремленный,
 И эти шепоты, и шорохи, и звоны
 Лесных дорог,
 Неугомонность поисков, тревог —

Все, что мне пела жизнь, что я услышал в мире,
Четверостишья три-четыре,
Исполненные юного порыва, —
Смущенно я прочел и торопливо.
Я кончил. Он с минуту помолчал.
Но вдруг восторженно сказал Нондогопал:
«Прекрасно, дедушка, прекрасно!
Ты время выразил свое так щедро, властно,
Я давних лет услышал дальний гул!»
И руку он к моей тетради протянул,
Но я сказал: «Как тихо в нашем доме,
Пойди, брат, посмотри, где дядя Оми»,

УЗНИКАМ БОКШИ

Перед гордым светом солнца полон мрак ночной стыда.
Птица в клетке, но для песни нет темницы никогда.

Из отверстия водомета
Устремляясь для полета,
Свет зари благословляет полоненная вода.

Дурги мощь в себе почуяв, из земли, в заветный срок
С жаркой вестью о свободе пробивается росток.

В людях — та же мощь богини:
Пусть умрете вы, — отныне
Вы бессмертия людского создаете чертог.

Вы сказали: «Влагу жизни мы испили, став сильней:
Мы бессмертье обретаем, жизнью жертвуя своей.

Кто отвоевал у горя
Свет и счастье, с мраком споря,
Тот в тюрьме познал свободу, внемля музыке цепей!»

В О П Р О С

Всевышний, веками ты слал нам своих апостолов
С их предтечами.
Они учили: «Милосердье вас создало.
Прощайте. Терпите. Не поддавайтесь бессердечию».

Достойны удивления добра провозвестники.
Но что делать с испорченностью нашею?
Наше время истину спускает с лестницы,
Справедливость гонит взащей.

Я видел: юноша, с горя впавший в помешательство,
Бился головой о мостовую булыжную.
Печальное обстоятельство
Молча наблюдала толпа неподвижная.

Вот вопрос тебе, господи, прости меня:
Святотатцев, богоненавистников,
Растоптавших славу твоего имени,
Ты простил бы, любил бы их, воистину?

НЕСМЫШЛЕННЫЙ УМ

Незрелый ум.
Как будто из окон
Из глаз дитяти робко смотрит он.
О, мыслей бессловесная игра!
Схватить и бросить!
Только детвора
Способна с воплем побежать, и сесть,
И снова побежать.
Зачем — бог весть.
И снова это повторить раз сто,
Хотя причины не было на то.
Мир будет вокруг него сверкать, звучать,
И слышать звуки он, и отвечать
Он будет им,
Бессмысленный герой,
Своею неразумною игрой.

О бессловесный ум,
О ум немой,
Водою душу медленно омой!
То остро любопытен,
То смущен,
На целый мир он сразу обращен.
Нет, не сейчас возник он!
По воде
Он прежде, первобытный, плыл в ладье.

Он появился в утренней тиши
Внутри Поэта — в озере души.
Средь беспросветной бездны, одинок,
Он вдруг возник — дрожащий огонек.
Он появился в лепете без слов,
Как птичий щебет,
Как оленя зов.
Среди цветов, ветвей, семян и мхов,
Средь древних рощ, в мелодиях стихов.
Он вдруг возник,
Не зная ни аза,
Поднявши к солнцу влажные глаза.

То он по-детски весел, то сердит;
И собственных игрушек не щадит
Ни этих он, ни тех.
Кто ж он такой?
То слезы вдруг, то смех.

Бездумный и живой морской простор
Напоминает мне дитяти взор,
Что прямо в небо устремлен, без дум,
Там недозревший, неразумный ум
Таится где-то в самой глубине,
Под колыханием воды, на дне.
Как стонет море! Снасти напрочь рвет!
Само не знает, почему ревет.
Нет повода, нет никаких причин
Негодованью плачущих пучин,
Оно вопит — во тьме и на свету —
Простерши глупо руки в пустоту.

Ум неразумный! Хочет он найти
В истории себя, он без пути
Бредет. Из комнаты на двор,
Оттуда в поле, на простор,
В дремучие леса.
Он топает ногами, в небеса
Восходит пыль. Он подымает вой
И бьется о деревья головой.
Увидев свет вдали, к нему бежит.

Поймать желая, по полю кружит.
И, как дитя, упав,
Лежит средь трав,
Мечты и явь в себе перемешав.

К О Н Т И К А Р И

На укромном камне в Шиллонге, в ущелье,
Я сидел без дела, я сидел без цели
И сплетал гирлянды утренних мелодий
На укромном камне, в травах, на восходе.

Цветы распускались, цветы облетели
На ветке бесплодной без дела, без цели.
Какая-то птица все пела и пела
На персике старом без цели, без дела.
И розы сплетали беззвучное слово
Бесцельного зова...
До неба сосна доставала прямая,
Застывшие ветки, как руки, вздымая,
В беззвучной молитве, в великом покое;
А рядом, увиты листвою,
Зеленою мглою объаты,
Мерцали цветы темно-красных гранатов.

Стелилась контикари возле ног.
Я полюбил тот маленький цветок,
Не порывавшийся ни ввысь, ни в дали...
К земле прижавшись, лепестки лежали,
И, чуть видна, блестела, зацветая,
В глазу синевшем точка золотая.
Мне тишиной в то утро был подарен
Напев чуть слышный — шепот контикари.

Блеснула песня точкой золотою...
И вот теперь, когда прошу покоя,
Когда мне трудно, в сердце сквозь туманы
Кусочек утра этого проглянул:
К земле прильнувший кустик мелколистный
И этот шепот сине-золотистый...

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД

Прошедшее встает в моей душе опять, —

Мне двадцать пять:

Давно то было — тридцать лет назад...

Я вижу вновь тот самый дом и сад.

Сюда приехал я закатною порою

На краткий срок. Я помню: за горою

Пылало солнце, полное огня,

Над соснами лицо свое склоня.

На скаты гор ложились тени сосен,

А в облаках вершин темнела просинь.

В день изю дня

Знакомый шум шагов приветствовал меня:

То почтальон являлся длинноногий

На гравием усыпанной дороге:

Он точен был всегда... Как быстро пролетели

Вслед за неделями недели!

Как в давние года, пылает солнце снова

Над рощею сосновой,

И тени вечера звенят, как в те года,

У скал, где горная волнуется вода,

И снова за звездой звезда,

Как в те года,

Молитвы шепчет горному отрогу.

И только на мою дорогу,

Теперь, когда я жизнью утомлен,

Не вышел почтальон.

Но все же почему поверил я надежде?

Сегодня, как и прежде,

На почту, за три мили, без нужды

Пошел я, обогнув сады.

Колеблясь, полчаса я пробродил вокруг.

К почтовым служащим, решившись вдруг,
Я подошел, спросил: «Есть почта мне?» В ответ

Услышал: «Нет».

Задумавшись, в тоске неясной и немой

Я повернул домой.

Когда же к своему приблизился я дому,

Печальному, пустому,

И трепетала в сумраке листва,

Какой-то женщины услышал я слова, —

Сказала спутнику (а в голосе — тревога):

«Будь завтра непременно, ради бога».

Вечерний сумрак скрыл обоих скоро,

Оставив мне обрывок разговора.

Я боль в своей душе почувствовал опять,

Как в те года, когда мне было двадцать пять,

Когда, как песня звезд, мятежно и влюбленно

Шаги звенели почтальона.

П Р О В О З В Е С Т Н И К

О путник, путник! Ты одинок —
Узрел ты незримое в сердце своем.
Быть может, случай тебе помог:
Увидел в небе ты некий знак,
 Скитаясь ночью порой.
Не остается следов на дороге твоей,
 Не взял никого ты с собой.
По горным извилистым тропам
 Решил ты подняться туда,
Где вечным сиянием светлый поход
 Утром кончает звезда.

Теплым дыханием фальгуна
 Юный ручей пробужден.
Быть может, невиданную красоту
 Первым увидит он.
Дальние дали ручью говорят:
 «Есть путь! Он есть! Он есть!»
Словно цветок, распускается
 Эта благоуханная весть.
«Есть путь! Он есть! Он есть!» —
 Сказала тебе тишина.
Эта неизреченная мантра
 В каждом вздохе твоём слышна.
Груды камней ручью говорят:
 «Дальше пути нет».

Дорогу тебе преграждает
Окаменелый запрет.
Слабеет дух человеческий,
И падает он, скользя.
Подняв указательный палец,
Косность хрипит: «Нельзя!»
Призрак здравого смысла
С дороги сбивает нас.
Безбедной жизни взыскующий
Гибнет в недобрый час.

Искатель неутомимый!
Идешь ты дорогой своей.
Преодолевая сомнения,
Ищешь ты новых путей.
На неприступных вершинах
Знамена свои водрузив,
Достигнешь ты недостижимого,
И откликнемся мы на призыв.
Свой обет исполняешь ты свято.
Торжествует светлая весть.
В шагах твоих отдается
Великая мантра: «Путь есть!»

О Ж И Д А Н И Е

Словно страж у дверей твоего сновиденья,
Дождался я солнца, считая мгновенья.
Я сидел и смотрел на тебя в тишине,
И сияла звезда предрассветная мне.
Так санься ночью порой неустанно
Смотрит с берега в темный простор океана.
Ветер стих. Просыпается солнце вдали,
Чтобы снова лучами коснуться земли;
И отшельник, исполненный благоговенья,
Жаждет этого первого прикосновенья.

Распускается, первых дождавшись лучей,
Нежным трепетом губ, теплым блеском очей,
Словно чампак, улыбка твоя золотая.
Я сорвать ее жажду, томясь и мечтая.

БЕЗМОЛВНЫЙ

В тот миг впервые был я готов
Сказать сокровенное слово, —
Под бременем благоуханных цветов
Гнулись ветви жасмина густого.
В ту лунную ночь во флейту вбирал я с ветвей
Запахи, краски и звуки.
Слова трепетали мелодией песни моей,
И ветка печалилась с ними в разлуке.

«Пой», — прошептал мне сирис в тишине
Обновленной листвою зеленой.
Пробудил вдохновение ветер во мне,
Жасмином лесным напоенный.
Море бежало за полной луной.
Вода лепетала речная.
От ветра цветы по траве молодой
Рассыпались, благоухая.

Казалось, щедротами ночи медовой
Скупость вселенной побеждена,
И говорит сокровенное слово
Для всех сияющая луна.
Но все вокруг, безмолвно скорбя,
К твоему состраданию взывало, как прежде.
Я подошел и взглянул на тебя,
Смелой предавшись надежде.

Дрогнул мой дух, и в смятенье
Флейта замолкла тотчас.
Ночью, окутанный темью,
С тебя не спускал я глаз.
Я видел бушующих волн разбег
Однажды у берега моря.
Там струи сливались бесчисленных рек,
Друг с другом неистово споря.
Вздymались, пенились, выли потоки.
Сбился с пути челнок,
Не виден за волнами берег далекий,
Где бы причалить я мог.

Я в лицо твое так же сегодня смотрел:
Как оно было похоже на море!
Этим глубинам неведом предел.
Мысли безбрежные рекут во взоре.
Луч за лучом, за потоком поток.
Что это? Воспоминаний мерцанье?
Любовь? Упование? Отблеск тревог?
Или бесстрастный покой созерцанья?
Затопила мне душу твоя глубина
Гладью безмолвною лона морского.
Беседка в молчание погружена.
Не сказал я тебе ни единого слова.

Ш П И О Н

Недуг свалил меня в постель.
Я провалялся пять недель.
Стал выздоравливать, смотрю: вокруг
Полным-полно людей — сосед, приятель, друг, —
Порою это хуже, чем недуг.
Пришел Бхобеш, пришли Палит, Ишан,
Пришел политикан,
Пришел Гокул, газетчик местный:
Всех здешних жителей дела ему известны.
Тот говорит: «Перемени ты климат».
Другой: «Еда и сон тебя поднимут».
А третий: «К доктору Мохендро поскорей
Ты обратись: ему нет равных лекарей».

Поодаль, в стороне,
Сидит и Шотиш, прислонясь к стене.
Он с давней здесь живет поры.
Расчесанные пятерней вихры.
Очки, где левое надтреснуто стекло.
Глаза глядят спокойно и светло.
Рубашка, шею открывая,
Расстегнута, и книжка записная —
В руке, и в этот маленький блокнот
Он то и дело что-нибудь черкнет.
Стихи записывает, что ли? Он поэт?
Иль чей-нибудь рисует он портрет?

Мне Нобин шепчет на ухо, что он —
Агент полиции, шпион,
Доподлинно об этом знает Нобин,
И мог бы быть его рассказ подробен.
Я говорю, что юноша на вид —
Невзрачен, скромн, мало говорит,
Для заработка пишет он заметки:
Такие случаи нередки.
Ужель доносами полна его тетрадь?
Ну что ж, такого надо презирать...
Увидел я Пенджаб, кашмирский небосвод, —
Домой вернулся через год.
Пришли Гонеш и Нобин, пожелал
Меня проведать Макхонлал.
С каким-то свертком — Панчу на пороге,
Лицо полно тревоги.
«Где, — спрашиваю, — Шотиш?»
А Нобин: «Нет его, и не воротишь.
От голодовки умер он в тюрьме:
Он к ненасилью звал, он к свету звал
во тьме...»

Мне Панчу передал тетрадь.
Я за страницей страницу стал читать.
Исполненный надежд и новых, юных сил, —
Все то, что о родной стране я говорил
Его друзьям, ему, —
Он записал в тетрадь пред тем, как сесть
в тюрьму...
Что наши, думаю, слова?
Опавшая листва.
Но он их оживил, он сделал их сильней, —
Живой водою гибели своей.

СУЖДЕНИЕ

Не будь в сужденьях строг.
Ты мирозданием зовешь
Свой крохотный мирок.
Нет, не широк твой кругозор,
И взор твой замкнут в нем,
Ты что-то где-то услышал,
А судишь обо всем.
Ты говоришь: вот мрак, вот свет,
Вот грань добра и зла.
Ты делишь все. Твоя рука
Границы провела.

Но если есть в твоей душе
Певучая струна,
Ее ты должен отыскать
И пробудить от сна.
Не знает песня суеты
И спор не заведет.
Кто хочет — слушает ее,
Не нравится — уйдет.
Кто б ни был встреченный в пути,
Хорош иль нехорош,
Ты не чуждайся никого —
С людьми ты в путь идешь.

Не будь в суждениях строг.
Напрасно споришь. Дни бегут,
И краток жизни срок.
Вот опораджита цветет
Среди других цветов,
Она посланница небес,
Несет земле их зов.
Ашарх — любимый месяц трав
И благодатных нив.
Зеленый паводок шумит,
Простор заполонив.
Пусть хлынет радость в грудь твою
И льется через край.
В пути сокровища найдешь,
В пути их и раздай!

СТАРАЯ КНИГА

О, ветхий том.
Тебя хранят в доме моем,
Конечно, не читая,
Лишь почитая.
От времени желты,
Прикосновенья не хранят листы —
Оно растаяло дымком печали...
О, как давно тебя читали!

Блестели ясные глаза,
Порою их туманила слеза,
И нежность теплилась во взгляде.
Раскинув на подушке пряди,
Откинув сари с черною каймой,
В полдневный зной
Читала женщина о горе, о разлуке.
В браслетах звонких руки
Листали шелестящие листы.
А за окном в лазури высоты
Лишь стая голубей мелькала,
И в тишине квартала
Разносчик уличный кричал.
Сквозь сон ворчал
Лежащий пес — косматый сторож дома.
Его сморила дрема.

Но, возвестив, что кончился урок,
Вдруг школьный слышался звонок
В конце квартала.
Так время о себе напоминало.
Звонок звенел,
И, вспомнив, что немало дел
По дому,
Вздыхала женщина, гнала истому
И второпях, уже полна забот,
Захлопывала переплет.

Из рук одних в другие руки
Переходила повесть о разлуке,
Из дома в дом
Твоя бродила слава, старый том.

Но эти дни ушли в преданье.
Порвалась сеть очарованья.
Ты позабыт.
В каком дому и кто тебя хранит?
Читатель новый в кресле восседает,
Он вряд ли угадает,
Какой дышали силой волшебства
Твои слова.

Трамвай за окнами прогрохотал...
Теперь наш переулок шире стал.
Где тот разносчик старый?
Нет нынче спроса на его товары,
И хриплый крик
Растаял вдалеке. Прошли, как миг,
Десятки лет. Все миновало.
Но вновь звенит звонок в конце квартала.

УДИВЛЕНИЕ

Я проснулся. За окном мрак ночной исчез.
Мир раскрылся, как цветок. Чудо из чудес.
Поражен я! Сколько звезд и материков
Не оставило следа. Сколько лет, веков
Пролетело. Где герой, наводивший страх?
Только тень его живет в сказках и стихах,
Сам истлел давным-давно... Не сочтешь племен,
Возводивших на костях стройный лес колонн.
Возникали города. Где они? Зола.
В смерче гибельном времен мне на лоб легла
Метка — солнца ранний луч, светлый знак небес.
Я проснулся. Вот оно — чудо из чудес.

Пред собранием светил встал я в полный рост,
Гималаи предо мной, семь небесных звезд —
Семь великих Мудрецов. Вот и океан,
Там, где Рудра — грозный бог, от веселья пьян,
Пляшет шумно в брызгах волн... Вот и древний
ствол,

Я столетий письменна на коре прочел.
Столько рухнуло при нем тронов, что не счесть.
Как-то этот исполин разрешил мне сесть
Под своей густой листвою... И безмолвный звон
Донесло к моим ушам колесо времеп.

ПОБЕДИТЕЛЬ БОГА СМЕРТИ

Издалека

Мне казалось: весь мир твоя потрясает рука.

Страх — твоя суть,

Пламя твое проникает в пронзенную грудь.

К тучам вздымаешь ты правую руку с копьем,

И высекается гром.

Сердце забилося от страха, с мольбой

Я предстал пред тобой.

Сдвинул ты брови и налетел, словно шквал.

Дротик твой просверкал.

Удар мой ребра сотряс,

Но, руки скрестив на груди,

Я спросил: «Это все? Или что-то еще впереди?»

Ударь еще раз!»

Вновь метнул ты свое

Копье.

Это все? Был удар твой тяжел,

Но страх мой прошел.

Пока надо мной нависала твоя рука,

Казалось мне: сила твоя велика.

Но рука опустилась твоя,

И вот на земле ты, как я.

Где ж величье твое? Без дрожи.

На тебя я взираю, боже.

Все во власти твоей,

Но ты ведь себя не сильней.

«Я сильнее тебя», — так скажу я тебе напрямик

В последний свой миг.

ДРУЗЬЯ

Семь лет мне было.
Робкий мальчуган,
Я сам с собою часто вел беседы
И, сидя на полу,
К окну решетчатому припадал,
Глядел на мир,
И время протекало.
Порою вдалеке
Звенел какой-то колокольчик,
И доносился крик возницы.
К пруду спускались гуси, гогоча.
У маслобойни заливалась флейта.
А в доме на углу
Вдруг начинал горланить попугай.
В ту пору были мне друзьями
Смоковница и яблоня, две пальмы
И деревце батавского лимона.
Их ветви пребывали в небесах,
А я в своей душе.
Весь день
Они своею тенью забавлялись,
Вели игру,
И я к ней был причастен.
Они моими сверстниками были,
Детьми.
Ашарх дождливый наступал, Они
Все дни шумели,

Кто знает — почему.
Они, как я,
По-детски лепетали,
И я им вторил.

Но годы шли.
Мне стало двадцать пять.
Разлуки тень легла на вечера.
И у того же самого окна
Сидел я одиноко.
Смоковница дрожащею листвою
Нашептывала мне мечты
И утешала.
В сиянье солнечном кокосовые пальмы
Негромко подпевали
Моей печальной песне.
А пряный дух цветущего лимона
Однажды ночью
В мою бессонницу принес издалека
Любимые глаза в слезах, слова укора.
Друзья мои, деревья —
Ровесники любви и юности моей.
И много долгих лет минуло.
И снова я один.
Друзья были
Давно за полог вечности ушли.
Я снова у окна.
Гляжу на небо
И вижу те же самые деревья.
Как древние подвижники, они
Стоят недвижно
И день и ночь нашептывают мне
Древнейшие слова
Дрожащею листвою.
И, как в любом начале,
В любом конце,
Покой бескрайний в них оцепенел.
И заклинанье этого покоя
Они мне шепчут, шепчут беспрестанно.

НЕВОЗМУТИМЫЙ

И внешний мир пред ним возник,
Насмешкой жала,
Но злобные слова не поражали
Того, кто в глубину свою проник.
Его надежно окружали
Песнь созерцанья,
Звон струны.
Росли в его душе, зарей обагрены,
Косые очертанья взгорий,
И блеск морей, сокрытых в нем,
Горел во взоре.
Был светом пробужден души простор,
И красота
Заполонила взор.
Пред силой
Величия
Все низкое чело склонило.

Скалистый берег, зависти полна,
Крушит волна,
Она сильна,
Но не сдастся берег.
Игра извечная грозна и непрестанна,
Удары волн — как рокот барабана.
Ты беспокойству в дар покой принес,
Невозмутимый!

В тебе гремит прибой и рокот гроз —
Напев неотразимый.
Все оскорбления поглотила глубь
Твоих спокойных глаз,
Как будто в черноте вечерних туч
Последний луч
Погас...

КУВШИН С ВОДОЙ

Ты знаешь, господин, кто я, каков мой род?
Зачем же ты, о высший из господ,
Пришел ко мне, к презренной?
В любом дому — ты гость бесценный.
Зачем, о повелитель мой,
Предстал ты предо мной?
Измученная солнцем полуденным,
Извилистой тропой по склонам,
Кувшин несу домой
С водой.
Ты просишь у меня глоток воды холодной,
Пришлец высокородный?
Могу ли отказать,
Хотя на мне проклятия печать?
Сняла с плеча кувшин, тебе я поклонилась:
«Не осуждай и окажи мне милость».
И улыбнулся ты, сказал: «О дочь земли,
Взгляни — вблизи, вдали
Раскинулся весь мир благословенный,
И зелень, и лазурь, вся красота вселенной.
И ты, краса, ты, мира благодать,
Достойна ноги Лакшми целовать.
Нет у красы ни племени, ни рода,
Ее удел — свобода,
Ее одежды пурпуром горят,
Ей зори ткут наряд,
А небеса ночные
Ей дарят украшенья золотые.

Скажи мне, кто, когда
Делил на касты лотосы пруда?
Как может вызывать презрение
Небес творенье?
Там, где доволен бог своим трудом,
Он каждый злак и лист кропит святым дождем»,
Твои слова грозой пророкотали,
Ушел ты в дали.

С тех пор,
Едва зарей окрасится простор,
Рисую на кувшине тонкой кистью
Цветы и листья.
Прими же ты,
Соседший с высоты,
Дар Красоты.

СТРАХ

Под косматой смоковницей по вечерам
В полумраке

Чернели, белели различные пятна.
На камнях обвалившейся старой стены
Возникали причудливые фигуры.
Из невидимого жилища демона
Неистовый слышался вой.

Горбатая, с палкой в руке,
Хихикала старая ведьма.
Песнопевец Каширам Даш
Рассказал нам в стихах о Хидимбе
И на этой разбитой кирпичной ограде
Оживали сказанья.

Вот Хидимба, а вот Шурпанакха с отрезанным
посом

Рядом возникла
Черным пятном.

Лет семнадцать спустя
Я снова пришел в тот сад.
Увеличились пятна,
Изумленная новизна поклонилась седой старине.
Кирпичи там и тут обвалились,
Грудой лежат.
Цепляются ноги за корни.
Там лианы стеной,
Здесь крапива.

Стали джунглями эти кусты,
А смоковницу обступили
Деревца клещевины.
Замечаю вокруг Шурпанакхи следы и Хидимбы,
Но в душе они стерлись.

А когда на вокзал я вернулся, мне было смешно.

На ветхом фундаменте жизни
Расплылись неясные черные пятна,
Наивного прошлого письма.

Сколько путаных, смутных следов
На разрушенной кладке пугливого воображенья.

Иногда

Вечерами,

Когда на широкие пальмы

И на берег пруда

Ненастье кладет свою тень,

В небесах,

Переполненных благословенным дождем,

Облака грозовые грохочут,

Когда в пальмовых зарослях звонко

цикады стрекочут, —

Оглянувшись, я вижу родимый свой край,

И над темной змеистой дорогой —

Очертания старого храма.

В покосившихся стенах, в проломанной кровле —

Скорбь, которой имени нет,

Непонятные страхи, словно бессонные совы,

Сколько ложных, ненужных страданий

И врагов, порожденных бессильем.

Ветхим душам позор!

Сколько призраков след свой оставило

в сердце твоём.

Страх в лохмотьях недобрых примет

Кривляется черными пятнами в полночь,

И в обличье несчастий

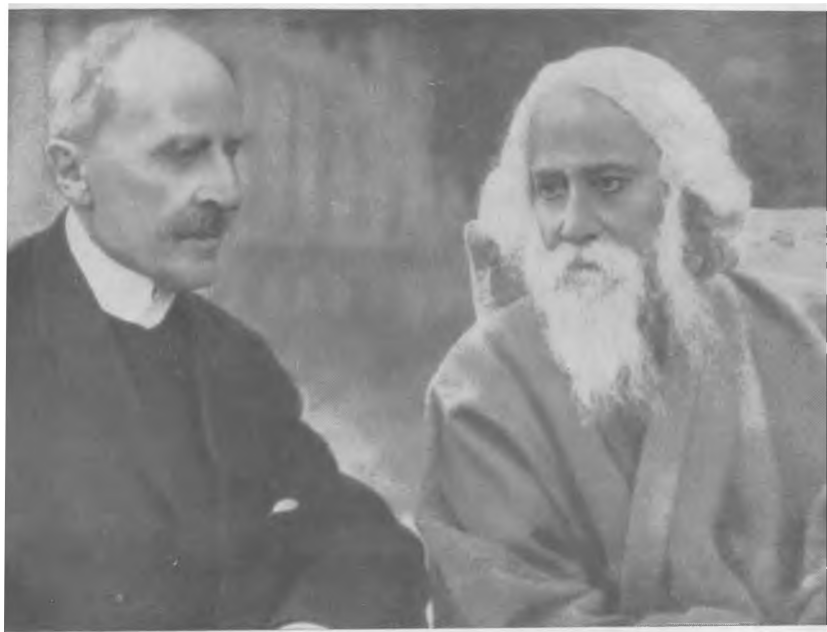
Заросли страха растут

Сорняками.

А на разбитом фундаменте

Уродливые руины былого

Над робким смеются.

**Р. Тагор и Ромен Роллан в Швейцарии
(1926)**

БОРОБУДУР

Солнце встало в тот день из-за дымной завесы
Под приветственный шум многоствольного леса.
В синеватом дыму проступили вдали
Цепи гор, точно сны беспокойной земли.

Среди пальм, в тишину погрузясь,
Одиноко застыл в созерцании князь.
И душа захотела послать в вышину
В преклоненье великом молитву одну.
И бессмертные буквы из камня сплелись,
Чтобы слово вписалось в открытую высь.
Жажда вечности вечный язык создала,
Внятный всем, как гроза, как леса и скала.
Все народы, все люди во все времена
Могут влитые в небо прочесть письма.

Это — остров в груди. Это — духа опора.
Это слово, поднявшее горы.
То, которое первым встречало рассвет
Тысячи лет.
А вблизи за холмами река и поля —
Зеленеет земля.
Поднимается солнце и клонится вниз;
Сеют рис, собирают налившийся рис.

Свет и тень, ночь и день — вечной жизни игра,
Снова время пахать, снова сеять пора.
 Быстрый танец мгновений,
 Скользящие тени.
В этих волнах, играющих с временем в прятки,
 В жизни краткой
Люди день ото дня повторяют с тоскою,
 Повторяют, не зная покоя,
 С неизбывною верою в чудо
Устремляются к вечности: «Милостив Будда!»
Те, о ком даже память давно отжила,
Безымянные те, без лица, без числа
Из затерянных стран, из далеких сторон
 Шли сюда положить свой поклон,
Влить в немые громады — в бессмертья сосуды —
 Сокровенное: «Милостив Будда!»

Сколько путников сотни и сотни часов
Здесь, ладони сложив, простояли без слов...
Погружаясь в молчания вечный родник,
 Обретали великий язык.
И под пенье камней, испещренных резьбою,
Имена безымянных несметной толпою
Устремленные к небу встают отовсюду
В нарастающем рокоте: «Милостив Будда!»

Но сегодня бессмертные буквы тусклы.
Смысл забыт. Древний пламень под грудой золы.
И без трепета входит под каменный свод
 Любопытный народ.
Путешественник праздный, не видя, глядит
 На скопление бессмысленных плит.
Сердце пусто. Мельканием дня ослеплен,
 За добычей гоняется он.
 Мир сжигает голодный огонь.
 Мир устал от бесплодных погонь.
День настал вновь прийти к растворенным вратам
 В ожидающий храм.

И в молчанье глубоком, склонившись, стоять,
Чтоб в безмолвии камня услышать опять
Вечный голос, все те же слова.

Грохот мира прорвав,
Тишиною звенящей, немолкнушим гудом
Нарастает и высится: «Милостив Будда!»

В ИРАНЕ, В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Иран, все розы свежие твои,
Все рощи, и сады, и соловьи
Запели, в день рожденья поздравляя
Меня, поэта из чужого края.

Иран, любовь мне в дар преподнесли
Отважные сыны твоей земли.
Они своим, сказав слова привета,
Назвали чужеземного поэта.

Иран, в своем величии высок,
Ты новой славы мне принес венок.
Мой день рожденья смысл обрел глубокий,
И я тебе дарю вот эти строки,
Украшу ими я твое чело...
Иран, живи свободно и светло!

ФАНАТИЗМ

Кто суеверьем лютым ослеплен,
Готов убить, враждой пылает он.
 Кто равнодушен к вере, все же
 Благословенье примет божье.
Пред ним светильник разума горит.
Отвергнув шастры, он добро творит.

Вот иноверца изувер убил.
Он преступленьем веру оскорбил;
 От имени Отца вселенной
 Кровь сына пролил дерзновенно.
Кровавый стяг с молитвой в храм несут.
Не бога — сатану безумцы чтут!

Обиды, заблужденья старины,
Страх, муки, злоба, бредовые сны —
 Все в веру внесено слепцами.
 Себе темницу строят сами!
Глас времени гремит, вещая нам:
Могучий вихрь сметет проклятый хлам!..

Их вера стала каменной горой,
Оружьем грозным в распре вековой.
 Забыв, что лишь в любви отрада,
 Мир залили потоком яда.
В ладье вселенной тшятся дно пробить,
И тонут сами. Некого винить!..

Властитель веры, чад своих спаси!
В груди заблудших ярость угаси!
Храм, кровью братьев обогранный,
Сровняй с землею в день сужденный!
Темницу веры громом в прах разбей
И знанья свет во мрак сердец пролей!

ВОСТОК

О, пробудись, Восток седой!
Сокрылся ты во тьме густой
Извечной, бесконечной ночи.
Но сон твой с каждым днем короче,
Исчезнет он с рассветною звездой.
О, пробудись, Восток седой!

Поет сверчок, звенит цикада, —
Нам песен их ночных не надо!
Лишь свету утра сердце радо,
Сверканью, шуму жизни молодой.
О, пробудись, Восток седой!

Я верю: ты воспрянешь снова
От одного живого слова!
Мир, засверкав светло и ново,
Оденется одеждой золотой.
О, пробудись, Восток седой!

Чтоб солнце дней твоих сияло,
Сбрось мертвой спячки покрывало
И гордо жить начни сначала,
Отвергнув неподвижность и застой.
О, пробудись, Восток седой!

Ты слышишь? Век зовет новый:
«Открой мне дверь, сорви оковы!
Пусть, озарив твой лик суровый,
Взметнется пламя вольности святой!»
О, пробудись, Восток седой!

Все громче новизны призывы,
Как будто рог не молкнет Шивы.
Прими же в руки дар счастливый —
Цветы, что блещут юной чистотой...
О, пробудись, Восток седой!

ВСТРЕЧА И РАЗЛУКА

Бубну жизни и смерти внемли!
Танцует фальгун и поет.
Дольний прах, этот пленник земли,
Стремится сегодня в полет.
На качелях качаются двое.
Свет обнимается с тенью. Соседствует с мертвым живое.
Зеленые почки — с пожухлой листвою.
Звонкими песнями полон сирус,
Старость и молодость переплелись
Между собой.

Вина встречи звучит, но в мелодии горечь разлук.
Радость и боль пробудила весна.
Голуби грустно воркуют вокруг,
И лесная богиня грустна.
В душе моей ветер весенний.
То удаляются, то приближаются тени.
Воспоминанья мерцают и меркнут во мне.
На флейте фальгуна песнь заиграю свою,
Явь и мечту воедино солью
С раздумьями наедине.

Л А К Ш М И

В бледной раковине неба звон рождается утром новым!
Пробуди, Заря, просторы звоном счастья, дальним зовом!
Взгляд заструи —
Мир опои
Света вином багровым!

Раскрываются, сверкая, двери вечного чертога.
Клич вселенский раздается возле каждого порога:
С душ онемелых,
С сонного тела
Скиньте усталость! Ждет вас дорога!

Заиграли струны вины у молчания в глубинах.
В неуверенное сердце звуки новой мантры хлынут!
Всходят из стона
Радости звоны
Смертью в бессмертье выход раздвинут!

Лакшми чистая, с мольбою путники перед тобою.
Ты надень на них доспехи и отправь на поле боя.
Встань перед всеми,
Крикни им: «Время!
Время настало! В битву, герои!»

Не давай им оглянуться, не буди в душе сомненья!
Не слепи глаза слезами — им пужна вся зоркость зренья.
Ног крылатых, душ летящих
Не опутай сетью страсти,
Не свяжи руки разящей тяжкой цепью заблужденья!

ПЬЕСЫ

1912 — 1922

НОЧТА

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Мадхоб Дотто. Тяжко мне, ох, как тяжело! Не было его — и я не знал никаких забот. А вошел он в мой дом — и заполнил всю мою жизнь. Если его не станет, дом мой опустеет... Господин доктор, вы думаете, что он...

Врач. Если такова воля судьбы, он проживет долго. Однако в «Аюрведе», нашем древнем медицинском трактате...

Мадхоб Дотто. К чему поминать «Аюрведу»?

Врач. В «Аюрведе» говорится: «Болезнь, порожденная нарушением равновесия между тремя основными субстанциями организма...»

Мадхоб Дотто. Хватит! Хватит! Не надо этих мудреных слов! Они только страху нагоняют. Скажите лучше, что делать?

Врач (*нюхая табак*). Надо оберегать его.

Мадхоб Дотто. Надо-то надо. Но как?

Врач. Я уже говорил, его нельзя выпускать на улицу.

Мадхоб Дотто. Ведь он ребенок. Его не удержишь дома.

Врач. Солнце и ветер пагубны для него. «Аюрведа» гласит: «При падучей, лихорадке и недугах печени...»

Мадхоб Дотто. Оставьте свою «Аюрведу». Так, значит, мальчика надо держать взаперти? Другого выхода нет?

Врач. Нет. Потому что, как учит «Аюрведа», «на ветру и на солнце...»

Мадхоб Дотто. На что мне эта «Аюрведа»! Лучше посоветуйте, как быть. Только советы у вас больно жестокие. Бедный мальчик так страдает. Какое мученье для него — пить ваши лекарства. Мне очень жаль его.

Врач. Больше мучений — больше пользы. Великий мудрец Чьявана изрек: «Советы как лекарство: чем горче, тем полезнее». Ну, мне пора, господин Дотто. *(Уходит.)*

Входит старик.

Мадхоб Дотто. Ох, старик пришел! Плохо дело!

Старик. Почему? Ты что, боишься меня?

Мадхоб Дотто. Конечно. Ты всех детей с толку сбиваешь.

Старик. Твои детские годы прошли. Детей у тебя нет. Чего же ты испугался?

Мадхоб Дотто. У меня есть мальчик.

Старик. Мальчик? Откуда?

Мадхоб Дотто. Моя жена уже давно хотела взять приемного сына.

Старик. Я слышал об этом. Но ведь ты был против?

Мадхоб Дотто. Работаешь, работаешь, накопишь немного денег. Глядь, появляется чужой ребенок — и все летит прахом. Даже думать об этом не хотелось. Но я очень привязался к малышу.

Старик. И не жалеешь денег? Понял, что деньги существуют для того, чтобы их тратить?

Мадхоб Дотто. Раньше деньги были моей страстью. Жить без них не мог. А теперь я радуюсь при мысли, что все достояние оставляю мальчику.

Старик. Где ты его взял, своего приемыша?

Мадхоб Дотто. Он племянник моей жены. Мать у него умерла, когда он был совсем маленький. А недавно и отец скончался.

Старик. Бедняжка! Я хочу его видеть.

Мадхоб Дотто. Лучше не надо. Доктор говорит, что в его теле пришли в столкновение ветры, желчь и мокрота и поэтому мало надежд на поправку. Оста-

лось одно средство: запереть его в доме, чтобы хоть как-нибудь уберечь от солнца и ветра. А ты на старости лет нашел себе занятие — выманивать детей из дому! Вот почему я тебя побаиваюсь.

Старик. Не говори вздор. Неужели ты думаешь, что я для него так же опасен, как солнце или ветер? Ладно, я знаю и такую игру, в которую можно играть дома. Вот выберу свободную минутку и зайду познакомиться с твоим сынишкой. (*Уходит.*)

Входит Омель Гупто.

Омель. Дядя?

Мадхоб Дотто. Что, Омель?

Омель. Мне даже во двор нельзя выйти?

Мадхоб Дотто. Нет, родной.

Омель. Тетя перемалывает горох. Белочка сидит, подняв пушистый хвостик, и грызет горох. Можно, я пойду посмотрю?

Мадхоб Дотто. Нет, милый.

Омель. Как бы я хотел стать белкой! Дядя, а почему мне нельзя выходить?

Мадхоб Дотто. Доктор запретил. Говорит, тебе вредно.

Омель. Откуда он знает?

Мадхоб Дотто. Доктор все знает, Омель! Он изучил так много древних книг!

Омель. А разве в книгах обо всем написано?

Мадхоб Дотто. Конечно!

Омель (*тяжело вздыхает*). Я ведь не умею читать.

Мадхоб Дотто. Между прочим, ученые люди похожи на тебя: они тоже не выходят из дома.

Омель. Совсем-совсем не выходят?

Мадхоб Дотто. Совсем. Им некогда. Они день и ночь сидят, уткнувшись в книги, больше им ни до чего нет дела. Омель-бабу, ты тоже станешь ученым, когда вырастешь. Будешь читать толстые-претолстые книги! И все будут восхищаться тобой!

Омель. Нет, нет, дядя, прошу тебя, не делай из меня ученого!

Мадхоб Дотто. Ну, что ты говоришь, Омель! Если бы я мог стать ученым, как бы я был счастлив!

О м о л ь. Я хочу увидеть все на свете. Я буду странствовать.

М а д х о б Д о т т о. Вы только послушайте его! Он хочет странствовать. Что интересного в этом мире?

О м о л ь. Из моего окна вдалеке видны горы. Как мне хочется перейти через них!

М а д х о б Д о т т о. И для чего лазать по горам? Неужели больше делать нечего? Для того горы и высокие, чтобы через них нельзя было перейти. Иначе зачем же эта преграда воздвигнута?

О м о л ь. Дядя, по-твоему, горы — преграда? А я думаю, это земля с мольбой простирает руки к голубому небу и стонет, стонет, потому что не умеет говорить. Кто живет неподалеку от гор, может услышать этот стон, если в полдень сядет у окошка. А ученые, наверное, не могут?

М а д х о б Д о т т о. Они и слушать не станут. Они не такие дурачки, как ты.

О м о л ь. Вчера я видел такого же дурачка, как я.

М а д х о б Д о т т о. Вот как? Где это?

О м о л ь. Он проходил мимо дома с бамбуковой палкой через плечо, на ее конце болтался узелок. В левой руке он держал медный горшок. На ногах у него были старые башмаки из грубой кожи. Я его окликнул: «Ты куда идешь?» Он ответил: «Не знаю. Куда глаза глядят». Я спросил: «А зачем идешь?» Он сказал: «Ищу работу...» Дядя, разве работу надо искать?

М а д х о б Д о т т о. Конечно, очень многие ищут работу.

О м о л ь. Вот хорошо! Я тоже буду искать.

М а д х о б Д о т т о. А если не найдешь?

О м о л ь. Все равно буду искать... Когда этот человек в старых башмаках прошел, я стал смотреть ему вслед. Он остановился у ручья, в тени баньяна, бросил на землю ношу и вымыл ноги. Развязал узелок, взял поджаренную муку и поел. Потом опять завязал узелок, повесил его на палку, вскинул ее на плечо, подобрал повыше одежду и перешел ручей вброд. Я сказал тете, что когда-нибудь пойду к этому ручью и буду есть поджаренную муку.

М а д х о б Д о т т о. А что тетя ответила?

О м о л ь. Сказала: «Сначала поправься, тогда я сама поведу тебя к ручью и накормлю поджаренной мукой». Когда я поправлюсь?

М а д х о б Д о т т о. Теперь уже скоро.

О м о л ь. Скоро? Как только поправлюсь, сразу же уйду.

М а д х о б Д о т т о. Куда?

О м о л ь. Далеко-далеко. Искать работу. Я выйду в полдень, когда все спят в своих домах. Буду переходить через извилистые речки...

М а д х о б Д о т т о. Хорошо. Только сначала выздоровей, а потом...

О м о л ь. Не заставляй меня быть ученым, дядя!

М а д х о б Д о т т о. Кем же ты хочешь быть?

О м о л ь. Еще не знаю. Придумаю, тогда скажу.

М а д х о б Д о т т о. Ладно. Только не болтай с чужими людьми.

О м о л ь. А мне нравятся чужие люди.

М а д х о б Д о т т о. Вдруг тебя похитят.

О м о л ь. Вот было бы здорово! Да меня никто не похитит... Мне велят сидеть дома.

М а д х о б Д о т т о. Ну, я пошел, у меня дела. А ты смотри не выходи на улицу.

О м о л ь. Ладно. Буду сидеть у окошка.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Разносчик творога. Творог! Творог! Хороший творог!

О м о л ь. Дядя, а дядя!

Разносчик творога. Ты чего кричишь? Хочешь купить творогу?

О м о л ь. Как же я куплю? У меня денег нет.

Разносчик творога. Ну, что за ребенок! Зачем тогда зря время отнимаешь?

О м о л ь. Если б я мог, я бы пошел с тобой.

Разносчик творога. Со мной?

О м о л ь. Я услышал твой голос издали, и мне захотелось пойти с тобой.

Разносчик творога. Почему ты сидишь дома?
О моль. Врач запретил выходить.

Разносчик творога. Вот как! Чем же ты болен?
О моль. Не знаю. Я же неученный. Дядя, а откуда ты пришел?

Разносчик творога. Из деревни.

О моль. А где твоя деревня? Очень далеко?

Разносчик творога. У подножья вон той Пятиглавой горы, на берегу реки Шамоли.

О моль. Пятиглавая гора... Река Шамоли... Мне кажется, я видел твою деревню... Только не помню когда.

Разносчик творога. Видел? Наверно, ты бывал там!

О моль. Нет, никогда. Но мне кажется, что я видел твою деревню. Она стоит у коричневато-красной дороги под большим старым баньяном. Да?

Разносчик творога. Верно, милый.

О моль. А в горах пасутся коровы?

Разносчик творога. Откуда ты знаешь? Верно! Мы выгоняем наших коров на горные пастбища.

О моль. А девушки в красных сари ходят к реке, на голове у них кувшины.

Разносчик творога. Правильно! Все наши девушки ходят за водой на реку. Только не все носят красные сари. Ну, милый, ты наверняка бывал в наших краях.

О моль. Нет, не был. Когда доктор позволит мне выходить, возьмешь меня в свою деревню?

Разносчик творога. Конечно! Непременно возьму!

О моль. Покажи мне, как носят коромысло и как продают творог.

Разносчик творога. Зачем тебе продавать творог? Ты прочитаешь много книг, станешь ученым.

О моль. Нет, нет. Я не хочу быть ученым! Я буду жить в нашей деревне, что стоит под большим баньяном у красной дороги, и буду продавать творог. Научи меня кричать нараспев: «Творог! Творог! Хороший творог!»

Разносчик творога. Вот чудак! Разве этому учат?

О моль. Да! Я очень хочу научиться! Мне всегда грустно, когда я слышу крик птиц, летящих в небе. И се-

годня, когда я издали услышал твой голос, мне показалось... сам не знаю, что мне показалось...

Разносчик творога. Дорогой, возьми горшочек творогу.

О моль. У меня же нет денег.

Разносчик творога. Не надо денег. Отведай моего творожку, я буду рад...

О моль. Ты потерял из-за меня столько времени.

Разносчик творога. Я не прогадал. Благодаря тебе я понял, какое счастье — продавать творог. *(Уходит.)*

О моль *(нараспев)*. Творог! Творог! Хороший творог! Творог из деревни, что стоит у подножья Пятиглавой горы на берегу Шамоли. Девушки там встают на заре и доят коров, а вечером створаживают молоко. Творог! Творог! Хороший творог! Вон по улице идет стражник. Стражник, а стражник!

Появляется стражник.

Стражник. Чего орешь? Разве ты меня не боишься?

О моль. Почему я должен тебя бояться?

Стражник. Вдруг я тебя заберу?

О моль. А куда ты меня поведешь? За те горы?

Стражник. Я поведу тебя к радже.

О моль. Вот и хорошо. Только доктор запретил мне выходить. Меня никто не может забрать. Придется сидеть дома.

Стражник. Врач запретил. То-то у тебя такое бледное личико, под глазами темные круги, а ручки так исхудали, что все жилки видны.

О моль. Стражник, когда ты будешь отбивать время?

Стражник. Еще рано.

О моль. Одни говорят: «Рано», другие: «Поздно». Скажи — когда ты отбиваешь время, тогда оно и настает.

Стражник. Наоборот. Когда настает время, тогда его и отбивают.

О моль. Мне очень нравится слушать, как ты отбиваешь время, очень! В полдень дядя обедает, потом уходит по делам, тетя спит над «Рамаяной», а наша собачонка, свернувшись калачиком, дремлет в тени. И вдруг раздается: дон-дон-дон. Зачем бьют часы?

Стражник. Они говорят: время не стоит на месте, оно всегда идет.

Омоль. Куда оно идет? В какую страну?

Стражник. Этого никто не знает.

Омоль. Наверное, там никто не был. Как мне хочется когда-нибудь отправиться в страну, о которой никто ничего не знает!

Стражник. Все мы там будем, дорогой.

Омоль. Я тоже?

Стражник. Конечно.

Омоль. Доктор запретил мне выходить.

Стражник. Настанет день, когда доктор сам возьмет тебя за руку и поведет туда.

Омоль. Ты его не знаешь. Он меня ни за что не выпустит на улицу.

Стражник. Но есть другой доктор, лучше него, он и поведет тебя.

Омоль. А когда он придет, этот хороший доктор? Мне надоело дома.

Стражник. Нельзя так говорить.

Омоль. Я все сижу и сижу смирно, не шелохнусь. Но как только я услышу: дон-дон-дон — ноги сами срываются с места... Послушай, стражник.

Стражник. Что, дорогой?

Омоль. Видишь большой дом напротив? Над ним развевается флаг. В двери все время заходят люди. Что там?

Стражник. Новая почта.

Омоль. Почта? А чья она?

Стражник. Как чья? Ясное дело, раджи. *(В сторону.)* Вот потешный малый!

Омоль. А на почту раджи приходят письма от него самого?

Стражник. Конечно. И тебе придет письмо.

Омоль. Мне? Я же маленький.

Стражник. Маленьким раджа тоже пишет. Малюсенькие письма.

Омоль. Вот было бы чудесно, если бы я получил письмо! Откуда ты знаешь, что он мне напишет?

Стражник. Зачем же тогда он открыл перед твоим окном почту и вывесил большой золотой флаг? *(В сторону.)* Какой славный парнишка!

О м о л ь. Может, он и вправду напишет мне письмо, но кто же его принесет?

Стра ж н и к. У раджи много почтальонов. Разве ты их не видел? Они ходят быстро-быстро, и на груди у них круглые золотые знаки.

О м о л ь. А куда они ходят?

Стра ж н и к. По разным адресам. *(В сторону.)* Он меня уморит со смеху!

О м о л ь. Когда вырасту, обязательно буду почтальоном.

Стра ж н и к. Ха-ха-ха! Почтальоном! В дождь и зной бегать из дома в дом и разносить письма богатым и бедным. Нечего сказать, приятное занятие!

О м о л ь. Что ты смеешься? Это лучшая работа на свете! Ты не обижайся, твоя работа тоже очень хорошая. Жаркий день, кругом тишина — и вдруг раздается: дон-дон-дон. А иногда я просыпаюсь ночью: светильник уже погас, темно, вдруг: дон-дон-дон.

Стра ж н и к. Ох, староста идет. Надо уходить. Заметит, что я с тобой болтаю, попадет мне!

О м о л ь. Где староста?

Стра ж н и к. Видишь большой зонт из пальмовых листьев? Под ним идет староста.

О м о л ь. Кто его назначил старостой? Раджа?

Стра ж н и к. Нет, он сам себя назначил. А тех, кто не хочет его признавать, он донимает придирками. Все его боятся. Он только на этом и держится. Ну, я пошел, у меня дел много. Завтра утром приду, расскажу тебе городские новости. *(Уходит.)*

О м о л ь. Хорошо бы каждый день получать письма от раджи. Сидел бы я у окна и читал их. Ой, да я же не умею читать. Кто мне поможет? Тетя знает только свою «Рамаяну». Разве разберет она письмо от раджи? Ладно, пока буду складывать письма, а потом, когда вырасту большой, сам прочту. А что, если почтальоны меня не знают? Господин староста, а господин староста!

Входит староста.

Староста. Кто смеет меня окликать? Откуда взялась эта обезьяна?

О м о л ь. Вы господин староста. Вас все уважают.

Староста (*польщенный*). Разумеется! Еще как уважают!

Омоль. А почтальоны раджи вам подчиняются?

Староста. Пусть только посмеют ослушаться, я им покажу!

Омоль. Скажите почтальонам, что меня зовут Омоль, я всегда сижу у этого окошка.

Староста. Зачем?

Омоль. Если мне придет письмо от раджи...

Староста. Ха-ха-ха-ха! Вот насмешил! Ха-ха-ха-ха! Раджа напишет ему письмо! Ах да, ведь ты его лучший друг! Я слышал, раджа заскучал без тебя, от тоски высох. Не сегодня-завтра придет от него письмо.

Омоль. Господин староста, почему вы говорите со мной так, будто рассердились на меня?

Староста. Что ты! Как я осмелюсь. Ведь ты состоишь в переписке с самим раджой! (*В сторону.*) Этот Мадхоб Дотто очень уж зазнался. Скопил две пайсы, и теперь в его доме только и разговору, что о раджах да падишахах. Ну, ладно, сыграю я с ним шутку. (*Обращаясь к Омолю.*) Эй, паренек, я позабочусь, чтобы ты непременно получил письмо от раджи.

Омоль. Да нет, не беспокойтесь.

Староста. Почему же? Я доложу о тебе радже, и он тотчас же вышлет гонца. (*В сторону.*) Нет, до чего обнаглел Мадхоб Дотто. Если эта история дойдет до раджи, он страшно разгневается. (*Уходит.*)

Омоль. У кого это звенят браслеты на ногах?.. Остановись на минутку, сестрица.

Входит девочка.

Девочка. Я спешу, у меня нет времени.

Омоль. Ты не хочешь постоять?.. Мне вот тоже не хочется сидеть, а я сижу.

Девочка. Какой ты бледный! Как звездочка на заре. Что с тобой?

Омоль. Не знаю. Доктор запретил выходить.

Девочка. А-а. Тогда не выходи. Доктора надо слушаться. Веди себя хорошо, а то скажут, что ты озорник. Знаешь, отчего тебе не сидится дома? Оттого, что ты все смотришь на улицу. Я лучше закрою дверь.

О м о л ь. Не надо, не закрывай. Скажи, кто ты? Я тебя никогда не видел.

Д е в о ч к а. Я Шудха.

О м о л ь. Шудха?

Ш у д х а. Неужели ты меня не видел? Я дочка цветочницы.

О м о л ь. Чем ты занимаешься?

Ш у д х а. Рву цветы. Наберу полную корзину и плету гирлянды. И сейчас я иду за цветами.

О м о л ь. За цветами? Вот почему так быстро бегут твои ножки и весело звенят браслеты! Если б я мог пойти с тобой, то нарвал бы тебе цветов с самых верхних веток — снизу их даже не видно.

Ш у д х а. Можно подумать, ты знаешь о цветах больше, чем я.

О м о л ь. Да, я много знаю о цветах. И еще знаю сказку о семи братьях Чампа. Если бы меня, как их, бросили в дремучем лесу, я бы сумел выбраться. Я могу расцвести цветком чампа на тонких ветках, где качается птичка. А ты согласна стать моей сестрицей Парул?

Ш у д х а. Как я могу быть твоей сестрицей Парул, глупенький? Я Шудха, дочка цветочницы Шоши! Я должна каждый день плести много-много гирлянд. Ах, если бы я могла сидеть дома, как ты!

О м о л ь. Что бы ты делала?

Ш у д х а. У меня есть кукла, торговка, я бы ее выдала замуж. А еще у меня есть кошечка Мени, я бы ее... Ой, я побежала, а то все цветы оборвут!

О м о л ь. Поговори со мной еще немножко — мне так скучно.

Ш у д х а. Ты сиди здесь и не балуйся. А я нарву цветов и на обратном пути опять с тобой поболтаю.

О м о л ь. Дашь мне один цветочек?

Ш у д х а. Даром ничего не дают. Заплати.

О м о л ь. Я отдам тебе деньги, когда вырасту. Я перейду через речку, найду работу и тогда верну тебе долг.

Ш у д х а. Ладно!

О м о л ь. Значит, придешь?

Ш у д х а. Да.

О м о л ь. Правда?

Ш у д х а . Правда!

О м о л ь . Не забудь меня. Мое имя Омель. Запомнила?

Ш у д х а . Да. Я не забуду тебя, вот увидишь!
(Уходит.)

Появляются дети.

О м о л ь . Пойдите, ребята! Куда вы идете?

Д е т и . Играть.

О м о л ь . Во что?

Д е т и . В пахарей.

Первый (показывает палку). Вот плуг.

Второй. А мы оба — волю.

О м о л ь . Вы будете играть целый день?

Д е т и . Да, целый день.

О м о л ь . А возвращаться будете вечером, по берегу
речки?

Д е т и . Да.

О м о л ь . Идите этой дорогой, мимо моего дома!

Д е т и . Пошли с нами играть!

О м о л ь . Доктор не велел мне выходить.

Д е т и . А ты не слушай его! Пошли, братцы, пошли —
пора.

О м о л ь . Не уходите, играйте здесь, я погляжу на
вас.

Д е т и . А во что здесь играть?

О м о л ь . Берите мои игрушки. Я не люблю играть
один. Они мне совсем не нужны, вот я и забросил их.

Д е т и . Ой-ой-ой, какие замечательные игрушки! Па-
роход! А вон старая ведьма Джатаю! А солдатик-то какой
красивый! И тебе не жалко?

О м о л ь . Ни капельки! Все дарю вам.

Д е т и . Мы ведь не отдадим назад!

О м о л ь . И не надо.

Д е т и . А тебя не заругают?

О м о л ь . Нет. Только приходите каждое утро играть
возле моего дома. А когда эти игрушки сломаются, я по-
дарю вам новые.

Д е т и . Хорошо. Каждое утро будем приходить сюда...
Эй, братцы, солдатики есть, давайте играть в войну!
Только где взять ружья? А, вон тростник. Из него смасте-
рим ружья. Да ты, никак, спишь?

О м о л ь. Спать очень хочется. Не знаю почему, на меня часто сон нападает. Я давно уже сижу на месте. У меня даже спина разболелась.

Д е т и. Отчего тебе спать хочется? Слышишь, отбивают первую стражу?

О м о л ь. Слышу. Только все равно спать хочется.

Д е т и. Ну, так мы пойдем. Жди нас завтра утром.

О м о л ь. Погодите, я хочу кое-что спросить. Вы все время на улице, наверно, знаете почтальонов раджи?

Д е т и. Да.

О м о л ь. Как их зовут?

Д е т и. Бадоль, Шорот, есть и другие.

О м о л ь. Если мне придет письмо, они найдут меня?

Д е т и. Если на письме будет твое имя — мигом отыщут.

О м о л ь. Приведите с собой кого-нибудь из них, покажите, где я живу.

Д е т и. Ладно.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

О м о л ь лежит в постели.

О м о л ь. Дядя, мне сегодня все время надо лежать? Так доктор велел?

М а д х о б Д о т т о. Да. Ты сидел у окна целыми днями, вот тебе и стало хуже.

О м о л ь. Да нет же, дядя. Я не знаю, что у меня за болезнь, но я чувствовал себя лучше, когда сидел у окна.

М а д х о б Д о т т о. Ты успел перезнакомиться со всем городом: кто только не перебивал у тебя. Это вредно для твоего здоровья. Ты побледнел, осунулся.

О м о л ь. Дядя, я боюсь, факир не увидит меня и уйдет.

М а д х о б Д о т т о. Что еще за факир?

О м о л ь. Он приходил ко мне и рассказывал о разных странах. До чего интересно!

Мадхоб Дотто. Не знаю я никакого факира!
Омоль. Он должен прийти. Прошу тебя,пусти его ко мне!

Входит старик, переодетый факиром.

Вот он, факир! Подойди поближе, садись.

Мадхоб Дотто. Что такое! Это же...

Старик (*подмигивая*). Я — факир.

Мадхоб Дотто. Уж кем ты только не был! Даже не сосчитать всех твоих превращений.

Омоль. Где ты побывал в этот раз, факир?

Старик. На Журавлином острове, только что оттуда.

Омоль. На Журавлином острове?

Старик. А что тут удивительного? Я ведь не такой, как вы все. Куда захотел — туда и отправился.

Омоль (*хлопая в ладоши*). Как весело тебе живется!.. Ты обещал взять меня в ученики, когда я поправлюсь: помнишь?

Старик. А как же! Я научу тебя заклинаниям, и тогда тебе не страшны будут никакие преграды: ни море, ни горы, ни леса.

Мадхоб Дотто. Что за чепуха!

Старик. Милый Омоль, мне подвластно все: и горы, и скалы, и моря, но, если доктор вступит в заговор с твоим дядей, мои заклинания потеряют силу.

Омоль. Дядя, не говори ничего доктору! Я буду лежать спокойно. А когда поправлюсь, прочту заклинания — и в путь. Тогда уж мне будут не страшны ни горы, ни реки, ни моря.

Мадхоб Дотто. Дорогой мой, ну что ты заладил: «Уйду да уйду». Как услышу такие речи, у меня душа замирает.

Омоль. Факир, расскажи мне про Журавлиный остров.

Старик. О, это удивительное место. Там живут одни птицы, людей совсем нет. Птицы не говорят, не ходят, а только поют и летают.

Омоль. Ой, как интересно! Они живут у самого моря?

Старик. Да.

Омоль. А там есть синие горы?

Старик. Птицы как раз и живут на синих горах. Вечером, когда лучи солнца золотят вершины гор, зеленые птицы стаями возвращаются в свои гнезда. Багряное небо, золотые горы, зеленые птицы — красота неопысываемая!

О моль. А в горах есть водопады?

Старик. Какие же горы без водопадов! Вода сверкает и рассыпается алмазными брызгами. А как эти водопады пляшут! Бурный поток бежит, звеня и гремя, и прыгает прямо в море. Ни один доктор не в силах остановить его. Птицы сочли меня недостойным своего общества и прогнали прочь. Жаль, а то бы я построил себе жилище рядом с их гнездами; целыми днями я любовался бы морем...

О моль. Если б я был птицей...

Старик. То тебе пришлось бы плохо. Я слышал, ты собираешься продавать творог, когда вырастешь. Этим не прокормишься в стране птиц.

Мадхоб Дотто. У меня в голове мутится от ваших глупых разговоров.

О моль. Дядя, а продавец творога не приходил?

Мадхоб Дотто. Приходил. Ему некогда слушать басни про Журавлиный остров, о семье заботиться надо. Он оставил тебе горшочек творогу и ушел. Его племянницу выдают замуж, и он спешил в деревню Коломи — звать музыкантов.

О моль. Он обещал отдать свою племянницу за меня.

Старик. Вот как нехорошо получается.

О моль. Он говорил, что эта девочка будет моей женой. Она хорошенькая-прехорошенькая, у нее румяные щечки, в носу — жемчужная серьга. Ей так идет сари с красной каймой! По утрам она будет доить черную корову и угощать меня вкусным молоком из глиняного кувшина. А вечером отведет корову в стойло, сядет рядом со мной и начнет рассказывать сказку о семи братьях Чампа.

Старик. Какая замечательная жена! Я факир, и то мне завидно. Ничего, не горюй. Пусть ее отдадут замуж. Придет время, только пожелай — в его доме найдутся еще невесты.

Мадхоб Дотто. А ну вас! С вами всякое терпенье лопнет! (*Уходит.*)

О м о л ь. Факир, пока никого нет, скажи, есть мне письмо от раджи?

Ст а р и к. Я слышал, он уже послал письмо. Оно в дороге.

О м о л ь. В дороге? О какой дороге ты говоришь? О той, что видна далеко-далеко, когда дождь прибьет пыль? О той, что ведет в дремучий лес?

Ст а р и к. Да, о ней. Я вижу, брат, ты все знаешь.

О м о л ь. Да, все.

Ст а р и к. Откуда?

О м о л ь. Не могу сказать. Эта дорога как будто у меня перед глазами. Мне кажется, я видел ее много раз, только давно, не помню даже когда. Рассказать тебе про нее? Вот с горы спускается почтальон раджи. В левой руке у него фонарь, на плече сумка. Уже много дней и ночей идет он по этой дороге. Горный поток превращается в спокойную речку. А почтальон шагает все вперед и вперед. На берегу реки раскинулось поле, засеянное просом. Почтальон идет по узенькой тропинке. Перед ним встают заросли сахарного тростника, их окружает высокий земляной вал, почтальон взбирается на самый верх... Стрекочут кузнечики. Кругом — ни души, только скачут бекасы. Я ясно вижу все это. Чем ближе почтальон, тем радостнее у меня на душе.

Ст а р и к. Я уже стар и слаб глазами, но ты так хорошо рассказываешь, что я тоже все вижу.

О м о л ь. Факир, скажи, ты знаешь раджу, которому принадлежит наша новая почта?

Ст а р и к. Конечно. Я каждый день хожу к нему за подаением.

О м о л ь. Когда поправлюсь, я тоже пойду. Можно?

Ст а р и к. Можно. Только тебе не придется ничего просить, раджа сам угадает твои желания.

О м о л ь. Я встану перед его дверью и крикну: «Слава нашему Владыке». А потом спляшу под звуки тамбурина. Так будет хорошо, правда?

Ст а р и к. Очень. Если я возьму тебя с собой, и мне что-нибудь перепадет. Чего же ты хочешь попросить у раджи?

О м о л ь. Я скажу ему: «Сделай меня своим почтальоном. Я возьму фонарь и пойду разносить твои письма».

Сцена из пьесы «Почта»

Послушай, факир, один человек обещал, что научит меня собирать милостыню, когда я поправлюсь. Я буду ходить вместе с ним.

Старик. Кто же это?

Омоль. Попрошайка Чхидам.

Старик. Какой еще попрошайка Чхидам?

Омоль. Да тот, что слепой и хромой. Каждый день какой-то мальчик провозит его на тележке мимо моего окна. Я как-то сказал Чхидаму: «Выздоровею — буду тебя возить».

Старик. Очень интересно.

Омоль. Это он обещал, что научит меня просить милостыню. Я прошу дядю подать ему что-нибудь, а дядя говорит, что он вовсе не слепой и не хромой. Ну, хорошо, пусть притворяется, что не может ходить, но ведь он ничего не видит, это правда?

Старик. Верно, мальчик. Раз его глаза ничего не видят, стало быть, он слеп... А зачем он приходит сюда?

Омоль. Бедняга ничего не видит. Я рассказываю ему о том, что слышал от тебя. О Невесомой стране, где можно одним прыжком перескочить через гору. Ему так понравилась эта страна. А скажи, факир, как туда попасть?

Старик. Путь туда — внутри нас, но найти его трудно.

Омоль. Слепой, конечно, не найдет этот путь. Он очень огорчен. Я ему сказал: «Напрасно ты расстраиваешься. Ты хоть бываешь в разных местах, а другие сидят дома».

Старик. Тебе скучно сидеть дома?

Омоль. Сначала было очень скучно. Но с тех пор, как я увидел почту нашего раджи, время летит незаметно, и мне нравится сидеть у окна. Скоро я получу письмо от раджи, я так рад. Не знаю только, о чем он мне напишет...

Старик. А зачем тебе знать? Самое главное — там будет стоять твое имя.

Входит Мадхоб Дотто.

Мадхоб Дотто. Что вы натворили!

Старик. В чем дело?

Мадхоб Дотто. Вы пустили слух, будто раджа открыл почту для того, чтобы присылать вам письма!

Старик. Ну и что?

Мадхоб Дотто. Наш староста Пончанон послал донос радже.

Старик. Раджа всеведущ, от него ничто не укроется.

Мадхоб Дотто. Что же вы были так неосторожны, упоминали имя раджи и болтали всякий вздор? Из-за вас я попаду в беду.

Омоль. Факир, раджа очень рассердится?

Старик. Что ты! Гневаться на факиров и детей — только ронять свое царское достоинство.

Омоль. Сегодня с утра у меня темно в глазах, я чувствую себя точно во сне. Мне что-то не хочется больше говорить... Неужели не придет письмо от раджи?.. Если сейчас рухнут стены этой комнаты, если...

Старик (*обмахивая Омоля опахалом*). Письмо придет. Сегодня же придет.

Входит врач

Врач. Ну, как ты себя чувствуешь?

Омоль. Очень хорошо, доктор. Кажется, больше ничего не болит.

Врач (*отведя в сторону Мадхоба Дотто*). Не нравится мне его улыбка. Он уверяет, будто чувствует себя хорошо. Это дурной признак. Чокродхор Дотто утверждает...

Мадхоб Дотто. Умоляю вас, господин доктор, не поминайте про Чокродхора Дотто. Скажите, как состояние ребенка?

Врач. Боюсь, его уже не спасти. Я велел беречь мальчика от сквозняков, но его, видно, все-таки продуло.

Мадхоб Дотто. Господин доктор, я держал его взаперти, оберегал.

Врач. Вот и сейчас сквозит. Ветер врывается через входную дверь. Слышите свист? Это очень опасно. Запри-те дверь на замок. Несколько дней можно пользоваться черным ходом. И окно закройте, чтобы свет не беспокоил больного.

Мадхоб Дотто. Омоль закрыл глаза, уснул, наверное. Как гляну на его лицо, сдается мне... Господин док-

тор, он мне не родной, я принял его в свой дом, полюбил, а он...

Врач. Что это? Сюда идет староста! Вот нелегкая принесла! Я ухажу, почтенный. А вы закройте сейчас же дверь. Из дому я пришлю лекарство. Кто знает, а вдруг еще не поздно, и оно поможет.

Мадхоб Дотто и врач удаляются.

Входит староста.

Староста. Эй, мальчик!

Старик *(поспешно встает)*. Тсс!

Омоль. Не надо, факир. Ты думаешь, я сплю? Нет. Я все слышу. Даже когда разговаривают далеко. Иногда мне чудится, что мама и папа сидят у моего изголовья и о чем-то беседуют.

Входит Мадхоб Дотто.

Староста. Мадхоб Дотто! Ты теперь знаешься с важными людьми!

Мадхоб Дотто. Что вы, господин староста! Не смейтесь надо мной. Мы люди простые.

Староста. Твой приемыш ждет письма от раджи!

Мадхоб Дотто. Он еще глуп и мал. Разве можно обращать внимание на его слова?

Староста. А что тут странного? Где еще раджа найдет такой достойный дом, как твой? Недаром он построил новую почту перед твоими окнами. *(Омоль.)* Эй, паренек, тебе письмо от раджи.

Омоль. *(быстро приподнимается)*. Правда?

Староста. А почему бы и нет? Раджа — твой друг. *(Показывает чистый лист бумаги.)* Ха-ха-ха-ха! Вот оно, письмо!

Омоль. Не смейтесь надо мной... Факир, скажи, это письмо от раджи?

Старик. Да, милый. Я, факир, говорю тебе: «Это письмо от раджи».

Омоль. А я ничего не вижу, все белым-бело. Господин староста, скажите, что написано в письме?

Староста. Раджа пишет: «Мне надоело жить во дворце. Сегодня я прибуду к тебе. Приготовь угощение». Ха-ха-ха-ха!

Мадхоб Дотто (*умоляюще сложив ладони*). Господин староста, прошу вас, не шутите так.

Старик. Разве это шутки? Он бы не посмел так шутить.

Мадхоб Дотто. Ох, старик, и ты сошел с ума?

Старик. Да, ты прав. Поэтому я и вижу буквы на чистом листе бумаги. Раджа пишет, что навестит Омоля вместе со своим врачом.

Омоль. Факир, факир, слышишь, трубят трубы? Это прибыл раджа!

Староста. Ха-ха-ха-ха! Как же, услышит он, если только совсем не спятил!

Омоль. Господин староста, я думал, вы на меня рассердились. Я не ожидал, что вы и вправду принесете письмо от раджи. Позвольте, я возьму прах от ваших ног.

Староста. Что ни говорите, а этот мальчишка проявляет должное почтение к старшим. У него еще нет разума, но душа есть.

Омоль. Кончилась четвертая стража. Слышите? Дон-дон-дон-дон. Факир, на небе уже звезды? Почему я их не вижу?

Старик. Окно закрыто. Сейчас отворю.

Раздается стук в дверь.

Староста. Кто там? Что за шум?

Голос снаружи. Откройте!

Мадхоб Дотто. Кто там?

Голос снаружи. Откройте!

Мадхоб Дотто. Господин староста, это не разбойники?

Староста. Кто там? Я староста Пончанон. Понятно? Ну вот, перестали стучать. Даже самые свирепые разбойники боятся моего голоса...

Мадхоб Дотто (*выглянув в окно*). Они взломали дверь, поэтому и стучать перестали.

Входит гонец раджи.

Гонец. Ночью сюда придет махараджа.

Староста. Ну и ну! Кажется, наступил конец света.

Омоль. Когда придет махараджа?

Гонец. Во вторую стражу.

О м о л ь. Когда стражник будет отбивать время у главных ворот?

Г о н е ц. Раджа прислал своего врача, чтобы он осмотрел его маленького друга.

Входит придворный врач.

Придворный врач. Какая духота! Откройте настежь все окна и двери! *(Берет руку Омоля.)* Дитя, как ты себя чувствуешь?

О м о л ь. Очень хорошо, господин доктор. У меня больше ничего не болит... А-а, окна открыли. Я вижу звезды, звезды на темном небе.

Придворный врач. В полночь придет раджа. Сможешь ты встать с постели и пойти вместе с ним?

О м о л ь. Да, смогу! Я пойду с ним. Пусть раджа покажет мне Полярную звезду! Должно быть, я много раз видел эту звезду, только не знал, что она — Полярная.

Придворный врач. Он тебе все покажет. *(Обращаясь к Мадхобу Дотто.)* К приходу раджи украсьте комнату цветами. *(Указывая на старосту.)* Ему здесь не место.

О м о л ь. Господин доктор, он мой друг. Это он мне принес письмо от раджи.

Придворный врач. Хорошо, дитя. Раз он твой друг, пусть остается.

Мадхоб Дотто *(шепчет на ухо Омолю)*. Раджа тебя любит. Сегодня он сам пожалует сюда. Попроси у него дар. Мы ведь люди бедные, ты знаешь.

О м о л ь. Я уже решил, дядя, не беспокойся.

Мадхоб Дотто. Что ты решил?

О м о л ь. Я попрошу раджу, чтобы он сделал меня своим почтальоном. Я буду разносить его письма.

Мадхоб Дотто *(ударяет себя по лбу)*. О, я несчастный!

О м о л ь. Дядя, чем ты угостишь раджу?

Г о н е ц. Раджа велел, чтобы вы приготовили для него рис.

О м о л ь. Господин староста, ты так и сказал! Ты все знаешь о радже, а я ничего.

Староста. Если вы пошлете ко мне домой, то для раджи найдется хорошее...

Придворный врач. Ничего не надо. Тише. Пришел, пришел к нему сон. Погасите светильник. Пусть в комнату льется свет небесных звезд. К нему пришел сон.

Мадохб Дотто (*старик*). Старик, что ты стоишь, как статуя, сложил ладони. Мне страшно. Зачем задули светильник? Это дурной знак. На что нужен свет звезд?

Старик. Молчи, маловер, молчи.

Входит Шудха.

Шудха. Омошь!

Придворный врач. Он уснул.

Шудха. А я принесла ему цветы. Можно, я вложу их ему в руки?

Придворный врач. Можно!

Шудха. Когда он проснется?

Придворный врач. Как только придет раджа и окликнет его.

Шудха. Шепните ему на ушко!

Придворный врач. Что?

Шудха. Шудха тебя не забыла.

ТОРЖЕСТВО ВЕСНЫ

Приношу в дар эту драматическую поэму, словно эктару странствующего певца, тем, кто исторг весенний поток из опустошенной души поэта, а также господину Динендранатху, кормчему и наставнику юного племени и верному хранителю песен моих.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Раджа.

Министр.

Пандит Шрутибхушон.

Поэт Кобишекхор.

Вестники наступающей весны.

Старец-Зима.

Группа юношей.

Чондрохаш — любимец юношей.

Дада — самый рассудительный из них.

Предводитель.

Слепой певец.

Перевозчик.

Ночной сторож.

Онатх — продавец масла и др.

Примечание. В разговоре юношей в основном участвуют Чондрохаш, Дада и Предводитель. Остальные реплики может произносить любой из юношей, и число их не ограничено.

ПРОЛОГ

САД ВО ДВОРЦЕ.

- Тише, вы, тише!
- Что случилось?
- Махараджа чем-то опечален.
- Какая беда!
- Кто там играет на флейте?
- Скажи, брат, что произошло?
- Махараджа очень расстроен!
- Какое несчастье!
- Чьи это дети так расшумелись?
- Это дети Мондола.
- Позовите Мондола, пусть он их утихомирит.
- Где же министр?
- Я здесь.
- Вы слышали новость?
- Какую?
- Махараджа прямо в отчаянье.
- А как же война на дальней границе?
- Пусть идет война, теперь никому до нее нет дела.
- Посол китайского императора ожидает приема.
- Пускай ждет, махараджа его все равно не примет.
- А вот и махараджа.
- Слава махарадже!
- Махараджа, пора отправляться на заседание государственного совета.

— Ты прав, пора отправляться, только не на заседание совета.

— Что вы хотите сказать, махараджа?

— Звон колокола возвестил, что совет распущен.

— Но ведь никто из нас не слышал...

— А вы и не могли слышать. В колокол звонили у самого моего уха.

— Кто же позволил себе такую дерзость?

— Министр, колокол и сейчас звучит.

— Махараджа, простите своего слугу — я так туп, что никак не могу догадаться.

— Взгляни сюда.

— Волосы махараджи...

— Ты не видишь звонаря?

— Вы смеетесь над своим слугой!

— Смеюсь не я, а тот, кто создал весь мир себе на потеху. Вчера вечером махарани надела мне на шею гирлянду из жасмина и вдруг воскликнула: «Что это, махараджа, у вас на висках два седых волоса!»

— Стоит ли из-за этого огорчаться, махараджа! У вас есть врач, он...

— У основателя нашей династии Икхакура тоже был свой врач, но это его не спасло. Министр, я получил приглашение от бога смерти. Махарани хотела вырвать волосы, но я остановил ее: «Зачем, рани? Мы можем отвергнуть приглашение бога смерти. Но нам не отвергнуть его самого. Послание Ямы осталось на прежнем месте. Теперь...

— Теперь займемся государственными делами.

— Государственными делами? На это у меня нет времени. Вели позвать Шрутибхушона.

— А как быть с полководцем Биджойборма?

— Мне нужен не Биджойборма, а Шрутибхушон.

— Махараджа, посол китайского императора ожидает приема.

— Меня ожидает посланник другого, более могущественного владыки. Вели позвать Шрутибхушона.

— Махараджа, а вести с дальней границы?

— Министр, я получил весть с самой дальней из границ. Пошли за Шрутибхушоном.

— Но тесть махараджи...

— Я прошу позвать не тестя, а Шрутибхушона.

— Кобишекхор принес свою поэму «Сады фантазии».

— Пусть он себе порхает по деревьям садов фантазии. Вели позвать Шрутибхушона.

— Слушаю и повинуюсь. Сейчас пошлю за ним.

— Скажи, чтобы он захватил с собой книгу «Океан отрешенности»... Стражник, кто там кричит за оградой? Уйми их. Я хочу покоя.

— В Нагпоттоне свирепствует голод, крестьяне просят допустить их во дворец.

— У меня мало времени, министр; я хочу покоя.

— Крестьяне говорят, что у них времени и того меньше — они просят спасти их от голода.

— Спасти от голода! Разве можно в этом мире утолить голод? Голод утихнет только на погребальном костре.

— Махараджа, эти несчастные...

— Несчастный раджа советует своим несчастным подданным: зачем пытаться разорвать сети Рыбака-Времени, ведь из них никому не выпутаться.

— Стало быть...

— Стало быть, мне нужен Шрутибхушон с его «Океаном отрешенности».

— А как же голодные крестьяне?

— Видишь ли, министр, мы нуждаемся не в еде, а во времени. От этого голода равно страдают и раджа и его подданные. Кто же кого должен спасти?

— Вы хотите сказать...

— Я хочу сказать, что когда Великий Разрушитель — Шива бьет в барабан, все просьбы сгорают на погребальном костре. Зачем надрывать голос?.. А, Шрутибхушон, приветствую вас.

— Будьте благословенны.

— Господин Шрутибхушон, прошу вас, скажите махарадже, что Лакшми отворачивается от того, кто впадает в отчаяние.

— Шрутибхушон, что там шепчет министр?

— Он просит, чтобы я поведал вам, какой нрав у богини Лакшми.

- И что же вы скажете мне?
- В «Океане отрешенности» есть четверостишие:

Богине ты не верь, чей в лотосе приют:
Взгляни, как лотосы цветут, —
С зарей раскроется, красою лотос манит,
А вечером закроется, обманет.

— Пламя надежды погасло от дуновения вашей мудрости. Учитель сказал:

Пусть падают зубы и пусть на висках седина,
Душа обманувшим надеждам верна...

— Махараджа, раз уж вы заговорили о надежде, я прочту другое четверостишие из «Океана отрешенности».

Мучительна тяжесть железных цепей,
Но цепи надежды еще тяжелей.
Плененный надеждою в муках живет —
Блажен, кто навек ее узы порвет.

— Ваши слова бесценны!.. Министр, выдайте Шрутибхушону тысячу золотых монет!.. Кто там шумит?

— Голодные крестьяне.

— Пусть их заставят замолчать!

— Махараджа, может быть, вы пошлете к ним Шрутибхушона, а мы тем временем созовем военный совет?

— Нет, нет, о войне потом, я не могу отпустить Шрутибхушона.

— Махараджа изволил упомянуть о золотых монетах, но ведь это преходящий дар. В «Океане отрешенности» говорится:

Горе приносит дарующий злато:
Тратится злато, — одна лишь утрата.
Вмиг опустеет кубышка до дна,
Будет в ней звякать досада одна.

— Как! Учитель, вы отказываетесь?

— Да, мне не нужно золота.

— Дозвольте мне взять прах от ваших ног... Подумать только, он отказался от тысячи золотых!

— Махараджа, я прошу у вас дара, который дороже золота и станет памятником вашей добродетели... Я буду счастлив, если вы пожелаете мне поместье Канчонпур. В «Океане отрешенности» сказано...

— Понимаю, понимаю, Шрутибхушон, можете не ссылаться на «Океан отрешенности»... Министр, составьте дарственную... Опять они шумят...

— Да, махараджа, они продолжают кричать — все по той же причине.

— Махараджа, моя супруга просила передать вам, что она хочет славить вашу щедрость звоном драгоценностей, но их так мало, что этот звон еле слышен.

— Министр!

— Да, махараджа!

— Немедленно позаботься о том, чтобы у супруги Шрутибхушона не было недостатка в драгоценностях.

— У меня еще одна просьба. Скажите господину министру: мы с супругой непрестанно размышляем о Вечной истине, и заботы о починке дома отвлекают нас. Если придворный архитектор займется этим делом, я со спокойной душой смогу отдаться своему служению.

— Министр, дай необходимые указания архитектору.

— Махараджа, в этом году ваша казна наполовину пуста.

— Я слышу это каждый год. Министр, твоя обязанность наполнять казну, а моя — опустошать ее.

— Махараджа, я не осуждаю министра. Он заботится о вашем благе в этом мире, а мы — о вашем благе в ином мире. Там, где он видит скудость, мы видим богатство. В «Океане отрешенности» говорится:

Ничтожной может быть и царская казна —
В достойных лишь руках богатству есть цена.
Что пользы для казны в обилии монет,
Когда хозяина рачительного нет.

— Пандит, ваши слова бесценны!

— Зато Шрутибхушон прекрасно знает цену словам махараджи. Идемте, Шрутибхушон, сейчас вы получите то, что вам следует за бескорыстное служение.

— Идем, идем, медлить незачем... Махараджа, я помогу министру выполнить его долг и тотчас вернусь.

— Я все время опасаюсь, что вы покинете двор и удалитесь в лес, станете отшельником.

— Махараджа, когда человек достигает духовной свободы, ему уже ничего не нужно покидать. Ваш дворец — мой лес... Пошли, министр.

— Идет Кобишекхор! Я боюсь, как бы он не заставил меня отказаться от всех благочестивых намерений!.. О мои седые волосы, закройте уши, чтобы в них не проникали слова поэта!

— Махараджа, вы хотите распрощаться со своим поэтом?

— Зачем удерживать поэта, когда сама поэзия прислала мне свое последнее «прости»?

— Где это послание?

— У меня на висках.

— Седые волосы? А что это, по-вашему, означает?

— Природа стирает яркие цвета юности и все окрашивает в белое.

— Вы не постигли замысла Творца. Он подготавливает полотно для новой картины.

— Откуда же возьмутся краски?

— В сердце белого цвета живут все цвета радуги.

— Замолчи, поэт, ни слова больше!

— Махараджа, если этой юности суждено отцвести, пусть отцветает! Богиня вечной юности украсила гирляндой жасмина волосы махараджи, и мир уже готовится к ее приходу.

— Ты сбиваешь меня с толку, поэт. Уходи, уходи!.. Приведите ко мне Шрутибхушона.

— Махараджа, зачем вам Шрутибхушон?

— Я хочу отрешиться от всего земного.

— Вот я и поспешил к вам, едва узнал об этом. Позвольте, я помогу вам.

— Ты?!

— Да, махараджа. Мы, поэты, для того и существуем, чтобы приносить избавление от страстей.

— Не понимаю.

— Столько времени я читал вам стихи, и все напрасно! Отрешенность — в наших словах, отрешенность — в наших мелодиях, отрешенность — в наших ритмах —

всюду она! Потому-то Лакшми отворачивается от нас. Мы скитаемся по свету и учим юных отвергать ее дары.

— В чем же ваше учение?

— Мы говорим: «Братья, не сидите по углам, не дрожите над своим добром; выходите на широкую дорогу жизни, о юные аскеты!»

— Так, значит, для тебя пути мира — это пути отрешения?

— А разве не так, махараджа? На путях мира все — перемена, все — жизнь, все — движение. Человек, который с эктарой в руках бродит по дорогам жизни, и есть отрешенный, он и есть верный ученик странствующего поэта.

— А как мне обрести покой?

— Мы отнюдь не стремимся к покою, ведь мы отрешенные.

— Должны же существовать неизменные ценности!

— Они ничуть не привлекают нас, ведь мы отрешенные.

— Что ты говоришь! Как бы тебе не накликать беды! Эй, позвать сюда Шрутибхушона!

— Мы—отрешенные, мы верим в вечное изменение. Мы обретаем, утрачивая, и не признаем ничего неизменного!

— Что за речи?

— Махараджа, видели вы отрешенность реки, выбегающей из горного ущелья? Радостно отдавая свои воды, она обретает себя. Река теряется в песках пустыни, и пустыня для нее — нечто неизменное. Если она перестанет отдавать, ей уже нечего будет обрести.

— Кобишекхор, ты слышишь плач? Это голос твоего мира.

— Это голодающие подданные махараджи.

— Мои подданные? Что ты говоришь, поэт? Они подданные вселенной. Разве я обрек их на страдания? Скажи, могут твои отрешенные поэты чем-нибудь им помочь?

— Махараджа, только мы и можем взять на себя бремя их страданий. Устремляясь вперед, мы отдаем себя. Вы наблюдали, как легко несет любой груз вечно изменчивая река? Каменистая дорога всегда остается неизменной, поэтому груз давит на нее всей своей тяжестью, и грудь ее покрывается ранами. Река течет весело и, облегчая свой груз, тем самым облегчает бремя вселенной. Будем же как река, легко понесем свои радости и печали! Это

призыв отрешенных. Наш предводитель тандуя идет по дорогам мира. Вот почему и я не смог усидеть дома.

Кто там идет по дороге?
Слышу я зов.
Зову навстречу бежать я готов.
Что за песня там в ветре звучит?
В сердце упрямо стучит
Болью без слов?
Зову навстречу бежать я готов.
В ночь полнолуния неожиданно
С моря нахлынул прилив,
Душу мою пробудив.
Веки раскрылись, гляди!
Что мне плестись позади, —
Бросил я кров.
Зову навстречу бежать я готов!

— Пусть Шрутибхушон убирается прочь!.. О поэт, ты знаешь, в чем моя беда? Я ничего не понял, но мелодия твоих речей нашла отклик у меня в сердце. А с Шрутибхушоном все наоборот. Слова его для меня ясны, речь его построена по всем правилам грамматики. Но мелодия... Да что тут говорить!..

— Махараджа, мы не выговариваем свои слова, а поем.

— Скажи, поэт, в чем ваша цель?

— Махараджа, у ворот твоего дворца раздается плач, и я должен бежать туда.

— Разве вы, поэты, можете накормить голодающих? Пусть об этом позаботятся деловые люди.

— У деловых людей дела никогда не идут на лад, и нам приходится все налаживать.

— Поэт, выражайся яснее.

— Махараджа, они работают из любви к делу, а мы — из любви к жизни. Поэтому они называют нас бездельниками, а мы говорим, что им не хватает жизни.

— Кто же из вас прав?

— Мы, махараджа, мы.

— А где доказательства?

— Великое не нуждается в доказательствах. Сотрите с лица земли всех поэтов и поэзию, и вы увидите, откуда деловые люди почерпнули свою энергию, кто поит жиз-

ненными соками их корни. Махараджа, знаете, кто может унять плач, что слышится у ваших ворот? Не тот, кто погружился на дно океана отрешенности, не тот, кто трясется над своим богатством, не тот, кто ушел в работу, не тот, кто перебирает сухие четки долга, а тот, кто ничего не презирает во всем мире, потому что в груди у него бьется живое сердце. Он побеждает, он терпит поражение, он умеет жить, готов и умереть, он способен сильно страдать и побороть страдание, он созидает, потому что владеет тайной радости, тайной подлинной отрешенности.

— Что же ты посоветуешь мне, поэт?

— Встать и идти. Слышите плач? Это сердце взывает к сердцу. Сможем ли мы помочь или нет, это другое дело, но беда, если этот зов не будит в вашей душе отклика — не потому, что вы не исполнили своего долга, а потому, что вы мертвы.

— Все мы умрем, Кобишекхор, не сегодня, так завтра.

— Это ложь, махараджа! Если мы уверены в том, что живы, то твердо знаем, что будем жить. Только тот, кто не перенес в жизни суровых испытаний, утверждает, что мы умрем, говорит:

Жизнь — словно в лотосе жемчужина росы:

Вмиг улетучатся неверные красы.

— Но разве жизнь не изменчива, поэт?

— Изменчива, но не преходяща. Она продолжается вечно, хотя непрестанно меняется. Махараджа, как только ты попробуешь остановить это движение, ты станешь участником драмы смерти.

— Так это правда, поэт? Мы будем жить?

-- Непременно.

— Если мы живем, то жизнь должна быть достойна своего имени, не правда ли?

— Правда, махараджа!

— Эй, стражник!

— Я здесь, махараджа.

— Тотчас же позови министра.

— Вы меня звали, махараджа?

— Министр, почему ты заставляешь себя ждать?

— Я был занят спешными делами.

— Какими?

— Нужно было проводить полководца.
— Зачем?.. А как же военный совет?
— Я позаботился о паланкине для посла китайского императора...

— Для чего ему паланкин?

— Он не дождался приема и...

— Министр, ты меня удивляешь — разве так ведут государственные дела? Что с тобой случилось?

— Потом я искал людей, чтобы разрушить дом Кобишекхора. Никто не соглашался, кроме людей из рода Дигпала, тех, что открыли школу грамматики и риторики. Они мигом прибежали с ломами в руках.

— Министр, ты, видно, не в своем уме. К чему разрушать дом Кобишекхора?

— Не беспокойтесь, махараджа, дом останется цел. Там решил поселиться Шрутибхушон.

— Час от часу не легче! Да за это Сарасвати разобьет свою вину о мою голову.

— Было у меня еще одно дело — я передал Шрутибхушону права на владение Канчонпуром.

— Дарственная уже готова? Но я хочу подарить Канчонпур Кобишекхору.

— Что вы, махараджа! Поэзия не требует вознаграждения.

— Ну, хорошо. Пусть Канчонпур остается у Шрутибхушона.

— И последнее, махараджа. Я вызвал войска, чтобы они разогнали голодных крестьян.

— Министр, сегодня ты делаешь глупости одну за другой... Лучший способ избавиться от голодающих — накормить их.

— Махараджа!

— Что скажешь, стражник?

— Возвращается Шрутибхушон со своим «Океаном отрешенности».

— Скажи ему, пусть уходит! Как бы он не застал меня врасплох. Я боюсь поддаться слабости и незаметно погрузиться в океан отрешенности... О Кобишекхор, помоги мне. Будь щедр, как весенний ветер! Есть у тебя что-нибудь готовое? Драматическая поэма, одноактная драма или пантомима?

- Есть, только мне трудно сказать, что это.
- Смогу ли я понять смысл этой вещи?
- Нет, махараджа, в поэзии бесполезно искать смысл.
- Зачем же она существует?
- Чтобы доставлять радость. Мои произведения, как флейта, созданы не для понимания, а ради мелодии.
- Ты хочешь сказать, что в твоей вещи нет никакой философии?
- Ни капли.
- Тогда что же говорит твое творение?
- Оно говорит: «Я существую!» Махараджа, вам известно, что означает первый крик новорожденного? Ребенок слышит голоса земли и неба: «Мы существуем!» — и душа его отзывается: «Я существую!» Мое произведение — крик новорожденного, отклик души на зов вселенной.
- И больше ничего?
- Ничего. В своем сочинении я возвещаю: в счастье и в горе, в труде и в отдыхе, в рождении и в смерти, в победе и в поражении, в этом и в ином мире — везде и всегда торжествует ликующее: «Я существую!»
- Поэт, в наши дни твое сочинение не будет иметь успеха, если в нем нет никаких идей.
- Вы правы, махараджа, в наше время люди, шагающие в ногу с веком, стремятся не к обретению, а к приобретению.
- Кого же мне позвать, чтобы слушать тебя? Может быть, учеников придворной школы?
- Нет, махараджа, их логика убивает поэзию. Они похожи на оленят, которые, когда у них прорезаются рожки, трутся ими даже о ствол цветущего дерева.
- Так кого же позвать?
- Тех, в чьих волосах — седина.
- Что ты хочешь сказать, поэт?
- Зрелые люди, познавшие жизнь, вновь обретают юность, но уже свободную от страстей. Они переплыли через Бхагавати и узрели берег страны радости. Они хотят не вкушать, а приносить плоды.
- Так, значит, я уже в том возрасте, когда воспринимают поэзию. Пригласить полководца?
- Пригласите.

- А посла китайского императора?
- Конечно.
- Я слышал, приехал мой тесть.
- Можете позвать и его, но я сомневаюсь, стоит ли приглашать его сыновей.
- Не забудь только дочь моего тестя, поэт.
- Не беспокойтесь, она не даст позабыть о себе.
- А как насчет Шругибхушона?
- Нет, махараджа. Я не считаю его своим врагом, зачем же терзать его слух?
- Так приготовься, поэт.
- Нет, махараджа, я хочу начать без подготовки. Истина безвкусна, если пышно разодета.
- А декорации?
- Зачем они? Мне нужен только холст; на нем — кистью мелодий я нарисую картины.
- Значит, в пьесе есть песни?
- Да, махараджа, каждый акт открывается потоком песен.
- О чем же в них говорится?
- О том, как зима сбрасывает свой наряд.
- Но в наших пуранах об этом нет ни слова.
- В наших нет, а в пуранах вселенной есть. Времена года сменяют друг друга. Старец-Зима сбрасывает свой наряд. Весна предстает во всей своей красе, и мы узнаем, что старое — это вечно новое.
- Таково содержание песен, а о чем говорится в самой пьесе?
- О жизни.
- Да?
- Юноши поклялись поймать Старца и преследуют его. Они схватят его в пещере и тогда...
- Что тогда?
- Об этом вы узнаете в свое время.
- Ничего не понимаю. Значит, у твоих песен и у пьесы разный сюжет?
- Нет, махараджа, один и тот же. Весна в природе — то же, что юность нашей души. Я взял эту тему из музыкальной драмы Поэта вселенной.

- А кто главные герои твоей пьесы?
- Один из них — предводитель.
- Чем он занимается?
- Ведет всех за собой... Второй — Чондрохаш.
- Что ты можешь сказать о нем?
- Он тот, кого мы любим, тот, кто украшает нашу жизнь.
- Кто еще?
- Дада. Он отвергает радость жизни и превыше всего ставит долг.
- А остальные?
- Есть еще слепой певец.
- Слепой?
- Да, махараджа, он не видит глазами, зато видит сердцем.
- Кого еще ты можешь назвать из главных действующих лиц?
- Вас, махараджа!
- Меня?
- Да, если эта пьеса вас не взволнует, тогда прогоните меня, верните Шрутибхушона и снова займитесь толкованием четверостиший из «Океана отрешенности». Если это случится, я потеряю надежду обратить вас в свою веру. Поэт вселенной признает свое поражение, и теплый ветер фальгуна, не встретив живого отзвука, умчится прочь.

ПЕСЕННОЕ ВСТУПЛЕНИЕ К ПЕРВОМУ ДЕЙСТВИЮ
ПОЯВЛЕНИЕ НОВОГО.

Песня бамбуковой рощи

Ветер-странник, о южный ветер,
 На качелях меня раскачай,
 Разбуди мои юные ветви,
 Прикоснувшись к ним невзначай.
 Возросла я у края дороги,
 От порывов твоих в тревоге,
 О, приди, разбуди в моем сердце восторг,
 Песню жизни в листе заиграй.

Ветер-странник, о южный ветер,
Я у самой дороги стою,
Знаю, где-то ты бродишь по свету,
Слышу легкую поступь твою.
Ветви ловят твоё дуновенье,
В листьях — трепет, шелест, волненье
Прошепчи же хоть слово,
Забиться дай.

Песня птицы в гнезде

Небо меня одарило светом,
Я приношу ему песню в дар.
Брошу песню хмельному ветру —
Пусть пляшет ветер во власти чар.
Дерево-пламя, дерево-пламя,
Ты зажигаешь цветами
Весенний мир.
И разгорается в сердце моем
Алых мелодий жар.
Дрожь пробегает в манговой сени, —
Это ворвался ветер весенний.
В золоте солнца, в лазури небес
Листьев звенят браслеты.
О сирус, о сирус!
Лей аромат,
Нежной улыбкой весны озарись...
В груди пробуждается звонкий
Песенный дар.

Песня цветущего дерева

Ты — река,
Опьяненная быстрым теченьем,
Я — недвижимое дерево,
Упоенное вешним цветеньем.
Пусть на месте стою,
Я в глубинах движение таю —
В юных листьях оно
И в наряде соцветий весеннем.

Ты — река,
Опьяненная быстрым теченьем,
Ты теряешь себя,
Увлеченная внешним волненьем.
Неприметно движение мое,
К свету солнца — стремление мое.
И знакомы безмолвные звезды одни
С тихой радостью, с нежным томленьем.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

НАЧАЛО.

ДОРОГА.

Входит группа юношей.

Песня

О братья мои, в каждой роще весна!
Почка, ветка, листок и цветок
Разрывают тенета сна.
Ярких красок игра в поднебесье,
Ветер — пьяный от песен.
Древесного лепета,
Сердечного трепета
Несется волна.
В каждой роще весна!
Смотри, смотри: как ребенок, шая,
Небесный покой нарушает земля,
И песней счастливой
Свод молчаливый
Колеблет она.
В каждой роще весна!
Ветер по полю мчится,
Он в двери леса стучится.
Он с каждым цветком
Еще незнаком,
Он хочет узнать имена.
В каждой роще весна!

— Никто не может противиться чарам апреля, брат!

— Что ты имеешь в виду?

— Только весна и смогла выманить Дада из логова.

— Это верно. Наш Дада как парусная лодка, груженная четверостишиями: подхваченная весенним ветром, она плывет против течения по чернильному руслу.

Ч он д р о х а ш. О нет, весна тут ни при чем. Я спрятал желтые листки его рукописи в зеленых листьях, и Дада пришлось выйти.

— Мы избавились от его стихов! Какое счастье! Мы должны сорвать с него зимнюю одежду.

Ч он д р о х а ш. Верно! Вся земля трепещет от радости, а Дада ведет себя так, словно весны нет и в помине.

Да да. Ох, ох! Я чувствую себя совсем старым.

— Думаю, земля старше тебя, но она почему-то не стыдится молодеть.

Ч он д р о х а ш. Дада, ты корпишь день и ночь над своими четверостишиями. Погляди: все вокруг охвачено одной жаждой, жаждой обновления!

— Дада, как ты ухитряешься писать стихи, сидя в логове?

Да да. Мои стихи не похожи на изысканные поэтические цветы вроде «Садов фантазии» вашего Кубишекхора, которые расцветают только на свежем воздухе. В моих стихах — вещественный смысл, поэтому они весомы.

— Как древесный корень. Они выросли в землю.

Да да. Послушайте, я вам почитаю...

— Мы пропали. Четверостишия выползли на свет. Их уже не остановить.

— Друзья! Берегитесь четвероногих виршей!

Ч он д р о х а ш. Дада, не обращай на них внимания. Читай свои стихи. Я вытерплю до конца, даже если они не вытерпят. Я не такой трус, как они все.

— Ну так и быть, слушаем.

— Во всяком случае, попытаемся.

— Выслушаем, глазом не моргнув. Не сбежим.

— Подставим грудь под удары, не покажем спины!

— Сжался, Дада, не больше одного,

Да да. Хорошо, слушайте:

Бамбук не на одни лишь флейты годен,
Иначе он сгорел бы от стыда.
Бамбук за то и ценится в природе,
Что нам приносит пользу иногда.

— Немного терпения, друзья. Это значит...

— Мало того, что он читает свои стихи, он еще хочет их толковать!

Д а д а. Я вам объясню: это значит, что если бы из бамбука делали одни флейты, то...

— Нет, мы ничего не поймем.

— Не хотим понимать!

— И не станем слушать никаких объяснений!

— Мы потому и вышли из дому, что ничего не желаем понимать.

— Насильно нам ничего не втолкуешь! Мы все поймем наоборот.

Д а д а. Смысл четверостишия таков: если мы не приносим пользы миру, то...

— ...тем лучше для мира!

Д а д а. Эту мысль я выразил очень ясно:

Сияет в небе звезд неисчислимый рой,
Но много ль проку в них — они от нас далеко.
Кому светильники потребны над землей?
Вот на земле от них немало было б прока.

— А я выражусь еще яснее! Хватайте его за шиворот и ведите в логово.

Д а д а. Чем вы так заняты? У вас важное дело?

— Да, важное.

— Совершенно неотложное.

Д а д а. Какое же?

— Мы придумываем, во что играть.

Д а д а. Играть? День и ночь играть?

В с е
(поют)

Брат, равны игра и работа
Для нас с тобой —
Играем мы в труд любой.

Для нас игра — дерзать и сметь,
Для нас игра — это жизнь и смерть,
Для нас игра — это бой.

— Друзья, идет предводитель!

— Наш предводитель!

Предводитель. Что случилось? Почему вы так расшумелись?

Чондрохаш. Ты вышел из дому, потому что услышал шум?

Предводитель. Да.

— А мы нарочно шумели.

Предводитель. Вы не хотите, чтобы я сидел дома?

— Что же мы будем делать без тебя в этом беспредельном мире?

Чондрохаш. В этом беспредельном мире несметное множество солнц, лун и звезд, и если мы ими станем любоваться, расточительность Творца будет оправдана.

Предводитель. Скажите же, в чем дело?

— А вот в чем:

Брат, равны игра и работа
Для нас с тобой.

Предводитель

Играя, цветок расцветает
И созревает плод,
Волною игра обегает
Просторы суши и вод.
Лишь охватит огонь играющий
Разрушителя лик ужасающий,
Все сгорает и стынет золой.

Все

Брат, равны игра и работа
Для нас с тобой.

— Дада возражает против нашей игры.

Дада. Сейчас скажу почему. Будете слушать?

— Обещать не можем. Но все-таки говори.

Д а д а

Время для дела, игра — это кража:
Ркоут подкоп — и в подвале пропажа.
Кража нигде не приводит к добру.
Все мудрецы осуждают игру.

Ч о н д р о х а ш. Что ты говоришь, Дада! Зачем противопоставлять игру и время? Ведь игра — это времяпрепровождение!

Д а д а. А что же тогда дело?

Ч о н д р о х а ш. Дело — это пыль, что клубится на дороге времени.

Д а д а. Хорошо, пусть предводитель разрешит наш спор.

П р е д в о д и т е л ь. Не стану я разрешать никаких споров. Я веду вас вперед, ставя перед вами все новые цели, — на то я и предводитель.

Д а д а. Всему есть предел, только не вашему ребячеству!

— Это потому, что мы дети! Всему есть границы, одно ребячество не знает границ.

Все танцуют вокруг него.

Д а д а. Неужели вы никогда не повзрослеете?

— Никогда, никогда!

— Мы состаримся и умрем, но не повзрослеем.

— Пусть только Возраст явится к нам, мы обреем его наголо, вымажем грязью и отправим к праотцам.

— Ну, брить его не придется — ведь он лысый.

Нам седины не страшны,

Не страшны.

Не увянет цвет весны,

Цвет весны.

Нас не остановят преклонные года,

Путь наш не кончается нигде и никогда.

Нам ошибки суждены,

Суждены.

Предводитель.

На свету мы глаз не жмурим, не хотим мы
созерцанья,

Не хотим мы созерцанья.

Не хотим в душе копаться, там искать
самопознания,

Не хотим самопознания.

Так, путей своих не зная,

Мчится вдаль река шальная

К морю с горной вышины,

Вышины.

— Дада еще совсем юноша, а можно подумать, что он уже хочет отправиться к Старцу за советом.

Предводитель. К какому старцу?

Чондрохаш. Да к тому, что существует с незапамятных времен.

— К тому, что живет в пещере и не собирается умирать.

Предводитель. Откуда вы о нем знаете?

— О нем говорят все и каждый.

— О нем пишут в книгах.

Предводитель. А каков он из себя?

— Одни уверяют, что он белый, как череп, а по словам других, он черный, как пустые глазницы.

— А сам ты не слыхал о нем?

Предводитель. Я не верю, что он существует.

— Да нет же, этот Старец реальнее всего на свете.

— Уважаемый пандит сказал, что сомневается в нашем существовании. Неизвестно, существуем мы или нет.

Чондрохаш. Мы еще так юны, что нас не внесли в списки живущих, как же нам доказать свое существование?

Предводитель. Вы ходили к пандиту?

— А что тут дурного?

Предводитель. А то, что в мире книжных слов вы потеряете лицо, станете серыми, как осенний туман. В вашем сердце не останется ни кровинки. У меня есть одно предложение. Вы не знаете, какую игру выбрать?

— Мы думаем об этом день и ночь, не смыкая глаз.

— Мы не даем покоя ни себе, ни другим, соседи даже подали на нас жалобу радже.

Предводитель. Я могу предложить новую игру.

— Говори, говори, говори!

Предводитель. Поймайте Старца и приведите его сюда!

— Это и впрямь что-то новое, только на игру не похоже.

Предводитель. Я уверен, что вы его не осилите.

— Еще как осилим.

Предводитель. Не верю.

— А если мы все-таки его осилим...

Предводитель. Тогда я признаю за вами старшинство.

— Старшинство! Нет, уж спасибо! Мы не хотим быть старше своих лет.

Предводитель. Чего же вы хотите?

— Если мы изловим Старца, не быть тебе нашим предводителем!

Предводитель. Вот и прекрасно! Вы думаете, большое удовольствие руководить вами? Мне нет покою из-за вас — все ноги оттоптал. Значит, решено?

Чондрохаш. Да. В день праздника качелей мы принесем его тебе, раскачивая в гамаке.

— Что ты с ним сделаешь?

Предводитель. Заставлю его праздновать весну.

— Тогда бутоны манго замерзнут и не распустятся.

— Кукушки превратятся в сов и полетят разыскивать богиню богатства.

Чондрохаш. Пчелы станут жужжать молитвы.

Предводитель. Ваши головы так отяжелеют от мудрости, что вам не устоять на ногах.

— Ужасно!

Предводитель. Ваши суставы станут узловатыми, как ствол старого дерева.

— Какой ужас!

Предводитель. Вы станете своими старшими братьями и сами себе надерете уши.

— Чудовищно!

Предводитель. И...

— Не продолжай! Мы не будем ловить Старца. Отложим эту игру до холодов. А сейчас мы с тобой...

Предводитель. Я вижу, вы уже поддались влиянию Старца.

— Откуда ты это взял?

Предводитель. Где ваш пыл? Вы уже попятились назад. Попытка не пытка.

— Ладно, мы согласны.

— Отправимся все вместе.

— Идем искать Старца!

— Мы найдем его и вырвем, как седой волос.

— Как бы вам самим не пришлось плохо!

— Нечего бояться! Если мы идем играть, надо отбросить в сторону и страхи, и четверостишия, и пандита, книги, и все остальное.

Без страха идем мы вперед.

Где старый разбойник?

Пусть он на нас нападет!

Дороги прямы, и ноша легка,

Не клонимся мы под грузом сумы,

Под гнетом мешка, под весом тюка.

Одно безрассудство несем мы с собой,

Пускай кто захочет его отберет!

Не нужен нам отдых, не нужен покой,

На славу и деньги махнем рукой.

Играя, встречаем мы ласки судьбы,

Играя, ведем поражениям счет.

Без страха идем мы вперед!

ПЕСЕННОЕ ВСТУПЛЕНИЕ КО ВТОРОМУ ДЕЙСТВУ

Песня вестников Весны

Мы идем охотников с нами играть

И будим еще на заре

Тех, кто не хочет покинуть кровать.

Мы хохочем, свистим, поем,

Под зеленым танцуем шатром.

Мы умеем шептать колдовские слова
И тенета в ветвях расставлять.
Перед смертью страха в нас нет.
Что время? — Порвав роковую петлю,
Отберем у него клад украденных лет.
Мы похитили душу твою,
Ты останешься в нашем краю.
Если даже от нас и уйдешь ты во мрак,
Там светильник наш будет сиять.

Прощальная песня Старца-Зимы

Оставьте меня в покое —
Я в царство лечу другое.
Для чего этот смех при разлуке
И флейты веселые звуки?
Вы спутали радость встречи
С прощальной тоскою.
Не пойму, для чего
Старцу делить молодых торжество?
Облетела листва,
И седа у зимы голова.
Нанесен мне смертельный удар
Цветов беспощадной рукою.

Песня гонцов Весны

Мы новую жизнь с собой несем,
Живем мы в лесах и в полях —
Другой нам не нужен дом.
Напрасно ты прячешь, Зима,
Золото листьев в свои закрома.
Мы листья отнимем и в небо подыдем
Южного ветра крылом.
Зима, ты пленник весенней тюрьмы —
Цветочные цепи сплетаем мы.
Ты не прочь сбежать, говорят,
Облачась в свой ветхий наряд?
Мы знаем — ты прячешь свою красоту
Под старым тряпьем.

Песня Старца-Зимы

Оставьте меня в покое —
Я в царство лечу другое.
К чему мне ваша игра,
Мне уходить пора.
Зелень листвы и воды бирюза
Только мучат мои глаза.
Чую: близко весны гроза —
Я полон тревоги весною.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ПОИСКИ.
ПРИСТАНЬ.

— Эй, перевозчик, отопри!

Перевозчик. В чем дело? Кого вам нужно?

— Мы ищем Старца.

Перевозчик. Какого Старца?

Чондрохаш. Того самого.

Перевозчик. А все-таки?

Чондрохаш. Старца, который существует испокон веков.

Перевозчик. А, теперь понял. Зачем он вам?

— Мы хотим справить праздник весны.

Перевозчик. Праздник весны со Старцем? Да вы с ума сошли!

— Нет, мы не сошли с ума, мы родились безумными.

— И безумными умрем.

Пение флейты сводит с ума.
Где же скрывается флейта сама?
Ветер весенний проносится шумно
В порыве страсти безумной.
Вихрь закрутил в хороводе
Звезды на небосводе.

Сцена из пьесы «Торжество весны»

Перевозчик. И впрямь поднялся вихрь — дверь так и захлопнуло!

— Расскажи, что ты знаешь о Старце.

Перевозчик. Лучше спросите старуху; она сидит на углу с прялкой.

— Мы уже спрашивали, а она говорит: «Разве я разберу, что за тени мелькают у меня перед глазами?»

— Она ничего не знает, ведь она вечно сидит на одном месте.

— Перевозчик, ты человек бывалый, ты наверняка можешь сказать, где...

Перевозчик. Мое дело — перевозить через реку. Я не спрашиваю, кто и куда держит путь.

— Ну хорошо... тогда идем дальше! Мы испробуем разные дороги.

Бушует в буйном танце
Безумный океан,
И ноги пляшут сами,
И каждый словно пьян.
Без ноши забот идем мы вперед,
А путь нам судьба изберет.
Дорога проснется сама под ногой,
Лишь сделаешь первый шаг.

Перевозчик. Вон идет ночной сторож, спросите его. Я могу сказать путь, а он расскажет о путниках.

— Эй, ночной сторож!

Ночной сторож. Кто вы такие?

— Те, кого ты видишь.

Ночной сторож. Что вам нужно?

Чондрохаш. Мы разыскиваем Старца.

Ночной сторож. Какого старца?

— Того, что существует с незапамятных времен.

Ночной сторож. Вот чудеса! Вы ищете Старца, а он ищет вас.

Чондрохаш. Зачем?

Ночной сторож. Он хочет разогреть свою ледяную кровь, и ему по душе пылкая юность.

Чондрохаш. Мы его разогреем! Только бы найти! Ты его видел?

Ночной сторож. Я сторожу по ночам, передо мной проходит много народа, но лиц я не различаю. Все говорят, этот Старец похищает юношей, а вы хотите поймать его сами. Да вы спятили!

— Ты угадал! Это сразу бросается в глаза.

Ночной сторож. Все прохожие на одно лицо. Поэтому, если появляется кто-нибудь чудной, я сразу его примечаю.

— Послушайте только! Почтенные жители деревни тоже говорят, что мы чудные.

— Мы и правда чудные.

Ночной сторож. Уж больно вы ребячливы.

— Не в бровь, а прямо в глаз! Дада вечно твердит нам об этом.

— Всю жизнь мы ведем себя, как дети.

— И останемся детьми до старости.

Чондрохаш. У нас есть предводитель, вот кто настоящий ребенок. Его причуды так быстро меняются, что Возрасту не угнаться за ними.

Ночной сторож. А вы кто?

— Мы бабочки, выпорхнувшие из кокона Возраста.

Ночной сторож (*обращаясь к перевозчику*). Помешались, вконец рехнулись.

Перевозчик. Что вы собираетесь делать?

Чондрохаш. Двинемся дальше.

Ночной сторож. Куда?

Чондрохаш. Мы еще не решили.

Ночной сторож. Так вы решили идти, а куда — сами не знаете?

Чондрохаш. Направление само определится.

Ночной сторож. Что вы хотите сказать?

— А вот что:

Мы идем, мы идем, в небесах зажжена
Ночная лампада —
Голубая луна.
Мы, на флейте играя, идем,
Мы, смех рассыпая, идем.
Яркие крылья одежд вздымает
Спутница наша — весна.

Ночной сторож. Вы всегда отвечаете на вопрос песнями?

— Да. Иначе трудно дать толковый ответ. Если отвечать просто, все становится неясным и темным.

Ночной сторож. Так, по-вашему, эта песня понятна?

Чондрохаш. А разве нет? Ведь у нее есть мелодия.

Дороги страннику-миру
Все, кто в пути,
Он песней зовет их
Идти и идти.
Он поет, и в краю тишины
Просыпается нежность весны;
И, услышав странников шаг,
Смерть отступает во мрак.

Ночной сторож. Говорят, говорят — и вдруг начинают петь. Что за странный народ!

— Да, мы странный народ.

Ночной сторож. Чем вы занимаетесь?

— Отдыхом.

Ночной сторож. Неплохое занятие.

Чондрохаш. Мы не любим тратить время даром.

Ночной сторож. Хотя убей — ничего не понимаю.

— Сейчас мы опять запоем.

Ночной сторож. Нет, нет, не надо. Не помогут мне ваши песни.

— Нас никто не понимает.

Ночной сторож. Как у вас идут дела?

Чондрохаш. Дела наши стоят на месте, а мы идем!

Ночной сторож (*перевозчику*). Вконец свихнулись!

Чондрохаш. Наконец-то появился Дада.

— Дада, почему ты отстал?

Чондрохаш. У нас легко на сердце, и мы летим как ветер. А Дада похож на дождевую тучу — он то и дело останавливается, чтобы излить душу в стихах. По дороге на него нашло вдохновение.

Дада. Чондрохаш, как ни странно, это сравнение для меня лестно. В нем есть смысл. Я использую его в своих четверостишиях.

Чондрохаш. Только не сейчас, Дада. Мы спешим. Твои стихи хромают на все четыре ноги.

Дада. Кто ты?

Перевозчик. Я перевозчик.

Дада. А ты?

Ночной сторож. Здешний ночной сторож.

Дада. Вот и прекрасно, сейчас я вам почитаю. Кое-что поучительное.

Перевозчик. Ну что ж, читай.

Ночной сторож. Наш гуру говорил: краснобайствовать умеют многие, но редко кто умеет слушать. На это нужно терпение. Читай, господин, читай.

Дада. Сегодня я видел, как стражник вел арестанта. Говорят, тот был очень богат и раджа, позарившись на его сокровища, арестовал его по ложному обвинению. Я зашел в лавку бакалейщика и написал четверостишие. Уверяю вас, я ничего не придумываю. Что вижу, о том и пишу.

— Так читай, что ты написал.

Дада

Незавидна участь тростника —
Гибнет он в зубах у бедняка.
Сок копить — напрасные труды.
Приноси, как дерево, плоды.

Вы поняли? Тростник срезают потому, что он копит сок для себя, а дерево, дарующее свои плоды всем, никто не трогает!

Ночной сторож. У него замечательные стихи, перевозчик!

Перевозчик. И впрямь, брат, в его стихах что-то есть.

Ночной сторож. Послушаешь такие стихи, и ума прибавится. Если бы сын нашего писца был здесь, он обязательно бы их записал. Соберите жителей деревни.

— Что ты натворил?

Чондрохаш. Брат перевозчик, ты же хотел пойти с нами, но если Дада станет читать свои четверостишия, то...

Перевозчик. Ах, не морочьте мне голову, господин! Я встретил мудрого человека, услышал его слова. Ведь я уже в годах — скоро помирать.

— Брат, потому-то мы и зовем тебя с собой.

Чондрохаш. Таких, как Дада, ты еще много встретишь, но если умрем мы, Творец больше не повторит своей ошибки.

Из за сцены: «Эй, ночной сторож!»

— Кто там? Кажется, торговец маслом Онатх. Что случилось?

Онатх. Вчера ночью увели моего приемного сына.

— Кто его похитил?

Онатх. Старец.

Чондрохаш. Старец? Что ты говоришь!

Онатх. Чему вы так обрадовались?

— Такая уж у нас скверная привычка: радуемся без причины.

Ночной сторож. Спятили, совсем свихнулись!

Чондрохаш. Ты его видел?

Онатх. Вчера ночью я как будто видел его вдалеке.

— Каков он из себя?

Онатх. Он черный, чернее нашего уважаемого сторожа. Не различишь в темноте. А на груди, как два светляка, горят глаза.

— Пожалуй, для праздника весны он не подойдет.

Чондрохаш. Что за беда! Устроим празднество не в полнолуние, а в новолуние. В новолуние на груди небес сияет множество глаз.

Ночной сторож. Эх, ребята, нехорошее вы дело затеяли.

— Да, хорошими делами мы не занимаемся.

— Опять угадал, хороших дел мы не затеваем.

— Что поделаешь, такие уж мы есть.

— Мы ведь не хорошие люди.

Ночной сторож. Что за шутки! Этак шутить рискованно.

— Рискованные шутки — самые лучшие.

Мы не хорошие люди,
Плохи, к чему и спор, —
Но нам казались пороки
Достоинством до сих пор.
Недобрая слава предшествует нам,
Несчастья преследуют нас по пятам,
И обо всем мы судим
Книгам наперекор.

Ночной сторож. Эй, ребята, где предводитель, о котором вы говорили? Будь он с вами, он образумил бы вас.

— Его потому и нет с нами, чтобы некому было нас образумить.

— Он вывел нас на дорогу, а сам улизнул.

Ночной сторож. Ну и предводитель!

Чондрохаш. Мы выбрали его предводителем, потому что он нами не командует.

Ночной сторож. Ему досталась легкая работа.

Чондрохаш. Нет, друг, командовать легко, а быть предводителем — дело нелегкое.

Мы явились на свет в злополучный день,
Существа необычные мы.
Юпитер исчез неизвестно куда,
Сатурн угрожал из тьмы.
Отплыла наша лодка в зловещий час,
И нет на удачи надежды у нас.
У нас один лишь исход —
Плыть вперед и вперед.

— Дада, идем с нами!

Ночной сторож. Нет, нет, господин, не ходи с ними, пропадешь за зря.

Перевозчик. Лучше почитай свои стихи. Скоро соберутся соседи. Им тоже полезно послушать.

Дада. Никуда я не пойду!

— Тогда пойдем мы. Эти люди нас не переносят.

— Раз они нас не переносят, перенесемся в другое место.

— Сюда слетаются пчелы, они почуяли медовый аромат четверостиший. Слышите, как они жужжат!

Деревенские жители. Скажи, перевозчик, правда, что здесь будут читать стихи? Кто вы такие? Это вы дадите нам урок мудрости?

— Нет, пороков у нас тьма, но уроков мы не даем.

— И благодаря этой единственной добродетели, будем спасены.

Деревенские жители. Вы загадываете нам загадки!

Чондрохаш. Мы говорим лишь то, что ясно нам самим, и наши слова для вас загадка. А вот Дада объяснит вам то, что вы сами прекрасно понимаете, и его речи покажутся вам откровением.

Входит мальчик.

Мальчик. Я его так и не догнал.

— Кого?

Мальчик. Да того Старца, которого вы ищете.

— Ты его видел?

Мальчик. Мне почудилось, будто он проехал в колеснице.

— Куда?

Мальчик. Не могу сказать. Но еще клубится пыль от колес.

— В путь, скорей в путь!

— Все небо застлала туча сухих листьев.

Ночной сторож. Свихнулись, вконец спятили!

ПЕСЕННОЕ ВСТУПЛЕНИЕ К ТРЕТЬЕМУ ДЕЙСТВИЮ

ПОРАЖЕНИЕ СТАРЦА.

Шуточная песня Весны

До чего ж он смешон!

Словно чует конец, —

Словно здесь не жилец,

Старый, дряхлый, в углу притаился он.

Он готовится в дальний путь,

Не дадим ему ускользнуть.

Пусть саньяси нам явится в новой красе,
Пылкой юностью воскрешен.
Пусть оставит заботы,
Позабудет расчеты.
Отнимем пожитки у Старца-Зимы,
Цветами его разукрасим мы —
Пусть безумье, что дремлет в душе у него,
Зимний свой сбросит сон.

Песня приближающейся встречи
Настал, настал долгожданный час!
Мы знаем теперь —
Ты один из нас.
Разорвав объятия льда,
Обретет свободу вода,
И вспять подует твой северный вестер,
По рощам весенним мчась.
Настал, настал долгожданный час!
Разве не слышишь — на суше и в море
Волшебника трубный глас?
Разве не видишь — в синем просторе
Сияет улыбка солнечных глаз?
Сменишь ты зеленую белизну,
В новый наряд облачась.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ПОЛЕ.

— Все кричат: «Вот там! Вот там!», — а приглядишься — нет ничего, кроме пыли и сухих листьев.

— Мне почудилось, будто его колесница и знамя мелькнули в разрывах туч. Но мы заблудились: воображали, что идем на восток, а на самом деле шли на запад.

— Целый день гонялись за призраками и совсем измучились.

— Уже вечереет, брат, уже вечереет.

— Сказать правду, чем ближе ночь, тем страшнее становится.

— Думается, мы совершили ошибку.

— Утренний свет нашептывал нам: «Молодцы, идите вперед». А вечерний свет издевается над нами.

— Должно быть, нас обманули.

— Я начинаю ценить четверостишия, что сочиняет Дада.

— Боюсь, скоро мы все примемся сочинять четверостишия.

— Жители деревни рассядутся вокруг нас.

— И получают от нас столько пользы, что никогда не отстанут.

— Мы будем неподвижные и холодные, как валуны в ночной темноте.

— И они облепят нас со всех сторон, как густой туман.

— Что бы сказал предводитель, если бы слышал эти речи?

— А мне кажется, что он-то нас и обманул. Он заставляет нас трудиться, а сам и пальцем не пошевелит. Давайте вернемся и проучим его! Скажем ему: «Мы не двинемся с места — сядем, поджав ноги под себя. Наши ноги — вечные бродяги, они не знают отдыха».

— Руки мы крепко свяжем у себя за спиной.

— За спиной все спокойно, огорчения впереди!

— Из всех частей тела только спина говорит правду. Она убеждает нас: «Ложись!»

— В юности мы гордо выпячиваем грудь, но, в конце концов, понимаем, что положиться можно лишь на спину, и мы ложимся на нее.

— Если б мы с самого начала легли на спину, то избавились бы от многих неприятностей.

— Мне вспоминается ручеек, протекающий возле нашей деревни. В то утро, когда мы выходили, мне казалось, он журчит: «Найдешь, найдешь!» А сейчас мне кажется, что мы ослышались, и он нашептывал: «Ложь, ложь, ложь». Весь мир — ложь.

— Наш пандит уже давно это говорил.

— Как только вернемся, пойдем к нему.

— Больше никогда не будем нарушать предписания священных книг.

— Какую ошибку мы совершили! Думали, что двигаться вперед — это уже геройство. Но на самом деле не двигаться — значит бросать вызов планетам, звездам, воде, ветру — всему движущемуся миру. В этом и состоит мужество.

— Эй, храбрецы, препояшьте чресла, мы не двинемся с места!

— Эй, силачи, сидя на месте, отбивайте такт, — мы не сделаем и шага.

— «Разум и богатство уходят прочь», — вещают священные книги. Пусть уходят разум и богатство, — мы никуда не пойдем!

— «Жизнь и юность уходят прочь», — сказано там же. Пусть уходят и жизнь и юность, мы никуда не пойдем.

— Вернемся туда, откуда начали путь.

— Нет, нет, чтобы вернуться, надо идти.

— Что же ты предлагаешь?

— Как что? Останемся здесь.

— И вообразим, что мы всегда здесь были.

— Задолго до своего рождения.

— И будем пребывать здесь после смерти.

— Ты прав, только тогда мы успокоимся. Когда знаешь, что пришел из далекого края, душа тоскует по нему.

— Да, опасно думать об этом далеком крае.

— Там все в движении — и земля и дороги.

— Но мы...

Мы никуда не пойдем.

Пусть вянут бутоны — плодов не ждем.

Пусть солнце и звезды в вечном огне

Сгорят в вышине.

А нас зажигать не пытайтесь —

Не вспыхнем огнем.

Слово звучит из лесной тишины,

Слово родится из пенной волны, —

Но мы не ответим

И уши заткнем.

Пусть откуда-то слышен призыв,

Пусть у берега жизни — прилив.

Равнодушны мы к зову ее,

Мы стоим на своем.

— Кажется, кто-то смеется.
-- Да, это смех.
— Слава богу, наконец-то зазвучал смех.
— Словно сбросили покрывало в летний зной.
— Этот смех — как ливень в жаркий день.
— Кто же смеется?
— Разве ты не узнаешь? Чондрохаш!
— Какой удивительный смех!
— Его смех — словно горный ручей, сметающий черные камни со своего пути.

— Или солнечный свет, рассекающий мечом дьявольский туман.

— Можно не бояться четверостиший. Вставайте.

— Теперь мы должны думать только о деле. Как сказано в священных книгах: «Все в этом мире преходяще, и воистину жив лишь тот, кто верен своему долгу и обретает славу».

— У тебя все еще не прошел стихотворный зуд? Что ты нам проповедуешь?

— Слава? Разве река думает о пене? Слава — для нас только пена! Мы мчимся вперед, не думая о ней и не оглядываясь назад.

Входят Чондрохаш и слепой певец.

— А, брат Чондрохаш, здравствуй. Скажи, почему ты такой веселый?

Чондрохаш. Я узнал, как найти Старца.

— У кого?

Чондрохаш. У бродячего певца.

— Но ведь он слеп.

Чондрохаш. Потому-то ему и не надо искать дорогу. Он видит оком души.

— Ты сможешь показать нам путь?

Певец. Да.

— Но как?

Певец. Я слышу шаги.

— У нас тоже есть уши, но...

Певец. Я слышу не ушами, всем своим существом.

Чондрохаш. Все, кого я спрашивал о Старце, испуганно вздрагивали, оп один не проявил страха. Вероятно, он не боится потому, что ничего не видит.

Певец. Знаете, почему я не боюсь? Раньше я был зрячим и очень страдал, ослепнув. Но когда для меня закатилось солнце, мне открылись все звезды ночи. С тех пор я больше не страшусь темноты.

— Тогда в путь. Вечерняя звезда уже взошла.

Певец. Я пойду впереди с песней, а вы следуйте за мной. Мне не отыскать дороги, если я не пою.

— Что ты хочешь сказать?

Певец. Песня обгоняет меня, я иду следом.

Тихо, тихо, о друг, за тобой по пятам

Иду я в твой одинокий храм.

Не знаю пути, беспросветна тьма,

Во мраке весь мир и жизнь сама.

Я за звуком твоих шагов

Тихо, тихо иду по безвестным тропам,

По тенистым лесам,

По ночным берегам.

В эту темную ночь

Только ветер мне может помочь —

Он приносит из темноты

Венка твоего фимиам.

ПЕСЕННОЕ ВСТУПЛЕНИЕ К ЧЕТВЕРТОМУ ДЕЙСТВИЮ

ПОБЕДА ЮНОСТИ.

Песня возвратившейся юности

Мы не раз говорили — прощай,

Когда покидали мы край,

Но снова стучимся в сердце твое, —

Весенних гостей принимай!

Кто ты? — Я бокул... А ты?

Я шимул... — А вы? — Жасмина цветы...

Кто вы? — Мы зацветшие манго,

Вернулись в солнечный рай.

И пусть опадем мы на грудь земли,

Мы счастливы — мы расцвели.

Наполним собою ладонь Бесконечного

И блаженно умрем в пыли.

Кто ты? — Я цветок парул.
Кто ты? — Я камини пхул.
А вы? — Мы шала юные листья,
Нас много, встречай же, встречай!

Песня новых надежд
Совсем мы забыли с тобой,
Что встретимся снова
Цветущей весной.
Листьям настала пора трепетать,
И сердце мое затрепещет опять,
И радость хлынет, прорвав плотину,
Юности бурной волной,
Цветущей весной.
Золотом солнца полна,
Песней свирель зальется,
Едва проснется весна.
И неба сияющий свод
Сокровища света мне в сердце вольт,
Заволокуются глаза
Радостных слез пеленой
Цветущей весной.

• Песня избавления от ноши
Ты признал поражение
С юностью пылкой в борьбе?
Признал.
Ты узнал вечно новое, что таилось в тебе?
Узнал.
Скрывая свой истинный лик,
В ветхом доме ты жил, старик,
А сегодня скрываться не стал?
Не стал.
Ты признал поражение,
С собственным сердцем борясь?
Признал.
Познал ты и в смерти бессмертия власть?
Познал.
Демона праха, чья темная страсть
Град бессмертия хочет украсть,
Ты покарал?
Покарал.

Песня юной красоты

Сколько дней я томилась,
Считала часы и ждала,
И весна, наконец, пришла.
Юный герой — фальгун,
Мир покоряешь ты
Блеском своей красоты.
Сердце чаруют песни твои —
Новой весне хвала.
Словно ветер, от счастья пьяный,
Твой шнур священный взлететь готов,
И в ушах твоих серьги из алых цветов.
А в улыбке юной твоей
Столько огня!
Скажи, не тая,
В каком колчане лежит твоя
Отточенная стрела?

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ВХОД В ПЕЩЕРУ.

— Друзья, Чондрохаш опять куда-то скрылся. Разве его удержишь?

— Мы отдыхаем сидя, а он — на ходу.

— Вместе со слепым певцом он переправился через реку.

— Он ищет свет в его слепоте.

— Недаром наш предводитель зовет его искателем жемчуга.

— Стоит Чондрохашу отойти, как наша игра теряет всякий смысл.

— Нам всегда весело, когда он рядом. А предчувствие опасности еще больше веселит.

— Сердце тоскует по нему.

— Поднимается ветер!

— Небо смотрит нам в глаза, как друг в минуту расставания.

— Те, кто говорил: «Идем, идем!» — теперь говорят:
«Уйдем! Уйдем!»

— Слова похожи, но сказаны другим тоном.

— В душе боль, но она приносит отраду.

— Ручеек бежит в роще, как слезы полуночи.

— Никогда еще не смотрели мы так пристально вокруг себя.

— Когда мы несемся во весь дух, нам некогда смотреть по сторонам; наш взгляд устремлен вперед.

— Когда же мы слышим нежные звуки прощальной флейты, наши глаза широко раскрываются на мир.

— Мир прекрасен! Но разве увидели бы мы его красоту, если б все не двигалось, не исчезало вдаль?

— Если бы движение порождало только тепло, юность высохла бы от жара. Но оно увлажнено слезами. Вот почему юность сохраняет свежесть.

— Мир говорит не только «беру», но и «даю».

— На заре сотворения мира «беру» сочеталось с «даю». Если разорвать их союз, рухнет и весь мир.

— Друзья, куда завел нас слепой певец?

— Мне кажется, будто ночь глядит на нас очами тех, с кем мы расстались в минувших веках.

— И все позабытые нами словно шепчут лепестками незабудок: «Не забывайте нас!..» Наши сердца переполнила печаль.

— Сердца разорвутся, если мы не запоем.

Кого ты оставило позади,
О сердце, сердце мое!
Тоска и тревога в моей груди,
О сердце, сердце мое!
Ты забыло свои пути,
Как же будешь назад идти?
Оглянись же, назад погляди,
О сердце, сердце мое!
Внимаю журчанью ручья не дыша,
Трепещут листья, трепещет душа.
Пусть помогут цветы в беде
И подскажут дорогу к вечерней звезде,
Что горит впереди,
О сердце, сердце мое!

— Странная мелодия для праздника весны!
— Она звучит, как шорох сухих листьев.
— До сих пор весна скрывала от нас свои слезы.
— Она решила, что мы слишком юны и ничего не пойдем.

— Она хотела обмануть нас своей улыбкой.
— Но сегодня наши сердца наполнены печалью иных берегов.

— О милая земля! О прекрасная земля! Она жаждет всего, что у нас есть, — ласки наших рук, песни наших сердец...

— Она хочет всего, что таится в глубине души.
— Она скорбит потому, что, получая все, ничего не получает и утрачивает, не успев обрести.
— О земля, мы не обманем тебя!

Я не покину тебя тайком,
Я украшу тебя венком.
Ты помнишь, и в счастье и в горе твой зов
Проникал в мою душу без слов, —
И, вместе с цветами весны уходя,
Тебе я скажу обо всем.
Как много не сделано, начато лишь...
Простишь ли меня, простишь?
Слова прозвучали, одни слова,
Но песня без музыки не жива.
Мелодия скрыта в моих слезах,
В плаче моем, в плаче моем.

— Брат, мне почудилось, кто-то прошел мимо.
— А больше тебе ничего не чудится?
— Мне чудится, будто какой-то путник задел меня
полой своего плаща.
— Возьми нас с собой, странник, возьми с собой, как
ветер несет аромат цветов.
— Мы собирались захватить кого-то в плен, а теперь
сами не прочь стать пленниками.

Входит слепой певец.

— А, вот и певец! Куда ты завел нас? Здесь нас ове-
вает дыхание странствующего мира — дыхание звездных
небес.

— Мы затеяли новую игру и уже забыли, что это за игра.

— Мы хотели поймать Старца.

— Все встречные уверяли, что это чудовище: голова без тела, зияющая пасть, готовая поглотить луну юности.

— Но теперь страх рассеялся. Сердце говорит: «Если Старец хочет нас найти, пойдем ему навстречу. Падают даже небесные звезды, что из того, если и мы падём».

— Брат певец, поиграй на своей эктаре. Кто знает, который час? Может быть, близок рассвет?

Певец

(поет)

Все отдам я тому,
Кому душу вверяют свою.
Я без зова пришел
И молча у двери стою.
Я нередко бывал должником,
Мне расплаты страх незнаком.
И сейчас, не страшась,
Я долг отдаю.
Утро лучи свои тратит беспечно,
Убывает его казна,
Но ему на закате вечер
Возвращает свой долг сполна.
Неведом цветам отцветающим страх —
Их радость созреет в плодах.
Брат, не медли с расплатой, —
Заповедь помни мою.

— Скажи, певец, почему до сих пор нет Чондрохаша?

Певец. Разве вы не знаете, что он ушел?

— Куда?

Певец. Он сказал: «Я одолею его!»

— Кого?

Певец. Того, кого все страшатся. Он сказал: «Иначе чего стоит моя юность!»

— Ну и дела! Дада отправился читать деревенским жителям свои четверостишия, а Чондрохаш скрылся неизвестно куда!

Певец. Он сказал: «Люди из века в век вели борьбу. Ее отзвук слышится в весеннем ветре».

— Ее отзвук?

Певец. Да. Весть о том, что борьба еще не кончена.

— Эту весть принесла весна?

Певец. Да. Те, кто обрел бессмертие в смерти, посылают о себе весть в шелесте весенней листвы. Они шепчут повсюду: «Мы не сомневались в избранном пути, не думали о потерях, мы отважно ринулись вперед, мы расцвели! Если б мы принялись рассуждать, что было бы тогда с весной?»

— Потому-то Чондрохаш и обезумел?

Певец. Он сказал:

Весною цветы мне сплели
Победный венок,
И ветер весенний пламя
В сердце зажег.
Пусть флейта играет на грустный лад —
Не вернусь назад.
Смерть положила свадебный дар
На мой порог.
Юности вихри летят,
Сотрясая миры,
Сердце мое пьянят
Ритмы игры.
Не хочу копить, не хочу запасать —
Богатство хочу расточить, разбросать.
Прощай же, благоразумье,
Расстаться настал нам срок.

Он сказал: «Я больше не могу сидеть и ждать. Я пойду и покорю его!»

— Куда он пошел?

Певец. В пещеру.

— Неужели? Ведь там так темно!

— Он никого не спрашивал перед тем, как туда войти?

Певец. Он спросит обо всем сам.

— Когда же он вернется?

— Разве он вернется?

— Зачем жить, если с нами не будет Чондрохаша?

— Что мы скажем предводителю?

— Теперь и предводитель нас покинет.

— Он пичего не просил передать?

Певец. Он сказал: «Ждите меня, я возвращусь!»

— Он в самом деле вернется?

Певец. Он сказал: «Я вернусь с победой!»

— Мы будем ждать его всю ночь.

— Где?

Певец. Ждите его у входа в пещеру, из которой вытекает ручей.

— Как он добрался до пещеры? Темнота преграждает путь, как черный меч.

Певец. Он прислушивался к шороху крыльев ночных птиц, летевших туда.

— Почему ты не пошел с ним?

Певец. Он оставил меня здесь, чтобы я ободрял вас.

— А когда он ушел?

Певец. Давно. Как только стемнело.

— Наверно, уже близок рассвет. Повеяло холодом. Дрожь так и пробирает.

— Знаешь, я видел во сне трех женщин с распущенными волосами.

— Ах, отстань ты со своими снами! Надоело.

— Все это не к добру.

— Кричит сова. Раньше я не придавал значения ее крику, но теперь...

— Слышишь, за рекой воет собака.

— Она воет так, словно ее оседлала и нахлестывает ведьма.

— Чондрохашу пора уже быть здесь.

— Ах, скорей бы прошла ночь!

— Слышите женский плач?

— Женщины только и знают, что хнычут, но нас не удержишь слезами.

— Нет ничего хуже, чем сидеть и ждать. Все тогда представляется в черном свете.

— Пойдем. В пути развеются страхи.

— А кто поведет нас?

— Слепой певец.

— Ты можешь показать, куда идти?

Певец. Могу.

— Мы не верим тебе. Неужели песня может указать путь?

— Куда ты завел Чондрохаша? Вот если он вернется, мы тебе поверим.

— А если он не вернется...

— Мы даже не подозревали, как он нам дорог!

— И не слишком с ним считались.

— Мы так увлекаемся игрой, что забываем о своих товарищах.

— Пусть только он вернется, мы больше никогда не будем его огорчать.

— Боюсь, мы частенько обижали его.

— Но он слишком любил нас, чтобы обращать на это внимание.

— Мы пригляделись к нему и не замечали, как он красив.

Тебя мы видели, но ты
Невидим был для нас, —
Теперь душою зрим тебя
С тех пор, как свет погас.
Пускай невидим облик твой,
Душа исполнена тобой.
Сияньем собственным своим
Сияешь ты для глаз.
С тобой в беспечную игру
Играли мы, смеясь, —
Игрушки все разбились в прах,
Лишь буря пронеслась.
Не время весело играть,
Сердцам не встретиться опять.
Разбита вина, — и звенеть
Для сердца пробил час.

— Не нравится мне, что певец сидит неподвижно.

— У него зловещий вид.

— Как у осенней грозовой тучи.

— Давайте отделаемся от него!

— Нет, нет, он воодушевляет нас.

— На лице у него ни тени страха.

— Он вслушивается.

— Кажется, у него есть глаза на кончиках пальцев, и он видит кого-то вдалеке.

— Стоит взглянуть на него, и станет ясно, что кто-то приближается к нам в темноте.

— Смотрите, он встал и сложил руки.

— Повернувшись к востоку, он кого-то приветствует.

— Но ведь там ничего нет, ни единой полоски света.

— Не спросить ли его, что он видит?

— Нет, нет, не говорите ничего.

— Сдается мне, для него уже забрезжил день.

— словно паром зари причалил к берегу его чела.

— Его душа безмолвна, как небо на рассвете.

— Все тихо, еще не разразилась буря птичьего пения.

— Видите, он тронул струну, его сердце поет.

— Тише, тише, он запел.

П е в е ц

(поет)

Победа придет, победа придет.

Привет тебе, о герой!

Жизни и счастья победа,

Песни и страсти победа,

Света победа,

Твой час настает.

Мрак, расступись, озарись, небосвод!

Привет тебе, о герой!

Выгони сон из усталых глаз —

Грусть и неверье покинут нас.

Светоч надежды, близок твой час,

Близок восход.

— А вот и он!

— Чондрохаш! Чондрохаш!

— Тихо, тихо, не суетитесь! Может, это не он.

— Конечно, это он, Чондрохаш!

— Мы спасены, спасены!

— Сюда, сюда, Чондрохаш!

— Где ты так долго пропадал?

— Ты захватил его в плен?

Ч о н д р о х а ш. Да.

— Где же он?

Чондрохаш. Скоро появится.

— Расскажи нам, брат, что ты видел в пещере.

Чондрохаш. Не могу.

— Почему?

Чондрохаш. Ведь я видел не глазами.

— А чем?

Чондрохаш. Всем своим существом.

— Все равно, расскажи.

Чондрохаш. Если бы душа моя обрела голос, пожалуйста, я смог бы вам рассказать.

— Ты даже не разглядел, кого взял в плен?

— Это был великий Старец вселенной?

— Который, словно Агастья, хочет осушить море юности?

— Чудовищный Старец, подобный темной ночи? Тот, у кого на груди сверкают глаза?

— У кого вывернуты ступни, кто ходит задом наперед?

— Кто носит гирлянду из черепов и обитает там, где сжигают мертвецов?

Чондрохаш. Не знаю, не могу сказать. Он идет сюда, мы его сейчас увидим.

— Брат певец, ты видишь его?

Певец. Да.

-- Где он?

Певец. Вон там.

— Он выходит, выходит из пещеры!

— Смотрите, кто-то вышел из пещеры.

— Вот чудеса!

Чондрохаш. Как, это ты?

— Это же наш предводитель!

— Наш предводитель!

— А где Старец?

Предводитель. Нигде.

— Нигде?

Предводитель. Да.

— Что же он такое?

Предводитель. Сон.

Чондрохаш. А ты существуешь?

Предводитель. Да.

Чондрохаш. И мы существуем?

Предводитель. Да.

— Кем только ты не представлялся нам, когда мы глядели на тебя сзади!

— Мы тебя не узнали в облаке пыли.

— Нам почудилось, что ты старик.

— Но вот ты вышел из пещеры, и мы видим, что ты еще юноша.

— Мы словно впервые разглядели тебя.

Чондрохаш. Ты всегда впереди, всегда и везде первый!

— Брат Чондрохаш, тебе не удалось взять в плен Старца! Ты проиграл!

Чондрохаш. Пора начинать праздник. Солнце взошло.

— Брат певец, если ты будешь сидеть так неподвижно, то окаменеешь. Спой нам.

Певец
(поет)

Тебя я теряю снова и снова,

И вновь обретаю я,

О любовь моя.

От меня ты уходишь

В чужие края,

О любовь моя.

Но ненадолго твой побег, —

Мы вместе навек,

Пусть уносит тебя мимолетной игры струя,

О любовь моя.

Но едва тебя нет, —

Мне душу страх обуял,

Любви подымается вал.

Обрядясь в пустоту, ты ушла за черту,

Но на время лишь скрыла свою красоту.

Улыбнешься — и я не тоскую,

Слезы разлуки лия,

О любовь моя.

— Я слышу какое-то жужжание.

— Я тоже.

— Это не пчелы, а деревенские жители.

— Значит, возвращается Дада со своими четверостишиями.

Да да. Это ты, предводитель?

Предводитель. Да, я.

Да да. Вот и хорошо! Я хочу прочитать тебе несколько четверостиший.

— Нет. Мы не согласны. Только одно.

Да да. Ладно, друзья, не беспокойтесь, хватит одного.

Солнце у врат востока трубит в свой звонкий рог.

Ночь говорит — блаженна смерть, наступившая в
срок.

Золото приношений сверкает грудой у ног.

Я ими суму наполню и переступлю порог.

— То есть...

— Опять «то есть»...

— Никаких «то есть»!

Да да. Это значит...

— Что бы это ни значило, мы не желаем понимать.

Да да. Вы что, с ума сошли?

— Сегодня у нас праздник.

Да да. Ах, праздник. Тогда я пойду в деревню.

Чондро хаш. Нет, мы тебя не пустим.

Да да. Разве я вам нужен? *

— Нужен.

Да да. А как же мои четверостишия?

Чондро хаш. Мы так их разукрасим, что трудно будет найти в них какой-нибудь смысл.

— Ты попадешь впросак.

— Жители деревни от тебя отвернутся.

— Ночной сторож назовет тебя глупцом.

— А пандит будет считать тупицей.

— Родственники скажут, что ты никчемный человек.

— А чужие скажут, что ты чужак.

Чондро хаш. Мы украсим твое чело венцом из молодых листьев.

— Наденем тебе на шею гирлянду из только что распустившихся цветов жасмина.

— И никто, кроме нас, не оценит тебя по достоинству.

Песня праздника весны

Новой жизни весна наступила, брат!
И стар и млад обновленью рад!
Освободившись от старых цепей,
В весенний поток погрузись и пей.
Юному ветру отдайся, лети,
Не зная преград.
Новой жизни весна наступила, брат!
Будь свободен и счастлив, ни взгляда назад, —
Новой жизни весна наступила, брат!
Море жизни безбрежно, теперь
Нам не страшиться потерь:
Все, что есть у тебя, бери
И бросайся в безбрежное наугад —
Новой жизни весна наступила, брат!

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ПОТОК

ГОРНАЯ ПРОВИНЦИЯ УТТОРКУТ.
ДОРОГА К ХРАМУ ШИВЫ.

Вдали вздымается к небу громадное металлическое сооружение, еще дальше виден трезубец над храмом Шивы. В манговой роще у дороги разбил лагерь раджа Ронджит со своей свитой. Он как простой паломник направляется пешком к храму Шивы, где сегодня, в день новолуния, назначено богослужение. Много лет трудился мастер Бибхути; наконец ему удалось преградить течение Муктодхары железной плотиной. В честь этого великого события и устраивается празднество в храме Шивы; сюда, со всех сторон, стекаются жители Утторкута. С самого утра по дорогам, распевая гимны, ходят саньяси. Одни жгут благовонные палочки, другие трубят в раковины, третьи звенят колокольчиками.

Несколько саньяси проходят с песней.

Славься, Шива, страшный Шива,
Милостивец, разрушитель!

Слава Шиве, слава!

Победителю сомнений,
Разрывающему узы,
Избавителю от горя,

Слава Шиве, слава!

Появляется странник с жертвенными дарами. Навстречу ему идет один из жителей Утторкута.

Странник. Что там поднимается до самых облаков? Даже глядеть страшно.

Утторкутец. Не знаешь? Ты, верно, нездешний. Это плотина.

Странник. Плотина? Кто же ее построил?

Утторкутец. Наш мастер — Повелитель машин Би-бхути. Двадцать пять лет возводил он ее и только что закончил. По этому случаю у нас праздник.

Странник. А для чего она нужна?

Утторкутец. Чтобы остановить течение Муктод-хары.

Странник. Не кажется ли тебе, что плотина похожа на разверстую пасть демона: вот-вот она поглотит вас, утторкутцев. Такое зрелище может иссушить ваши души.

Утторкутец. Не беспокойся, мы народ крепкий.

Странник. Возможно. Но почему ее ничем не прикроют, эту плотину? Неужели вы не видите, что небо разгневано?

Утторкутец. Ты идешь на праздник в честь Шивы?

Странник. Да. Каждый год в этот день я прихожу сюда. Я даже вздрогнул, когда увидел это страшилище над самым храмом. Какое святотатство! Я несу дары богу, но на сердце у меня беспокойно! (*Уходит.*)

Входит женщина, закутанная в белое покрывало. Конец его волочится по земле.

Женщина. О Шумон! Мой Шумон! (*Обращаясь к утторкутцу.*) Все уже вернулись, а моего Шумона еще нет.

Утторкутец. Ты кто такая?

Женщина. Я Омба из деревни Джонай. О, свет очей моих, дыхание моей жизни, Шумон!

Утторкутец. Что с ним случилось?

Омба. Его куда-то увели. Я пошла в храм, вернулась, а его нет.

Утторкутец. Наверно, его взяли строить плотину.

Омба. Я слышала, что его увели по этой дороге, на запад, к снежным горам. Теперь я все время смотрю в ту сторону, но ничего не вижу: глаза помутнели.

Утторкутец. Не плачь. Мы направляемся на праздник в храм Шивы. Сегодня у нас великий день. Пойдем с нами.

Омба. Нет. В тот день, когда пропал мой Шумон, я тоже ходила молиться Шиве. Но теперь я боюсь ходить в храм. Послушай, что я тебе скажу: наши молитвы не доходят до Всевышнего — их крадут по пути.

Утторкутец. Кто?

Омба. Тот, кто отнял у меня Шумона. Кто он, я не знаю. Шумон, Шумон, дорогой мой Шумон!

Оба исчезают.

Мастер Бибхути идет к храму; его догоняет гонец от Обхиджита, наследника утторкутского трона.

Гонец. Мастер Бибхути, меня послал молодой раджа. Бибхути. Что ему угодно?

Гонец. Ты давно пытался сковать нашу Муктодхару; не раз твоя плотина рушилась. Многих засыпало песком и землей, многих поглотил поток. И вот, сегодня...

Бибхути. Они не напрасно отдали жизнь — моя плотина готова.

Гонец. Шиботорайцы еще не знают об этом. Они не верят, что смертный может отнять у них воду, дарованную богом.

Бибхути. Им бог даровал только воду, а мне — власть над нею.

Гонец. Они беззаботны и даже не подозревают, что через неделю их засеянные поля...

Бибхути. Поля? О чем ты говоришь?

Гонец. Ведь ты воздвиг плотину для того, чтобы иссушить их поля?

Бибхути. Я лишь хотел доказать превосходство человеческого разума над слепыми силами природы. У меня не было времени думать о том, что крестьянин может лишиться клочка мансового поля.

Гонец. Молодой раджа спрашивает, не подумаешь ли ты сейчас об этом?

Бибхути. Нет, я размышляю о могучей силе своей плотины.

Гонец. И тебе не мешают стоны голодных?

Бибхути. Нет. Вода не прорвет мою плотину, и машина не содрогнется от их стонов.

Гонец. А проклятий ты не боишься?

Бибхути. Проклятий? Когда в Утторкуте не хватало рабочих рук, раджа приказал, чтобы мы обошли Чондопоттон и взяли всех юношей старше восемнадцати лет. Многие из них не вернулись. Их матери проклинали пло-

тину, но, как видишь, она устояла. Людские проклятия не страшны тому, кто вступил в битву с самими богами.

Гонец. Молодой раджа говорит, что постройкой плотины ты стяжал себе большую славу, но еще бóльшую славу ты обретишь, если сам разрушишь ее.

Бибхути. Плотина принадлежала мне, пока не была окончена. Теперь она принадлежит всем утторкутцам, и я не имею права разрушать ее.

Гонец. Молодой раджа сказал, что присвоит себе это право.

Бибхути. Так сказал молодой раджа Утторкута? Он перешел на сторону шиботорайцев?

Гонец. Он сказал, что боги не утратили власть над Утторкутом, и ты убедишься в этом.

Бибхути. Я докажу, что равен богам. Мою плотину ничто не может сокрушить. Так и передай молодому радже.

Гонец. Бог разрушения не всегда шествует по большой дороге. Он может проникнуть в щель, невидимую для глаза.

Бибхути (вздрыгнув). Щель? Какую щель? Что ты знаешь об этом?

Гонец. Я-то ничего не знаю. А кто хочет, тот узнает. *(Удаляется.)*

Утторкутцы, идущие в храм, замечают Бибхути.

Первый. Ба, Повелитель машин! Ты уже здесь! Вот молодец! Когда ты успел обогнать нас?

Второй. Он всегда всех обгоняет. И подумать только, он наш земляк, вырос в деревне Чобуя! Когда-то мы учились вместе, и его, как и всех нас, таскал за уши наставник Койлеш. А теперь он важная птица.

Третий. Эй, Гобру, что ты стоишь, разинув рот? Или ты не узнаешь Бибхути? Вынимай гирлянды из своей корзины и вешай на него!

Бибхути. Нет, нет, не надо!

Третий. Как это не надо? Ты так прославился, что сколько тебя ни чествуй — все будет мало! Хорошо, если бы шея у тебя была длинная, как у верблюда, чтобы хватило места для гирлянд от всех утторкутцев.

Второй. Барабанщик Хориш еще не пришел?

Р. Тагор в день своего рождения в Тегеране
(1932)

Первый. Он, наверно, как всегда, прохлаждается в своей лачуге... Сыграть бы на его спине, как на барабане...

Третий. Придержи язык! Если дело дойдет до драки, он нас всех поколотит.

Четвертый. Знаете, что я придумал? Возьмем колесницу у старосты Бишая и устроим процессию в честь Бибхути... Хотя нет. Нынче даже сам раджа идет пешком.

Пятый. Неплохая мысль. Только когда повезешь колесницу от старосты, она развалится от старости.

Третий. Ха, ха, ха, ха!.. Ну и скажет наш Ломбу! От старосты — от старости!..

Пятый. Я брал колесницу, когда у сына была свадьба. Так не я на ней, а она на мне ехала.

Четвертый. Давайте понесем Бибхути на плечах! Бибхути. Зачем? Что вы придумали?

Пятый. Ты вырос на руках Утторкута и сегодня будешь у него на плечах, выше всех.

Делают носилки из бамбуковых палок и сажают на них Бибхути.

Все. Слава Повелителю машин Бибхути! Слава!

(Поют.)

Машина, ты стоишь владычицей над нами.
Стуча колесами, ты мечешь гром и пламя,
Ты пожираешь мир, клыки в него вонзая,
Ты, словно шатагхни, летишь, все сокрушая.
И руды плавиль ты, и кряж сдвигаешь горный,
Порой, как дерево, как глина, ты упорна,
И легче воздуха бываешь ты порою,
А чрево у тебя наполнено рудою.
Колдуя, пять стихий соединила ты...

Все уходят. Появляются раджа Утторкута Ронджит и министр.

Ронджит. Ты никак не мог подчинить шиботорайцев! Наконец Бибхути покорил воды Муктодхары, и мы можем поставить шиботорайцев на колени. Почему же ты не радуешься, министр? Может быть, завидуешь Бибхути?

Министр. Нет, махараджа. Не наше это дело — копать землю, ворочать камни. Наше дело — политика,

мы должны править людьми. Я посоветовал отослать молодого раджу в Шиботорай. В его отсутствие мы построили плотину — это большой успех.

Ронджит. А что мы выгадали? Шиботорайцы уже два года не платят налогов. Правда, там все время голод, но ведь налоги должны регулярно поступать в казну.

Министр. Совершенно верно. Но молодой раджа сумел завоевать доверие шиботорайцев — а это гораздо ценнее. Зачем вы приказали своему сыну вернуться? Правитель не должен доводить своих подданных до крайности. Иначе его могут свергнуть.

Ронджит. Твои советы не отличаются постоянством. Сколько раз ты говорил, что низшим нельзя давать потачки и цель государственной политики — покорять другие народы.

Министр. Да, говорил. Тогда мой совет был верен.

Ронджит. Я не хотел посылать молодого раджу в Шиботорай.

Министр. Почему, махараджа?

Ронджит. Владыки не должны тесно общаться с чужим народом. Это вредно для их достоинства. Своими подданными можно править с помощью ласки, а чужих падо держать в страхе.

Министр. Вы уже забыли, что побудило вас послать молодого раджу в Шиботорай. В течение некоторого времени у него был очень печальный вид. Мы боялись, не узнал ли молодой раджа, что он не ваш родной сын, что его вытащили из Муктодхары. И вот, чтобы отвлечь его...

Ронджит. Помню, все помню. Почти каждую ночь он спал на берегу реки. Однажды я пошел туда и спросил: «Почему ты ночуешь здесь, Обхиджит?» И он ответил: «В шуме воды я слышу чей-то родной голос».

Министр. А я как-то осведомился у него: «Что с вами? Почему вас почти не видно во дворце махараджи?» — «Я узнал, для чего рожден на свет, — сказал он. — Чтобы открывать дороги».

Ронджит. Я начинаю сомневаться, что этот юноша носит знак царского рода.

Министр. Этот божественный знак распознал Обхирамшам, учитель учителя махараджи.

Ронджит. Я расплачиваюсь за его ошибку. Еще в те времена, когда правил мой дед, дорога через перевал Нонди была закрыта, чтобы помешать вывозу шерсти из Шиботорая. А Обхиджит открыл ее. Теперь в Утторкуте вздорюжает одежда и пища.

Министр. Это все легкомыслие, присущее молодости. Обхиджит слишком увлекся заботами о шиботорайцах.

Ронджит. А я считаю, что это не больше, не меньше как предательство!.. В Шиботорае бродит отшельник Дхондхой. Он-то и мутит воду. Надо упрятать его в тюрьму.

Министр. Не смею возражать. Но, согласитесь, некоторые затруднения лучше не замечать, чем пытаться устранить их.

Ронджит. Это не твоя забота.

Министр. Так позаботьтесь обо всем сами.

Входит стражник.

Стражник. Скоро сюда прибудет ваш дядя, раджа Бишшоджит, владыка Мохоногора. *(Уходит.)*

Ронджит. Вот еще один из тех, кто портит Обхиджита. Постылый родственник — все равно что горб; рад бы скинуть — да нельзя. Что там за шум?

Министр. Саньяси обходят храм.

Саньяси
(поют)

Свет в потемки сердца льющий,
Пламенем нещадным жгущий,
Пепел трупов стерегущий,
Шива, милостивый Шива!

Словно гром, с высот ревущий,
Грозный жезл в руке несущий,
Души через скорбь ведущий,
Шива, милостивый Шива!

Появляется Бишшоджит, седовласый старец в белой одежде и в белом тюрбане.

Ронджит. Приветствую вас, дядя. Вот уж не ожидал, что вы примете участие в сегодняшнем торжестве.

Бишшоджит. Я пришел предупредить, что Шива отвергнет твои подношения.

Ронджит. Что вы говорите, дядя? В такой радостный день...

Бишшоджит. Я не вижу повода для радости. Вода принадлежит всем — это дар богов. Зачем ты преградил течение реки?

Ронджит. Чтобы обуздать врагов.

Бишшоджит. Ты не боишься разгневать бога?

Ронджит. Наша победа — его победа. Бог благоволит нам. Он дает, и он же отбирает свои дары. Шива пронзит Шиботорай своим огненным трезубцем и бросит его к подножью трона Утторкута.

Бишшоджит. Ты хочешь подкупить бога своими подношениями?

Ронджит. Всегда вы защищаете чужих, дядя. Обхиджит воспитан вами, поэтому он отказывается от трона, принадлежащего ему по праву.

Бишшоджит. При чем тут я? В прежние времена я был заодно с вами. Не я ли огнем и мечом подавил бунт в Чондопоттоне, вызванный вашими притеснениями? Обхиджит открыл мне глаза. Я понял, что те, кого я подвергал гонениям, — мои братья. Ты усыновил его, увидев знак царского рода. Неужели ты думаешь, что тебе удастся приковать его к утторкутскому трону?

Ронджит. Не вы ли сказали Обхиджиту, что его вытащили из Муктодхары?

Бишшоджит. Да, я. Однажды в Праздник огней — Дивали, я пригласил его в свой дворец. Вечером, когда заходило солнце, он стоял на веранде. Взор его был устремлен на вершины Гималаев. «Что ты там видишь, друг мой?» — спросил я его. Он ответил: «Я вижу дороги; пока еще их нет, но они будут. Благодаря им, далекое станет близким». Я подумал: «Его родила бесприютная мать. Поэтому домашний уют — не для него. Кто может удерживать его в четырех стенах?» «Племянник, — невольно вырвалось у меня, — ты рожден не для того, чтобы сидеть дома. Великий владыка гор открыл перед тобой все дороги мира».

Ронджит. Теперь я понял.

Бишшоджит. Что?

Ронджит. Почему Обхиджит разлюбил меня. И почему он посмел открыть дорогу через перевал.

Бишшоджит. Но ведь дорога открыта для всех: и для утторкутцев, и для шиботорайцев.

Ронджит. Дядя, вы мой родственник, и я долго прощал вам все. Но мое терпение иссякло. Вы изменник! Покиньте пределы моего царства.

Бишшоджит. Ты можешь изгнать меня из своего царства, но я никогда не изгоню тебя из своего сердца. *(Уходит.)*

Появляется Омба.

Омба *(обращаясь к радже)*. Кто вы? Солнце заходит, а моего Шумона все нет!

Ронджит. Ты кто такая?

Омба. Никто. Я люблю его больше своей жизни, а его увели. Неужто у этой дороги нет конца? Неужто Шумон все еще идет на запад, туда, где за снежные горы садится солнце, где гаснет свет?.. Там конец всему?

Ронджит. Министр! Кажется, она...

Министр. Да, да, махараджа, это все из-за плотины...

Ронджит *(Омбе)*. Не огорчайся. Твой сын получил самый чудесный дар на земле.

Омба. Правда? Тогда сегодня вечером он принесет этот дар мне, своей матери.

Ронджит. Принесет, принесет. Но ведь пока еще не вечер.

Омба. Да сбудутся твои слова! Я подожду его на дороге в храм Шивы. О Шумон! *(Уходит.)*

Появляется учитель с группой учеников.

Учитель. Ведите себя хорошо, а то я вас!.. Кричите громко, во весь голос: «Слава царю царей!»

Ученики. Слава царю...

Учитель *(раздавая подзатыльники)*. ...царей!

Ученики. ...царей!

Учитель. Слава, слава, слава, слава, слава!

Ученики. Слава, слава, слава.

Учитель *(нетерпеливо)*. Пять раз!

Ученики. Пять раз.

Учитель. Проклятые обезьяны! Говорите: слава, слава, слава, слава, слава!

Ученики. Слава, слава, слава, слава, слава.

Учитель. Утторкутскому правителю слава!

Ученики. Утторкутскому пра...

Учитель. ...вителю...

Ученики. ...вителю...

Учитель. ...слава!

Ученики. ...слава!

Ронджит. Куда вы идете?

Учитель. Мы идем на праздник, который вы, наш повелитель, устроили в честь Бибхути. Дети должны гордиться лучшими людьми Утторкута. Я стараюсь воспитать их в патриотическом духе.

Ронджит. А знают они, что сделал Бибхути?

Дети (*прыгая и хлопая в ладоши*). Знаем! Знаем!

Он запрудил реку!

Ронджит. Зачем?

Дети (*с усердием*). Чтобы отнять воду у шиботорайцев.

Ронджит. А чем провинились шиботорайцы?

Дети. Они плохие люди.

Ронджит. Почему?

Дети. Очень-очень плохие, это все знают.

Ронджит. И вы знаете?

Учитель. Конечно, они знают, махараджа... Ну, что же вы? Помните, что написано в ваших книжках?.. (*Подсказывает вполголоса.*) Они еретики.

Дети. Да, да, еретики!

Учитель. Кроме того, они не такие, как мы... Ну, говорите же!.. (*Показывает на нос.*)

Дети. У них приплюснутые носы.

Учитель. Стало быть... Тонкий нос указывает на...

Дети. ...величие нашей расы.

Учитель. А что сделает наша великая раса?.. Говорите же!.. Она... она победит всех на земле... Не так ли?

Дети. Да, да, победит.

Учитель. Утторкутцы терпели когда-нибудь поражение? Ну?..

Дети. Никогда.

Учитель. Наш предок махараджа Прагджит с войском в двести девяносто три человека разгромил войско южных варваров, насчитывавшее тридцать одну тысячу семьсот пятьдесят человек?

Дети. Да, разгромил.

Учитель. Смею вас заверить, махараджа, что мои ученики будут грозой для всех, кто имел несчастье родиться за пределами Утторкута. Или я никуда не годный учитель. На мне лежит большая ответственность. Мы, учителя, воспитываем людей, а ваши министры только используют их. Но трудно даже сравнить, что получают министры и что получаем мы за свой труд.

Министр. Успехи учеников — вот высшая награда для вас.

Учитель. Красиво сказано, господин министр, но ведь еда очень подорожала... Возьмите, к примеру, топленое масло. Раньше оно...

Министр. Сейчас не время говорить о топленом масле. Идите, скоро начнется торжество.

Учитель уходит, заставляя учеников выкрикивать приветствия в честь раджи.

Ронджит. У этого учителя в голове, видно, одно топленое масло.

Министр. Что ж, такие люди нужны. Они изо дня в день исполняют то, что им приказывают. Будь они поумней, они бы не работали, как машины.

Ронджит. Министр, что там вздымается к небу?

Министр. Вы уже забыли? Плотина!

Ронджит. Как отчетливо она вырисовывается!

Министр. Сегодня утром была гроза и воздух чист. Поэтому хорошая видимость.

Ронджит. Солнце садится. Оно точно пылает гневом. А сама плотина — словно задранный кулак демона. Нехорошо, что она так высока.

Министр. Как будто в грудь неба вонзили копье.

Ронджит. Пора идти в храм.

Оба уходят. Появляются несколько утторкутцев.

Первый. Вы заметили, что Бибхути держался в стороне? Ему хочется, чтобы все забыли о том, что он из простых людей. Меч не должен быть велик для ножен. Придет время, и Бибхути поплатится за свою гордость.

Второй. Что ни говори, а Бибхути прославил Утторкут.

Первый. Молчи! Вы его захвалили. Все, что он болтает об укрощении реки, — вздор. Его плотина уже раз десять давала течь.

Третий. Как бы она не развалилась совсем!

Первый. Ты видел груды камней с северной стороны?

Второй. Видел. Ну и что?

Первый. Неужели не знаешь? Рассказывают...

Второй. Что, брат?

Первый. Правда, не знаешь? Нечего прикидываться дурачком! Дело ясное, как день... Впрочем, стоит ли говорить об этом?

Второй. Ты хоть намекни, в чем дело...

Первый. Ронджон, ты меня удивляешь. Потерни немного. Когда эта штука... Тогда ты все поймешь.

Второй. О боже! Что ты говоришь, брат?.. Значит, эта штука?..

Первый. Да, да. Спроси у Джогру. Он сам все осмотрел, измерил.

Второй. Да, Джогру себе на уме. Бывает, люди в один голос хвалят что-нибудь, а он нет: должен во всем сам убедиться.

Третий. Поговаривают, что Бибхути все свои познания...

Первый. Украл у Бенкотобормы? Да, это был мастер своего дела. Светлая голова! Жить бы ему да жить! Вот теперь Бибхути получит награду, а тот умер с голоду.

Третий. Неужто он и впрямь умер с голоду?

Первый. Не все ли равно, отчего он умер: с голоду или кто-нибудь яду подсыпал? К тому же, если разобратся — и сплетников у нас немало. Люди готовы лопнуть от зависти, когда видят, что другому везет.

Второй. И все-таки Бибхути...

Первый. В этом нет ничего удивительного. Ведь он же родился в нашей деревне. Один из моих предков тоже прославился. Слышал о нем?

Второй. Конечно. Кто его не знает? Его звали...

Первый. Да, да... Бхаскор... Так вот, во всем царстве он лучше всех готовил нюхательный табак. Раджа Шотруджит и дня не мог прожить без его табака...

Третий. Пошли в храм, мы еще успеем переговорить обо всем. Как бы то ни было, Бибхути — наш земляк. Мы

первые наденем на него гирлянды. А сядем мы по правую руку от него — это наше право.

Голос за сценой: «Не ходите туда, братья, не ходите! Вернитесь!»

Второй. Слышите? Это сумасшедший старик...

Входит сумасшедший в лохмотьях, с нечесаной головой.
В руках у него сучковатая палка.

Первый. Эй, старик! Куда идешь?

Сумасшедший. Берегись, сынок, берегись! Не ходи туда! Возвращайся, пока не поздно!

Второй. Почему?

Сумасшедший. Там приносят в жертву людей. У меня увели двух внуков; больше я их не видел.

Третий. Дядя, а кому приносят жертвы?

Сумасшедший. Демону, ненасытному Демону!

Второй. Что это еще за Демон?

Сумасшедший. Чем больше он ест, тем больше требует. А язык у него пышет пламенем, словно на него плеснули маслом.

Первый. Безумец! Мы идем в храм Шивы. Где же там Демон?

Сумасшедший. Вы ничего не знаете? Сегодня Шива будет изгнан из храма. На его место воссядет Демон.

Второй. Замолчи, замолчи, сумасшедший! Как бы тебя не разорвали на куски.

Сумасшедший. Они кидают в меня грязью, а их дети — камнями. Все говорят, будто моим внукам повезло, что они умерли.

Первый. Это верно.

Сумасшедший. Шива — бог не только разрушения, но и созидания. Он не потерпит, чтобы смерть порождала только смерть, а не была началом новой жизни. Берегитесь, братья, берегитесь! Не ходите туда! (*Уходит.*)

Второй. У меня по спине мурашки бегают от его слов.

Первый. Ну, ты, Ронджу, известный трус. Пошли!

Все удаляются.

Входят Обхиджит и принц Шонджой.

Шонджой. Никак не пойму, почему ты оставил царский дворец?

Обхиджит. Как тебе понять? Я ушел оттуда, услышав вестные слова о том, что поток моей жизни прорвет каменные стены дворца.

Шонджой. Я вижу, ты чем-то озабочен последнее время. Неужели порваны все узы, соединяющие нас?

Обхиджит. Посмотри: солнце спускается к вершинам. Оно, словно огненная птица, распростерло крылья-тучи и летит навстречу ночи. Это начертана моя судьба.

Шонджой. Плотины вонзаются в самое небо. Точно стрела пробила грудь летящей птицы, и, уронив крылья, она падает в ночную тьму. Зловещее предзнаменование... Однако пора на покой. Пойдем во дворец!

Обхиджит. Какой может быть отдых в темнице?

Шонджой. С каких пор дворец раджи превратился в темницу для тебя?

Обхиджит. С тех пор, как сковали течение реки.

Шонджой. Не понимаю.

Обхиджит. Творец написал свои письма вокруг нас. Прочитав их, мы можем заглянуть в сокровенную суть вещей. Я постиг себя через Муктодхару. Когда ее заковали в цепи, я вдруг понял, что утюркутский трон преграждает путь потоку моей жизни. И я ушел из дворца.

Шонджой. Возьми и меня с собой.

Обхиджит. Нет, брат, тебе надо самому найти свой путь. Я совлеку тебя с твоей дороги.

Шонджой. Ты так суров со мной.

Обхиджит. Ты хорошо знаешь меня и простишь, если даже я причиню тебе боль.

Шонджой. Я не расспрашиваю, куда зовет тебя твоя душа. Уже смеркается. Во дворце, который ты называешь темницей, поют вечернюю песню. Туда тебя ничто не влечет? Суровость не должна заслонять радостей жизни.

Обхиджит. Оценить радости жизни можно лишь в суровых испытаниях.

Шонджой. Помнишь, как ты был поражен, когда однажды увидел белый лотос там, где ты обычно молишься? Кто-то принес его на заре. Какой божественный нектар таился в этом цветке! Робкий человек скрыл себя, но не мог скрыть своего поклонения. Ты помнишь?

Обхиджит. Конечно, помню. Потому я так ненавижу это чудище. Оскалив железные клыки, оно громко хохочет, заглушая земные песни. Я люблю небеса и готов бороться против исчадий ада.

Шонджой. Пламя заката гаснет в голубых горах. Перед тобой встает чье-то опечаленное лицо?

Обхиджит. Да. И сердце мое полно тоски. Я утратил суровость и гордыню. Видишь птицу, одиноко сидящую на вершине кедра? Мы не знаем, куда она полетит — может быть, в гнездо, а может быть, устремится в дальний неведомый лес. Она смотрит, как заходит солнце, и взгляд ее — словно песня. Она славит этот мир. Сегодня я преклоняюсь перед всем, чем прекрасна жизнь.

Входит сумасшедший старик.

Сумасшедший. Они избили меня и прогнали.

Обхиджит. Что случилось, старик? У тебя все лицо в крови!

Сумасшедший. Я хотел предостеречь всех: «Не ходите туда!»

Обхиджит. Почему?

Сумасшедший. Разве ты не знаешь, молодой раджа, что сегодня в нашем храме на железный алтарь воссядет Демон, который требует в жертву людей?

Шонджой. Что ты говоришь?

Сумасшедший. Когда воздвигали алтарь, Демон выпил кровь двух моих внуков. Я надеялся, что этот алтарь греха рухнет сам собой. Но он стоит до сих пор. Шива еще не пробудился!

Обхиджит. Скоро алтарь рухнет.

Сумасшедший (*подойдя ближе, шепотом*). Ты, верно, тоже слышал глас Шивы?

Обхиджит. Слышал.

Сумасшедший. Увы! Значит, тебе отрезан путь назад?

Обхиджит. Да.

Сумасшедший. Посмотри на меня: лицо мое окровавлено, ноги — в пыли. Хватит ли у тебя сил вынести муки?

Обхиджит. Бог поможет мне.

Сумасшедший. Но ведь все будут против тебя. Даже близкие будут над тобой насмехаться.

Обхиджит. Я должен вытерпеть все.

Сумасшедший. В твоей душе нет страха?

Обхиджит. Нет.

Сумасшедший. Хорошо. Тогда запомни меня. Я пойду тем же путем, что и ты. Шива начертал на моем челе кровавый знак, по нему ты узнаешь меня даже в темноте. *(Исчезает.)*

Входит стражник Уддхоб.

Уддхоб. Господин, зачем ты открыл дорогу через перевал Нонди?

Обхиджит. Чтобы избавить шиботорайцев от голода.

Уддхоб. У нашего махараджи доброе сердце, он сам бы им помог.

Обхиджит. Нельзя одной рукой сеять добро, а другой — зло. Я открыл дорогу, чтобы Шиботорай мог получать продовольствие. Милосердие не милосердие, если оно порождает нищету.

Уддхоб. Махараджа говорит, что вы нанесли большой ущерб Утторкуту.

Обхиджит. Зато я восстановил его честь: наши люди привыкли обедать шиботорайцев.

Уддхоб. Напрасно вы это сделали. Махарадже уже донесли обо всем. Идите прочь. С вами опасно разговаривать. *(Уходит.)*

Появляется Омба.

Омба. Шумон! Родной мой Шумон!.. Никто из вас не был там, куда его забрали?

Обхиджит. Твоего сына увели?

Омба. Да. На запад, где кончается день.

Обхиджит. Я иду туда.

Омба. Если увидишь моего сына, передай ему, что я жду его на дороге.

Обхиджит. Хорошо.

Омба. Долгой тебе жизни! О Шумон, мой Шумон! *(Уходит.)*

С песней проходят сатьясы.

Славься, Шива, страшный Шива,

Милостивец, разрушитель!

Слава Шиве, слава!

Победителю сомнений,
Разрывающему узы,
Избавителю от горя,
Слава Шиве, слава!

Саньяси уходят.

Входит военачальник Биджойпал.

Биджойпал. Молодой раджа и вы, принц, примите мой смиренный поклон. Я пришел от махараджи.

Обхиджит. Каковы его повеления?

Биджойпал. Я скажу вам по секрету.

Шонджой (*удерживая Обхиджита за руку*). Почему по секрету? Даже от меня по секрету?

Биджойпал. Таков приказ. Молодой раджа, следуйте за мной в лагерь нашего повелителя.

Шонджой. И я пойду с вами.

Биджойпал. Махараджа не велел.

Шонджой. Тогда я подожду здесь, на дороге.

Обхиджит и Биджойпал удаляются.

Проходит странствующий певец.

Певец
(*поет*)

Он вовеки не вернется, не вернется, не вернется,
В бурю лодка утонула, и никто уж не спасется.

Как, безумьем ослепленный,
Мог презреть он зовы, стоны?..

Нет, его уж не обнимут руки добрые твои!

Входит цветочница.

Цветочница. Господин, где мне пайти Бибхути?

Шонджой. Зачем он тебе?

Цветочница. Я не здешняя, из Деотол. Я слышала, что все утторкутцы усыпают его дорогу цветами. Он, наверное, праведник? Я хочу посмотреть на него.

Шонджой. Я бы не сказал, что он праведник. Но человек он, несомненно, умный.

Цветочница. Что он сделал?

Шонджой. Перегородил плотиной реку.

Цветочница. И по этому случаю праздник? А скажите, это дело угодное богу?

Шонджой. Пет, руки бога скованы.

Цветочница. Зачем же славить этого Бибхути? Не понимаю!

Шонджой. И хорошо, что не понимаешь. Цветы принадлежат богу. Для чего осыпать ими недостойных! Возвращайся домой. Ты не продашь мне свои белые лотосы?

Цветочница. Нет. Ведь я принесла их для праведника.

Шонджой. А я и отдам их святому человеку. Тому, кому поклоняюсь.

Цветочница. Тогда бери. Только бесплатно... Передай ему поклон от бедной цветочницы из Деотолн.
(Уходит.)

Появляется Биджойпал.

Шонджой. А где мой брат?

Биджойпал. В лагере махараджи. Под арестом.

Шонджой. Кто посмел арестовать его? Какой неслыханный произвол!

Биджойпал. Вот письменное повеление махараджи.

Шонджой. Тут какая-то интрига... Пустите меня к брату!

Биджойпал. Прошу извинения, но...

Шонджой. Тогда арестуйте и меня. Я тоже бунтовщик.

Биджойпал. У меня нет приказа.

Шонджой. Хорошо, я иду за приказом. *(Делает несколько шагов, затем возвращается.)* Биджойпал, передайте ему эти лотосы.

Оба уходят.

Входит шиботорайский отшельник Дхононджой.

Дхононджой
(поет)

Море скорби проплываю,
Буря пену мечет ввысь.
Но я тверд, я вспоминаю
Повеленье: «Не страшись!»
Парус сбит, но челн мой смелый
Скоро берег твой найдет,
Хоть кругом все потемнело.

Пусть мне путь укажет тот,
Кто так властен над душой!
Это долг мой, долг святой!
Скоро минут дни ненастья,
И, причалив к берегам,
Лотос горя и несчастья
Я сложу к твоим ногам.

Входят несколько шиботорайцев.

Дхононджой. Вы почему такие бледные? Что случилось?

Первый. Отец, мы больше не можем выносить побои Чондопала, свояка махараджи. Этот грубиян не уважает даже нашего молодого раджу.

Дхононджой. Неужто вы еще не научились безропотно сносить насилие?

Второй. Нас избивают у самых ворот раджи! Стыд и срам!

Дхононджой. В вас говорит суетная гордыня. Припадите к стопам бога, что живет в сердцах ваших. Туда наглухо закрыт путь оскорблениям.

Входит Гонеш.

Гонеш. Не могу больше терпеть, руки так и чешутся.

Дхононджой. Ну и пусть чешутся. А ты не давай им воли.

Гонеш. Ты только разреши, отец, — я вырву палку у этого негодяя Чондопала. Я ему покажу: долго будет помнить.

Дхононджой. Лучше покажи ему, что умеешь владеть собой — это требует больше сил. Волн не усмирить палкой, но их легко победить, если твердо держать руль.

Четвертый. Что же нам делать?

Дхононджой. Выберите почву из-под ног насилия.

Третий. Каким образом?

Дхононджой. Держите высоко голову и подавляйте боль.

Второй. Это очень трудно.

Дхононджой. Нет, не трудно, если ты человек и в твоей душе горит негасимое пламя. Только животное воет от боли. Вы что рты разинули? Не понимаете?

Второй. Тебя-то мы понимаем, а вот слова твои — нет.

Дхононджой. Тогда вы погибли.

Гонеш. Чтобы понять, нужно время, а у них нет терпения. Но я понял тебя и рано утром отправлюсь в путь.

Дхононджой. А может быть, ты пойдешь с вечера? Смотри, как бы твоя лодка не потонула у самого берега. Если ты не воспримешь моих слов, то пойдешь ко дну.

Гонеш. Не говори так, отец. Я припал к твоим стопам и все понял.

Дхононджой. А я вижу, что вы ничего не поняли. Глаза у вас горят гневом, язык заплетается. Споем?

(Запевает.)

Я прошу, о небесный царь,
Еще раз, еще раз ударь!

Эх, трусы! Бежать от насилия или отвечать на него насилием — одно и то же. Вы плететесь за стадом, но не видите Пастуха.

Ото всех я бегу далече.
Я боюсь, не желаю встречи,
Все возьми, что есть у меня.

Я решил просить бога: пусть испытает, может ли насилие причинить мне боль. Я должен идти вперед и не могу взять с собой тех, кто испугался и может испугать других. Это слишком тяжелое бремя для меня.

Ты ли, я ли — должны мы смело
До конца довести наше дело.
Сколько я ни бродил — доселе
Только радость я знал и веселье.

И на этот раз,
И на этот раз
Слез не выжать тебе из глаз.

Все. Верно, верно!.. «Слез не выжать тебе из глаз».

Второй. Скажи, куда ты направляешься?

Дхононджой. На праздник.

Третий. Ведь этот праздник устраивает раджа. Зачем ты туда идешь?

Дхононджой. Хочу, чтобы меня знали при царском дворе.

Четвертый. Если ты попадешься в руки радже... Нет, нет, этого не будет.

Дхононджой. Почему не будет? Непременно будет!

Первый. Ты не боишься раджи, а мы боимся.

Дхононджой. В вас живет дух насилия, поэтому вы трепещете от страха, а я отвергаю насилие — и не знаю страха. Насилие и страх идут рука об руку.

Второй. Ладно, и мы с тобой!

Третий. Мы обратимся к самому радже.

Дхононджой. Чего же вы попросите у него?

Третий. Просить можно многого, а вот даст ли он что-нибудь?

Дхононджой. Вы не хотите просить у него царской власти?

Третий. Ты шутишь, отец!

Дхононджой. Почему? Представь, что у тебя нет ноги — разве это не большое горе? Еще хуже, когда хромает власть: правит лишь раджа, народ отстранен от правления. Вы, может быть, только забавляетесь, а бог льет слезы. Вы должны требовать власти ради блага самого раджи.

Второй. А если он прикажет прогнать нас?

Дхононджой. Насилие обернется против него самого. Ваши требования поддержит Владыка, более могущественный, чем раджа.

(Поет.)

Я забываю подчас,
Что ты призываешь нас,
Возводишь на свой трон.

Сказать вам правду? Трон не принадлежит ни радже, ни народу. Им владеет Всевышний. Вот почему напрасны усилия честолюбцев! Властитель должен смиренно сложить руки, а не взирать на всех свысока.

Привратник — узнать нас не может он —
Преграждает нам путь, смотри.
Я стою снаружи сейчас —
Позови меня изнутри!

Как узнает нас привратник? Царский знак на наших
лбах запорошила пыль. Мы не умеем владеть собой, а хо-
тим владеть целым царством. Не тот царь, кто восседает
на троне!

Ты жизнью нас наделяешь сам,
А с ней и честь ты даруешь нам.
Но этот дар твой гибнет всегда
От алчности, страха или стыда.
И день за днем увядает он —
Все больше пылью занесен.

Первый. Я так и не могу понять, зачем ты идешь
к радже?

Дхононджой. Как тебе объяснить? Я повинуюсь
зову своего сердца.

Первый. Да?

Дхононджой. Вы не научитесь плавать, пока бу-
дете цепляться за меня. Да и мне будет трудно доплыть
до берега. Я ищу спасения там, где у меня нет друзей.

Первый. Но раджа не отпустит тебя.

Дхононджой. Зачем ему отпускать меня? Если
он закует меня в оковы, чего еще мне желать?

(Поет.)

Неужели честь заслужит тот, кто вверг меня в неволю?

Неужели так и будет?

Неужель меня удержат кем-то скованные цепи?

Неужели так и будет?

Можно ли к себе приблизить хоть кого-нибудь насильем?

Неужели так и будет?

Для чего насилье людям, если есть любовь на свете?

Неужели так и будет?

Сам заплачет тот, кто слезы проливать меня заставил!

Неужели так и будет?

Второй. Мы не допустим, чтобы на тебя подняли
руку.

Дхононджой. Если это допустит Тот, кому я слу-
жу, то вы и подавно должны смириться.

Первый. Хорошо, мы повинуемся. Иди! И пусть бу-
дет, что будет!

Дхононджой. Подождите пока здесь. Я тут никогда не был. Пойду узнаю дорогу. (*Уходит.*)

Первый. Ну и рожи у этих утторкутцев! Как будто Творец только начал их лепить, а закончить не успел.

Второй. А как они одеваются, как заматывают дхоти!

Третий. Они словно заязывают себя в мешок, боятся, как бы чего-нибудь не выпало.

Первый. Они только на то и годны, чтобы работать на других. Голь перекатная.

Второй. Все они невежды. А что написано в их священных книгах?

Первый. Ерунда всякая. А как они пишут! Словно курица лапой.

Второй. Они и есть курицы. Что ни увидят, все расклевывают.

Первый. Они губят наши души своими священными книгами, а своим оружием — убивают нас самих.

Второй. Они погрязли в грехах. Учитель говорит: «Не дай бог, чтобы даже их тень коснулась нас!» А знаете почему?

Третий. Нет.

Второй. Когда боги пахтали океан, они пролили несколько капель нектара. Из них был сотворен первый шиботораец. Затем демоны вылизали пустые чаши и бросили их в канаву, из черепков был создан праотец утторкутцев. Поэтому они хоть и сильные, только — тьфу! — нечистые.

Третий. Откуда ты знаешь?

Второй. Наставник сказал.

Третий (*насмешливо кланяясь*). Да ты и сам неплохой наставник!

Входят несколько утторкутцев.

Первый утторкутец. Все хорошо, только зачем раджа сделал Бибхути кшатрием? Ведь он сын кузнеца.

Второй утторкутец. Об этом поговорим, когда вернемся к себе в деревню. А сейчас кричите: «Слава Повелителю машин Бибхути! Слава!»

Третий утторкутец. Слава Повелителю машин Бибхути! Слава! Слава тому, кто соединил в себе добродетели кшатриев и вайшья!

Первый утторкутец. Смотри, брат, вон стоят шиботорайцы!

Второй утторкутец. Как ты их узнал?

Первый утторкутец. У них шапки натянуты на самые уши! Какие они все низкорослые! Словно их кто-то прилепнул!

Второй утторкутец. И верно. Сколько чудных людей на свете! Зачем они нахлобучили шапки на уши? Думают, Творец сделал им уши по ошибке!

Первый утторкутец. Они закрывают уши, чтобы не растерять ум.

Все смеются.

Третий утторкутец. А может быть, для того, чтобы не набраться ума!

Смех.

Первый утторкутец. Они, наверно, боятся, как бы утторкутские духи не оттащали их за уши?

Смех.

Эй вы, безмозглые шиботорайцы! Что вы там стоите как истуканы? Скажите хоть слово!

Третий утторкутец. Вы не знаете, что у нас сегодня праздник? Кричите: «Слава Повелителю машин Бибхути!»

Первый утторкутец. Чего вы молчите? Языки проглотили? Или ждете, пока мы вас схватим за глотку? Кричите же: «Слава Повелителю машин Бибхути!»

Гонеш. А что он такого сделал, этот Бибхути, чтобы мы его славили?

Первый утторкутец. Нет, вы только послушайте его! «Что он такого сделал?» Неужели вы до сих пор не знаете? Вот что значит нахлобучивать шапки на уши!

Третий утторкутец. Если Бибхути захочет, он отнимет у вас воду. И вы все подохнете, как лягушки в засуху.

Второй шиботораец. Бибхути отнимет у нас воду? Разве он бог?

Второй утторкутец. Не бог, а все равно что бог.

Первый шиботораец. А что он создал?

Первый утторкутец. Плотины на Муктодхаре!

Шиботорайцы громко смеются.

Вы думаете, я шучу?

Гонеш. Конечно, шутишь! Не сыну кузнеца отобрать у нас то, что даровано самим Шивой.

Первый утторкутец. Посмотрите на плотину. Она упирается в небосвод.

Первый шиботораец. Боже! Ну и страшилище!

Второй шиботораец. Кажется, будто огромный железный кузнечик собирается прыгнуть ввысь.

Первый утторкутец. Ноги этого кузнечика перегородили реку.

Гонеш. Попридержи язык! Ты еще скажешь, что этот ваш сын кузнеца сел на кузнечика и отправился доставать луну с неба.

Первый утторкутец. Вот что получается, когда уши закрыты. Слушают, но не слышат. Так и погибнуть недолго.

Первый шиботораец. Как бы нас ни старались погубить, мы все равно не погибнем.

Третий утторкутец. Кто же вас спасет?

Гонеш. Наш земной бог Дхононджой. У него два тела — одно в храме, другое среди нас.

Третий утторкутец. Слышите, что они говорят? Похоже, им надоело жить.

Утторкутцы уходят. Появляется Дхононджой.

Дхононджой. Что вы тут болтали, глупцы? Как я могу спасти вас? Быть вам злыми духами, когда умрете!

Гонеш. Утторкутцы хотели испугать нас, они сказали, что Бибхути перегородил Муктодхару.

Дхононджой. Перегородил Муктодхару?

Гонеш. Да, отец.

Дхононджой. Вы, наверно, плохо слушали.

Гонеш. А мы и не слушали. Только смеялись.

Дхононджой. Вы думаете, что я должен слушать за вас всех? Вы отдали свои уши мне на хранение?

Третий шиботораец. В их болтовне был какой-нибудь смысл?

Дхононджой. Конечно, был. Вы думаете, это так просто — усмирить стихию: все равно где — в себе или вовне.

Гонеш. Неужели мы и вправду останемся без воды?

Дхононджой. Нет. Шива не допустит этого. Подождите здесь, а я пойду и все разузнаю. В мире много голосов. Как только мы перестаем слушать их, нас тотчас поражает стрела смерти. *(Уходит.)*

Входит еще один шиботораец.

Третий шиботораец. Да это Бишон! Что нового?

Бишон. Махараджа отозвал молодого раджу из Шиботорая и больше не отпустит его туда.

Все. Нет, нет, мы никогда не согласимся на это!

Бишон. А что вы можете сделать?

Все. Вернем его!

Бишон. Как?

Все. Силой!

Бишон. Вы осмелитесь пойти против махараджи?

Все. А мы не признаем никакого махараджи!

Входят Ронджит и министр.

Ронджит. Кого вы не признаете?

Все. Здравствуйте, махараджа.

Гонеш. Мы пришли к вам с просьбой.

Ронджит. С какой?

Все. Хотим, чтобы нами правил молодой раджа!

Ронджит. Что?!

Первый. Да, да! Мы заберем молодого раджу в Шиботорай.

Ронджит. И снова не будете платить налогов?

Все. Но мы умираем от голода.

Ронджит. Где ваш главарь?

Второй *(указывая на Гонеша)*. Вот он, Гонеш.

Ронджит. Я говорю не о нем — об отшельнике.

Гонеш. Вот он; идет сюда.

Входит Дхононджой.

Ронджит. Это ты смущаешь народ?
Дхононджой. Я и сам в смятении.

(Поет.)

Брожу в смятении по лесам:
Чей это глас летит к небесам?
Кончился день,
Сгустилась тень.
Брожу, устав от бесплодных погонь,
Сжигает сердце безумный огонь.

Ронджит. Ты мне не юли. Отвечай прямо, будете вы платить налоги или нет?

Дхононджой. Нет, махараджа, не будем.

Ронджит. Не будете? Какова наглость!

Дхононджой. Мы не можем отдать тебе то, что не твое.

Ронджит. Как это не мое?

Дхононджой. Еда, которой мы утоляем голод, — наша! Все, что остается, — твое.

Ронджит. Так это ты подстрекаешь народ не платить налоги?

Дхононджой. Они были напуганы и хотели платить, но я запретил им. Я сказал: «Не отдавайте жизнь никому, кроме того, кто ее дал».

Ронджит. Зачем ты обнадеживаешь их? Их страх не прошел, он только загнан внутрь. Настанет миг — он вырвется наружу и забушует с удесятеренной силой. Тогда они погибнут... Отшельник! Тебе уготованы страдания!

Дхононджой. Тот, кто живет в моем сердце, недо ступен страданиям.

Ронджит (*обращаясь к народу*). Возвращайтесь в Шиботорай. А ты, отшельник, останься.

Все. Покуда мы живы, не уйдем!

Дхононджой
(поет)

Ты говоришь: останься! Ну что же, я не перечу.

Сам узником стану твоим.

И твоему желанью, владыка, пойду навстречу.

Кто жив, тот будет живым!

Силой ничего не удержишь, раджа. Удержать что-нибудь можно только мягкостью.

Ронджит. Что это значит?

Дхононджой. Приобретает тот, кто все отдает. Никому не сохранить награбленное добро: оно течет сквозь пальцы, как вода.

Страх я изгнал из сердца. Так занеси же руку,
Чтобы ударить меня!

Вынесу все безмолвно, стерплю я любую муку,
Твердость души храня.

Раджа, ты ошибаешься, полагая, что мир будет принадлежать тебе, если ты его захватишь. Попробуй зажать что-нибудь в кулак, и ты увидишь тщетность своих усилий.

Весь этот мир, о владыка, попран твоею ногою:

Все же ты слаб и мал.

Пусть ты в себе уверен: может случиться такое,
Чего ты не ожидал!

Ронджит. Министр, сейчас же арестуй отшельника!

Министр. Но, махараджа...

Ронджит. Мой приказ тебе не по душе?

Министр. Мы и так уже возбудили народ. Не следует промоздить ужас на ужас.

Народ. Мы не отдадим отшельника!

Дхононджой. Идите по домам!

Первый. Отец, ты слышал, что у нас отняли молодого раджу?

Второй. Кто будет нашей опорой?

Дхононджой. Неужели вы сильны только моей силой? Тогда я признаю свое бессилие.

Гонеш. Не говори так. Вся наша сила — в тебе.

Дхононджой. Я уйду.

Все. Почему?

Дхононджой. Если вы не разойдетесь, то погубите самих себя. Чем я могу возместить эту жертву?

Первый. Не надо так говорить, отец. Мы сделаем все, что ты велишь.

Дхононджой. Я уже сказал: уходите.

Второй. А что мы будем делать без тебя? Почему ты гонишь нас? Больше не любишь?

Дхононджой. Я люблю вас и не хочу вашей гибели. Уходите, ни слова больше!

Все. Мы уходим, но...

Дхононджой. Никаких «но»! Идите! И выше головы!

Все. Хорошо. Мы пошли.

Дхононджой. А ты что стоишь, Гонеш?

Гонеш. Я ухожу, но помните, что вся наша сила в вас.

Шиботорайцы удаляются.

Ронджит. Ну, что ты молчишь, отшельник?

Дхононджой. Я удручен.

Ронджит. Чем?

Дхононджой. Я сделал то, чего не достиг твой Чондопал со своей дубиной, — отнял у них силу. Они сами сказали это.

Ронджит. Ну и что?

Дхононджой. Напрасно я их учил: они ничего не поняли. Нельзя платить долги, убегая от них. Они считают меня больше бога и забывают о своем долге перед ним. Они слепо цепляются за меня.

Ронджит. Теперь ты их бог.

Дхононджой. Да. Из-за меня они не могут познать истинного бога.

Ронджит. Ты не велишь им платить налоги радже, а когда они припадают к твоим ногам, чтобы молиться, как богу, — ты недоволен.

Дхононджой. О, если б я мог бежать от их поклонения! Тогда я был бы спасен. Они растрачивают все богатства своей души и остаются нищими. Бремя их долгов падет на меня, и бог не позволит мне уклониться от уплаты.

Ронджит. Как же ты думаешь поступить?

Дхононджой. Уйду от них. Если я воздвигну плотину в их душах, то и мне вместе с Бибхути придется держать ответ перед Шивой.

Ронджит. Чего ты ждешь? Уходи!

Дхононджой. Если я уйду, они набросятся на твоего Чондопала. Наказание, предназначенное мне, падет на их головы. Вот что удерживает меня.

Ронджит. Тогда я прогоню тебя. Уддхоб, сейчас же арестуй отшельника и отведи в лагерь.

Дхононджой
(поет)

От всех обид, от всех оскорблений
Закован в надежную я броню.
Весть о спасенье, что послана богом,
Я в самом сердце своем храню,
Что мне отныне твои оковы?
Не боюсь ни запоров, ни стен.
Душу мою, что навек свободна,
Стража твоя не захватит в плен.

Уддхоб уводит Дхононджоя.

Ронджит. Министр, иди к арестованному Обхиджиту. Если увидишь, что он раскаивается, то...

Министр. Махараджа, если б вы навестили его...

Ронджит. Нет, нет! Он изменник. Я не хочу видеть его, пока он не признает своей вины. Я возвращаюсь в столицу. Донеси мне обо всем. (Удается.)

С пением проходит с а н ь я с и.

Свет в потемки сердца льющий,
Пламенем нещадным жгущий,
Пепел трупов стерегущий,

Шива, милостивый Шива!

Словно гром, с высот ревущий,
Грозный жезл в руке несущий,
Души через скорбь ведущий,

Шива, милостивый Шива!

(Уходит.)

Появляется Уддхоб.

Уддхоб. Махараджа так и не повидал молодого раджу?

Министр. Он боялся, что ему изменит решимость. Все время, пока он говорил с отшельником, его одолевали

сомнения: правильно ли он поступил. Он не мог возвратиться в лагерь и не хотел оставлять молодого раджу. Пойдем к Обхиджиту.

Уходят. Появляются две женщины.

Первая. Тетя, отчего они все такие злые? Почему говорят, что молодой раджа поступил дурно? В чем его вина?

Вторая. Не понимаешь? Ты же из Утторкута! Молодой раджа открыл дорогу через перевал.

Первая. Ну и что? Мне кажется, он человек, достойный уважения.

Вторая. Ты еще слишком молода. Вот узнаешь жизнь, тогда поймешь, что больше всего надо остерегаться людей, которые кажутся достойными уважения.

Первая. В чем обвиняют молодого раджу?

Вторая. Говорят, что он добивается власти. Сначала подчинил себе шиботорайцев, а теперь хочет захватить утторкутский трон.

Первая. Зачем ему трон? Он и так властвует всеми сердцами. Почему мы не должны верить самому молодому радже, а верить тем, кто бесчестит его имя?

Вторая. Замолчи, глупая девчонка! Не тебе об этом судить! Все проклинаят его, а ты...

Первая. Я не побоюсь сказать всем...

Вторая. Молчи, я тебе говорю!

Первая. И не подумаю!.. Что-то у меня на глазах слезы... Я верю молодому радже больше, чем кому бы то ни было. И сделаю все, что могу, для него. Я принесу в дар Шиве свои длинные волосы. «Боже! — попрошу я его. — Докажи, что прав молодой раджа, посрами клеветников!»

Вторая. Смотри, как бы нас не подслушали! Ты еще втянешь меня в беду!

Обе удаляются. Входят несколько утторкутцев.

Первый. Мы этого так не оставим. Идем к радже!

Второй. Зачем? Махараджа очень любит своего наследника. Он никогда не решится предать его суду. А вот на нас он может обрушить свой гнев.

Первый. Ну и пусть! Я ему выскажу все, что думаю. Двум смертям не бывать, одной не миновать.

Третий. Молодой раджа так любил нас, что готов был достать для нас луну с неба. И вдруг такое дело! Шиботорай стал ему дороже, чем Утторкут!

Второй. Где же справедливость на земле?

Третий. Пока еще никто ее не видел, эту справедливость.

Первый. Если раджа не покарает его, мы сами с ним расправимся.

Второй. Как?

Первый. В нашей стране ему не место. Пусть он убирается — по дороге, которую открыл.

Третий. Но этот человек из деревни Чобуя сказал, что сейчас он не в Шиботорае. И во дворце махараджи его нет.

Первый. Наверно, махараджа спрятал его.

Третий. Спрятал? Стены разломаем, а вытащим его!

Первый. Подожжем дворец и выкурим его.

Третий. Уж он от нас не уйдет!

Входит министр в сопровождении Уддхоба.

Министр. Что случилось?

Первый утторкутец. Нечего играть с нами в прятки. Отдайте молодого раджу!

Министр. У меня нет полномочий на это.

Второй. Это вы посоветовали радже... А впрочем — не можете, так не можете. Без вас обойдемся.

Министр. Хорошо. Берите власть в свои руки, освободите его из тюрьмы.

Третий. Из тюрьмы?

Министр. Махараджа арестовал его.

Все. Слава махарадже! Слава Утторкуту!

Второй. А ну, пошли в тюрьму! Там...

Министр. Что вы задумали?

Второй. Мы оборвем цветы с гирлянды, которую вешали на Бибхути, а бечевку накинем на шею молодому радже.

Третий. Почему на шею? Мы ему свяжем руки! Зачем он открыл дорогу?

Министр. Вы обвиняете молодого раджу в беззаконии, а сами нарушаете закон.

Второй. Это совсем другое дело... Ну, а что будет, если мы нарушим закон?

Министр. Конечно, можно прыгнуть в пропасть, если вам не нравится стоять на земле. Но я думаю, что вы этого не сделаете. Чем нарушать закон, лучше измените его.

Третий. Хорошо, мы не пойдем в тюрьму. Отправимся к царскому дворцу и будем славить махараджу.

Первый. Смотрите! Небо уже потемнело, а плотина пылает багровым пламенем — словно солнце напilo ее своим вином.

Второй. А как горит трезубец на храме Шивы! Солнечный свет так и льнет к нему, точно боится отпугнуть. Жуткое зрелище!

Утторкутцы уходят.

Министр. Теперь я понимаю, зачем махараджа арестовал молодого раджу.

Уддхоб. Зачем?

Министр. Чтобы спасти от народа. Но это ему не удастся. Возбуждение все растет.

Входит Шонджой.

Шонджой. Я не посмел слишком настаивать. Боялся, как бы махараджа не укрепился в своей решимости.

Министр. Успокойтесь, принц! Не подливайте масла в огонь.

Шонджой. Я подниму бунт. Пусть меня тоже арестуют!

Министр. Лучше оставайтесь на воле и подумайте, как освободить его.

Шонджой. Я обратился к народу. Я знал, что все любят молодого раджу больше жизни и не позволят держать его в тюрьме. Но сейчас они злы на него: не могут простить ему, что он открыл дорогу через перевал.

Министр. Теперь вы понимаете, что молодой раджа в безопасности именно потому, что арестован?

Шонджой. Всю свою жизнь я следую за ним. Позвольте мне быть с ним в тюрьме.

Министр. Зачем?

Ш он д ж о й. Каждый человек — лишь половина. Он составляет целое вместе с другим человеком. Такова моя дружба с молодым раджой.

М и н и с т р. Может быть, вы и правы. Но разлука не может уничтожить подлинной дружбы. Тучи в небесах и вода в море связаны общностью. Расстояние не мешает их союзу. Молодого раджи нет, но он воплощен в вас.

Ш он д ж о й. Министр, вы удивляете меня. Можно подумать, вашими устами говорит молодой раджа.

М и н и с т р. Его слова витают в воздухе вокруг нас. Я повторяю их и уже не знаю, что мое и что его.

Ш он д ж о й. Спасибо, что вы напомнили мне о моем долге. Я буду продолжать его дело. Сейчас же иду к махарадже.

М и н и с т р. Зачем?

Ш он д ж о й. Попрошу назначить меня правителем Шиботорая.

М и н и с т р. Это очень опасно...

Ш он д ж о й. Вот и хорошо!

Оба уходят. Появляется Бишшоджит.

Б и ш ш о д ж и т. Кто это? Уддхоб?

У д д х о б. Да, махараджа.

Б и ш ш о д ж и т. Я ждал, пока стемнеет... Ты получил мое письмо?

У д д х о б. Получил.

Б и ш ш о д ж и т. И выполнил приказание?

У д д х о б. Это вы сами скоро увидите. Но...

Б и ш ш о д ж и т. Не бойся. Махараджа не хочет освобождать молодого раджу, но он будет рад, если это сделает кто-нибудь другой без его ведома.

У д д х о б. Он не простит виновника.

Б и ш ш о д ж и т. Мои воины арестуют тебя и твоих стражников. Я отвечаю за все.

Крики за сценой: «Пожар! Пожар!»

У д д х о б. Началось! Подожгли кухню около тюрьмы. Самое подходящее время, чтобы освободить обоих узников! *(Убегает.)*

Немного спустя входит О б х и д ж и т.

Обхиджит. Как? Это ты, дедушка?

Бишшоджит. Я должен задержать тебя и отвести в Мохопогор.

Обхиджит. Нет, ничто не может задержать меня — ни гнев, ни любовь. Вы думаете, это вы устроили поджог? Нет, пожар начался сам собою, его нельзя было предотвратить. Я спешу...

Бишшоджит. Куда?

Обхиджит. Я должен выплатить долг, долг моего рождения. Муктодхара спасла меня, и сегодня я освобожу ее от оков.

Бишшоджит. Только не сегодня. У тебя будет достаточно времени.

Обхиджит. Нет, час настал, я чувствую это. Больше нельзя откладывать.

Бишшоджит. Мы все поможем тебе.

Обхиджит. Нет, каждому — свое. Я отправлюсь один.

Бишшоджит. Шиботорайцы преданны тебе. Они предлагают свою помощь. Ты не позовешь их?

Обхиджит. Если бы они слышали Зов, то не стали бы ждать меня. А мой призыв может ввести их в заблуждение.

Бишшоджит. Уже стемнело.

Обхиджит. Откуда исходит Зов, оттуда придет и свет.

Бишшоджит. Я не в силах удержать тебя. Сейчас ты уйдешь в темноту. Но мы увидимся снова, правда?

Обхиджит. А мы и не расстанемся, мы будем всегда вместе.

Расходятся. Появляется Дхононджой.

Дхононджой
(поет)

Брат мой, огонь, я славлю тебя,
Несу тебе восхваленья.
Я никогда еще не видал
Тебя в таком исступлении.
Цепи срываешь, взлетаешь ввысь,
Песней ты чьей взволнован?
Радостной, смелой пляски твоей
Не описать мне словом.

В день, когда кончится срок невзгод,
Волен я стану и светел.
Узы, что руки связали мне,
Сам обратишь ты в пепел.
Тело мое ты охватишь, огонь,
В танце закружишь страстным,
В прах превратишь то, что сердце жгло, —
Мне уж не быть несчастным.

Входит сумасшедший старик.

Сумасшедший. Святой человек, день уже кончился, темно.

Дхононджой. Свет — внутри нас. А мы не видим его, видим только темноту.

Сумасшедший. Я думал, что сегодня Шива начнет свой танец разрушения, но Повелитель машин, верно, и самого бога сковал.

Дхононджой. Никто не замечает начало танца Шивы. Виден лишь его конец.

Сумасшедший. Мне страшно... Боже, ободрите меня! Пробудись, Шива! Пробудись! Свет погас, дорога тонет во тьме, отзывает. О Шива! Ужасом изгони наш ужас! Пробудись, Шива! (*Уходит.*)

Входят несколько утторкутцев.

Первый. Нас обманули. Его нет в тюрьме. Они спрятали его.

Второй. Давайте поищем, где он.

Дхононджой. Его не спрятать нигде. Рухнут стены, падут запоры, вспыхнет свет — и все тайное станет явным.

Первый. Кто это? Он меня испугал.

Третий. Это отшельник! Вот кстати! Мы как раз хотим кого-нибудь схватить. Вяжите его!

Дхононджой. К чему связывать того, кто уже связан?

Первый. Молчи! Ты нас не проведешь своей святостью!

Дхононджой. Вы заблудшие души. И это хорошо. Сам бог наставит вас на истинный путь. Вы родились под

счастливой звездой. Некоторые теряют своих наставников лишь потому, что слишком почитают их. Вам это не грозит.

Первый. Кто же у них наставник?

Дхононджой. Тот, кто вразумляет их палкой.

Первый. Почему бы нам не стать твоим наставником?

Дхононджой. Хорошо. Я готов к учению. Испытайте меня.

Второй. Я подозреваю, что это ты опутал нашего молодого раджу.

Дхононджой. Ваш молодой раджа хитрее меня, я сам попался в его сети.

Второй. Слышите? Тут дело нечисто. Между ними какой-то сговор.

Первый. Да, да. Неспроста он бродит здесь ночью. Молодого раджу хотят увести в Шиботорай. Давайте свяжем отшельника. Расквитаемся с ним потом — когда найдем молодого раджу. Эй, Кундон! У тебя веревка, вяжи его!

Кундон. Вот тебе веревка, вяжи сам.

Второй. Эх, вы! А еще утюркутцы! Дайте-ка мне! (Связывает Дхононджоя.) Ну, как? Что скажешь, наставник?

Дхононджой. Крепко связали. Освободиться будет нелегко.

Проходит саньяси.

Саньяси
(поет)

Свет в потемки сердца льющий,
Пламенем нещадным жгущий,
Пепел трупов стерегущий,

Шива, милостивый Шива!
Словно гром, с высот ревущий,
Грозный жезл в руке несущий,
Души через скорбь ведущий,

Шива, милостивый Шива!

(Уходит.)

Кундон. Смотрите! Как черна эта плотина в сумерках!

Первый. Днем она была светлее света, а сейчас темнее тьмы.

Кундон. И зачем Бибхути построил ее такую высокую? В Утторкуте нет места, откуда бы ее не было видно. Она похожа на ревущее чудовище.

Входит четвертый утторкутец.

Четвертый. Я узнал, что молодой раджа находится в царском лагере, за манговой рощей.

Второй. Теперь понятно, почему отшельник бродил по этой дороге. Пусть остается здесь связанный. Потом придем за ним.

Утторкутцы уходят.

Дхононджой
(поет)

Все ль ты свершил, натянув струну?

О, мой достойный, искусный!

Долго ли вине быть в плену,

О, мой достойный, искусный?

Прожитого не вызывать из тьмы,

Все друг с другом связаны мы.

О, мой достойный, искусный!

Пусть ты скован в темнице сырой,

Просыпается голос твой,

О, мой достойный, искусный!

Иль будешь лежать покорно в пыли!..

Возвращаются утторкутцы.

Первый. Вот это новость!

Второй. Дядя махараджи увел в Мохоногор и молодого раджу, и всех стражников. Что это значит?

Кундон. В его жилах течет утторкутская кровь! Знаете, зачем он увел молодого раджу? Чтобы тот не ушел от наказания.

Первый. Какая несправедливость! Какой произвол! Неужели мы сами не сумеем покарать молодого раджу?

Второй. На то есть закон. Понимаешь?..

Первый. Да, да, ведь у них золотые рудники...

Кундон. А коров знаешь сколько? Тысяч двадцать пять, не меньше.

Первый. Мы рассчитаемся с ними, а затем... Какая несправедливость!.. Какое беззаконие!..

Третий. У них есть шафрановое поле, каждый год оно приносит...

Второй. Да, да, их надо проучить!.. А что делать с этим отшельником?

Первый. Пусть остается здесь.

Утторкутцы уходят.

Д х о н д ж о й
(пост)

Долго ль брошенному в прахе так валяться, о глупцы?
Кто ему узнаст цену, подберет его, глупцы!

Разве эту драгоценность оценить вы не могли,
И лежать ей подобает, вами брошенной, в пыли?
Тот, кто мог ее утратить, для того уж невдомек,
Что отныне бесполезно божеству сплести венок.
Иль еще вам неизвестно, что все жаждут отыскать,
Что везде гонцов проворных поспешили разослать?
Тот, кем вы пренебрегали, неожиданно сейчас
Величайшего почета удостоился от вас.

Но его страдания, муки от гордыни вашей злой
Сами вытерпеть смогли бы вы измученной душой?

Снова входит К у н д о н.

К у н д о н. Отец, не сердись. Я развяжу тебя. Уходи.
Как знать, может быть, сегодня ночью...

Д х о н д ж о й. Сегодня ночью, может быть, я услышу Зов... Я не могу уйти.

К у н д о н. Зов? Куда?

Д х о н д ж о й. На празднества.

К у н д о н. Ты ведь шиботораец, а праздник в Утторкуте...

Д х о н д ж о й. На празднике как раз и не хватает шиботорайцев.

За сценой крики: «Пробудись, Шива! Пробудись!»

К у н д о н. Мне что-то не по себе. Я пошел.

Расходятся в разные стороны.

Входят два гонца утторкутского махараджи.

Первый. А теперь куда? Пастухи в Ноошану говорили, что видели молодого раджу: он шел на запад.

Второй. Его надо найти сегодня ночью. Так повелел махараджа.

Первый. Ходит слух, что его увели в Мохоногор. Но сумасшедшая Омба говорит, будто встретила его на этой дороге. Я думаю, так оно и было.

Второй. И куда он пошел в такую темь — уму постижимо.

Первый. Давай возьмем фонарь у стражи. А то и заблудиться недолго.

Оба уходят. Входит путник.

Путник (*кричит.*) Эй, Будхо-о-н! Шомбху-у!.. Где вы?.. Вот беда! Послали меня вперед, сказали, что нагоят у подъема. И никого нет. А тут еще эта черная плотина торчит в темноте. Даже дрожь берет... Кто там?.. Отвечай!.. Это ты, Будхон?..

Второй путник. Я Нимку, продавец светильников. В городе всю ночь будут гореть огни, нужны лампы. А ты кто?

Первый путник. Я Хубба, певец. Ты не встречал моих товарищей? Старшим у нас Анду.

Нимку. Мало ли кого я видел. Разве всех упомнишь?

Хубба. Нашего Анду с другими не спутаешь. Он человек особенный... Брат, у тебя, наверно, много светильников. Дай мне один. Плохо в пути без фонаря.

Нимку. А сколько заплатишь?

Хубба. Если бы я мог заплатить, я бы не стал тебя упрашивать.

Нимку. Э, да ты, я вижу, шутник! (*Уходит.*)

Хубба. Светильника пожалел, зато назвал шутником. Это, пожалуй, неплохо. Шутника всегда можно узнать, даже в кромешной тьме... Ах, до чего громко стрекочут цикады!.. Нет, с этим продавцом светильников надо было не шутки шутить, а взять да и ограбить его!

Входит еще путник.

Путник. Эй, ты!

Хубба. Ох, напугал меня!

Путник. Иди, иди!

Хубба. Конечно, пойду. А что же мне еще делать? Я вот только ломаю себе голову, как пуститься вперед

одному, не дожидаясь друзей. Придется, видно, подвязать поджилки, чтобы они не тряслись на ходу.

Путник. Твои друзья уже собрались, только тебя ждут.

Хубба. Что ты сказал?.. Я из Тинмохона, мы чудной народ: не можем понять, если говорят неясно. Про каких друзей ты говоришь?

Путник. А я из деревни Чобуя. Мы тоже чудной народ: объясняемся жестами. *(Дает тычка.)* Теперь понял?

Хубба. Ох!.. Понял. Кажется, это значит, что надо куда-то идти, хочу я того или нет. А куда идти? Только прошу тебя, будь полюбезнее. Ты уже достаточно вразумил меня тумакom.

Путник. Ты пойдешь в Шиботорай.

Хубба. В Шиботорай? Сейчас, в почь новолуния? Зачем?

Путник. Надо отстроить крепость на перевале Нопди.

Хубба. Отстроить крепость? Ты, верно, не видишь меня в темноте, поэтому и говоришь так: я же...

Путник. Не все ли равно, кто ты. Ведь руки у тебя есть.

Хубба. Есть-то есть, да...

Путник. Довольно! О руках судят не по словам. Посмотрим, на что ты годеи. Пошли!

Входит второй путник.

Второй путник. Конкор, я привел еще одного. Конкор. Кто он?

Третий. Никто. Я Лочхмон, звонарь из утторкутского храма Шивы.

Конкор. Прекрасно. Стало быть, руки у тебя сильные. Пойдешь в Шиботорай.

Лочхмон. А кто будет звонить в храме?

Конкор. Как кто? Сам Шива.

Лочхмон. Сжальтесь, у меня жена больная.

Конкор. Ну и что? Чем ты ей поможешь? Если ей суждено умереть, она умрет. А суждено поправиться, и без тебя поправится.

Хубба *(Лочхмону)*. Молчи, дружище. Дело опасное. Лучше не спорить. Я уже понял это.

Конкор. Чей это голос? Норшинга? Ну, как, Норшинг, хорошие вести?

Входят Норшинг и еще несколько человек.

Норшинг. Посмотри, скольких я привел. И они не первые, я уже отправил многих.

Конкор. Тогда пошли, по пути еще кого-нибудь прихватим.

Один. Я не пойду.

Конкор. Почему?

Тот же голос. Не пойду, да и все тут.

Конкор. Как его зовут, Норшинг?

Норшинг. Бонояри. Он делает четки из семян лотоса.

Конкор. Хорошо, сейчас я с ним потолкую. А ну, отвечай, почему ты не пойдешь?

Бонояри. Не хочу. Шиботорайцы не сделали нам ничего плохого. Они не наши враги.

Конкор. Ну и что? Зато мы их враги. Теперь понимаешь свой долг?

Бонояри. Я не могу никому причинять зло.

Конкор. Откуда тебе знать, что зло, а что нет. Не рассуждай много! Твое дело — повиноваться власти великого Утторкута. А отвечать за все будем мы, не ты.

Бонояри. Есть высшая власть, которой повинуются и Утторкут и Шиботорай.

Конкор. Послушай, Норшинг! Он еще спорит! Это опасный человек.

Норшинг. Дадим ему работу потяжелее, тогда не будет много болтать. Для того я его и привел.

Бонояри. Я для вас буду только обузой: ведь я не прикоснусь к работе.

Конкор. Мы найдем способ, как избавить Утторкут от этой обузы.

Хубба. Дядя Бонояри, не спорь с теми, кто не способен внимать доводам рассудка. Это пустое занятие.

Бонояри. А ты чем занимаешься?

Хубба. Я певец. Здесь не совсем подходящее место для пения, а то я уже давно затянул бы песню.

Конкор (*обращаясь к Бонояри*). Ну что, решил?

Бонояри. Я не двинусь с места.

К о н к о р. Тогда мы тебя так двинем, что век помнить будешь. Связать его!

Х у б б а. Дядя Конкор, не сердись, можно, я скажу? Вы хотите его тащить? Не лучше ли поберечь силу? Пригодится для дела.

К о н к о р. Наше дело — выбивать строптивый дух из тех, кто не хочет служить Утторкуту. Запомните это, пока не поздно.

Х у б б а. Я уже запомнил.

Все уходят, кроме Поршинга и Конкора.

П о р ш и н г. А вот и Бибхути! Слава Повелителю машин!

Входит Бибхути.

К о н к о р. Мы уже собрали много людей. Но почему ты здесь, а не на празднике, который устроен в твою честь?

Б и б х у т и. Праздник не радует меня.

П о р ш и н г. Отчего же?

Б и б х у т и. Сегодня пришло известие о разрушении крепости на перевале. Это сделано нарочно, чтобы досадить мне. Этот завистник устроил заговор против меня.

К о н к о р. Какой завистник?

Б и б х у т и. Не хочу пазывать имени, вы и так знаете его. На карту поставлена моя честь!.. Да, вы еще не слышали: ко мне прислали гонца с угрозами. Он намекнул, будто плотину на Муктодхаре хотят разрушить.

П о р ш и н г. Не может быть!

К о н к о р. И ты это терпишь, Бибхути?

Б и б х у т и. Разве можно спорить с безрассудством?

К о н к о р. А не слишком ли ты уверен в себе, Бибхути? Ведь ты сам говорил, что в плотине есть слабые места, и если их найдут, то даже самая маленькая...

Б и б х у т и. Всякому, кто проделает щель в плотине, угрожает неминуемая гибель.

П о р ш и н г. Может быть, поставить охрану?

Б и б х у т и. Плотину охраняет бог смерти. За нее беспокоиться нечего. Надо только закрыть дорогу через перевал.

К о н к о р. Это не трудно.

Бибхути. Да, я уже подготовил все, что нужно. Беда только, что дорога узка. Несколько человек могут преградить путь...

Норшинг. Мы их всех перебьем!

Бибхути. Погибнет много людей.

Конкор. Ну и что? Так уж устроен свет: одни посылают людей на смерть, другие гибнут.

За сценой голос: «Пробудись, Шива! Пробудись!»

Входит Дхониджой.

Смотри, кто идет! Это дурное предзнаменование!

Бибхути. Отшельник, такие праведники, как ты, до сих пор не разбудили Шиву. Ты говоришь, что я святотатец, а я сделаю это.

Дхониджой. Верно. Это должен сделать ты.

Бибхути. Но его не разбудить светильниками и колокольным звоном.

Дхониджой. Нет. Когда вы закуете его в оковы, он сам пробудится, чтобы разорвать их.

Бибхути. Разорвать наши цепи — дело нелегкое. Они скованы прочно.

Дхониджой. Когда бремя становится невыносимым, тогда и бьет Его час.

С цением проходит сатьяси.

Славься, Шива, страшный Шива!

Милостивец, разрушитель!

Слава Шиве, слава!

Победителю сомнений,

Разрывающему узы,

Избавителю от горя,

Слава Шиве, слава!

Входят Ронджит и министр.

Министр. Махараджа, лагерь пуст, он почти весь выгорел. Там было несколько стражников, они...

Ронджит. Надо во что бы то ни стало узнать, где сейчас Обхиджит.

Конкор. Махараджа, мы требуем наказать молодого раджу.

Ронджит. Неужели я нуждаюсь в вас, чтобы наказать виновного по заслугам?

Конкор. Он исчез. Народ подозревает...

Ронджит. Что подозревает?

Конкор. Простите меня, махараджа. Вы должны знать, что думают ваши подданные. Народ волнуется, потому что молодого раджу никак не могут найти. Если его схватят, то с ним могут расправиться на месте. Никто не будет дожидаться вашего повеления.

Бибхути. Мы тоже, не ожидая приказа махараджи, взялись за восстановление разрушенной крепости.

Ронджит. А почему вы не ждали моего приказа?

Бибхути. Преступление совершено членом царской семьи. Естественно, что подозрение падает и на вас.

Министр. Махараджа, народ в гневе, его гордость уязвлена. Не испытывайте, что крепче: коса или камень.

Ронджит. Кто там? Дхононджой?

Дхононджой. Махараджа помнит отшельника?

Ронджит. Ты, конечно, знаешь, где молодой раджа?

Дхононджой. Нет, махараджа. А если бы знал, то, конечно, не смог бы держать в тайне. Это моя беда.

Ронджит. Что ты здесь делаешь?

Дхононджой. Жду молодого раджу.

За сценой голос: «Шумон! Сыночек Шумон! Ах, пришла ночь. Темь непроглядная!»

Ронджит. Кто это?

Министр. Безумная Омба.

Входит Омба.

Омба. Он так и не вернулся!

Ронджит. Зачем ты его ищешь? Его призвал к себе Шива.

Омба. Разве Шива только берет и никогда не отдает? Может быть, ночью он отпускает тех, кого взял к себе?.. Шумон!.. Шумон!..

Уходит.

Входит соглядатай.

Соглядатай. Из Шиботорая идут тысячи людей.

Бибхути. Как так? Мы же хотели захватить их врасплох и обезоружить. Кто-то предал нас. Конкор,

только ты и еще несколько человек знали наш план. Стало быть...

К о н к о р. Неужели ты и нас подозреваешь, Бибхути? Бибхути. Подозрение не мкнует никого.

К о н к о р. Тогда и мы подозреваем тебя.

Бибхути. Это ваше право. Но настанет день, и кто-нибудь поплатится за свое предательство.

Р о н д ж и т *(обращаясь к соглядатаю)*. Ты знаешь, чего они хотят?

С о г л я д а т а й. Они слышали об аресте молодого раджи и поклялись освободить его. Они собираются провозгласить его раджей Шиботорая.

Бибхути. Все ищут молодого раджу — и мы и они. Посмотрим, кто из нас завладеет им!

Д х о н о н д ж о й. И вы и они. Он будет принадлежать всем поровну.

С о г л я д а т а й. Идет Гонеш, главарь шиботорайцев.

Входит Г о н е ш.

Г о н е ш *(обращаясь к Дхононджою)*. Отец, я найду его?

Д х о н о н д ж о й. Конечно.

Г о н е ш. Верно?

Д х о н о н д ж о й. Я сказал, что найдешь.

Р о н д ж и т. Кого ты ищешь?

Г о н е ш. Ах, это вы, раджа. Отпустите его!

Р о н д ж и т. Кого?

Г о н е ш. Молодого раджу. Вы его не любите, а мы любим. Вы хотите отнять у нас все, чем мы владеем, даже его?

Д х о н о н д ж о й. Глупец! Кто может отнять его у вас?

Г о н е ш. Мы возведем его на трон.

Д х о н о н д ж о й. Конечно. Он явится в царском одеянии.

С пеннем проходит с а н ь я с и.

Свет в потемки сердца льющий,
Пламенем нещадным жгущий,
Пепел трупов стерегущий,
Шива, милостивый Шива!

Словно гром, с высот ревущий,
Грозный жезл в руке несущий,
Души через скорбь ведущий,
Шива, милостивый Шива!

За сценой голос: «Тебя зовет мать! Вернись, Шумон, вернись!»

Бибхути. Что я слышу? Какой-то странный звук!
Дхононджой. Будто хохочет темнота!

Бибхути. Пойдите! Откуда доносится этот шум?

За сценой голоса: «Да славится Шива!»

Это шум бегущей воды!

Дхононджой. Гремят барабаны — танец начинается!

Бибхути. Шум нарастает. Он все громче и громче!

Конкор. Словно...

Норшинг. Да, словно...

Бибхути. Это... Это... Сомнений не может быть. Бушует Освобожденный поток! Кто-то разрушил плотину! Но кто? Ему не уйти от нас!

Конкор, Норшинг и Бибхути убегают.

Ронджит. Что все это значит, министр?

Дхононджой. Зов прозвучал. Начинается праздник разорванных оков.

(Поет.)

Гремят барабаны, гремят барабаны
В самом сердце, в самом сердце!

Министр. Махараджа, это...

Ронджит. Да, это он...

Министр. Ни у кого, кроме него...

Ронджит. Не достало бы смелости...

Дхононджой
(поет)

Танцует, танцует, танцует, танцует
Сама душа в нас, сама душа в нас!

Ронджит. Я накажу его, если он заслуживает наказания. Но эти люди обезумели... О, мой Обхиджит, мой возлюбленный сын! Да хранят тебя боги!

Гонеш. О владыка, я не могу понять, что произошло...

Дхононджой
(поет)

Не спят часы, и не дремлет стража,
Трепещет небо звездою каждой...

Ронджит. Я, кажется, слышу его шаги. Обхиджит! Обхиджит!

Министр. Да! Вероятно, это он идет.

Дхононджой
(поет)

Каждую душу терзают страдания.
Но пали оковы, но пали оковы.

Входит Шонджой.

Ронджит. Это Шонджой! А где Обхиджит?

Шонджой. Его унес Освобожденный поток. Он погиб.

Ронджит. Что ты говоришь?!

Шонджой. Молодой раджа разорвал оковы Муктодхары.

Ронджит. Теперь я понял. Освободив поток, он и сам обрел свободу. Шонджой, ты был с ним?

Шонджой. Нет. Я знал, что он пойдет туда, и ждал его в темноте. Однако он не позволил мне пойти с ним.

Ронджит. Расскажи, как все произошло!

Шонджой. Он еще раньше нашел слабое место в плотине. Он ударил Демона-плотину, и чудовище ответило ему ударом. Раскованная река, как мать, подхватила его бездыханное тело и унесла с собой.

Гонеш. Мы потеряли нашего раджу.

Дхононджой. Нет, вы обрели его. Он ваш навеки!

Входит саньяси.

Саньяси
(поет)

Славься, Шива, страшный Шива,
Милостивец, разрушитель!

Слава Шиве, слава!

Победителю сомнений,
Разрывающему узы,
Избавителю от горя,

Слава Шиве, слава!

Свет в потемки сердца льющий,
Пламенем нещадным жгущий,
Пепел трупов стерегущий,

Шива, милостивый Шива!

Словно гром, с высот ревущий,
Грозный жезл в руке несущий,
Души через скорбь ведущий,
Шива, милостивый Шива!

КОММЕНТАРИИ

СТИХИ

1916—1932

ИЗ КНИГКИ «ЖУРАВЛИ»

Сборник «Журавли» Тагор начал писать еще в 1914 году. Первоначально стихи печатались в периодических изданиях, главным образом в журнале «Шобуджпотро» («Зеленые листья»), который издавал близкий друг поэта, муж его племянницы Индиры Деби — Промотх Чоудхури (Бирбал).

В 1921 году, возвращаясь ко времени создания «Журавлей», Тагор говорил студентам своего университета в Шантиникетоне:

«Странная тревога царила в моем сердце. Я чувствовал, что мир движется к всеобщей катастрофе... Стихотворения выходили из-под моего пера одно за другим, и, по-видимому, между ними имелась скрытая связь. Словно стая журавлей, вылетали они из моей души и, объятые неизъяснимым волнением, устремлялись вдаль...

«Всеуничтожение» было написано еще до того, как вспыхнула война. Эндрюз¹ пошучивал, что я получил сообщение о войне по беспроволочному телеграфу. Но я думал не только о надвигавшейся беде. Мне казалось, что мы подошли к рубежу новой великой эпохи в истории человечества, что ночь осталась позади. Во мгле смерти, среди горя и страданий, записывается кроваво-алая заря нового века.

¹ Эндрюз — английский миссионер, близкий друг Тагора.

Стихотворение «Труба» написано через два месяца после начала войны. Трубный глас прозвучал!..»

Сборник «Журавли» был опубликован в 1916 году. Посвящен он В. Пирсону, переводчику произведений Тагора на английский язык.

Книга имела большой успех, и критики почти единодушно провозгласили «Журавли» вершиной творчества Тагора.

Несколько стихотворений из этого цикла были переведены автором на английский язык и вошли в сборники «Fruit Gathering», «Lover's Gift» и «Fugitive».

Имеется несколько русских переводов: Сочинения, т. 7, Гослитиздат, М. 1957; «Бенгальская поэзия», Гослитиздат, М. — Л. 1959; «Африка», Гослитиздат, М. 1961.

Стр. 9. *Бокул* — тропическое вечнозеленое дерево. Цветы его распускаются в пору дождей. У них сильный, опьяняющий аромат.

Стр. 11. *В кроваво-красной приходи одежде, // Как ты пришла невестою тогда...* — Невесты в Бенгалии обычно одеваются в красную одежду, так как красный цвет считается благоприятным.

Стр. 13. *Пусть взбитый океан кипит // И нас бессмертьем одарит...* — Речь идет о легенде, в которой рассказывается, как боги и демоны пахтали мифический молочный океан, чтобы получить напиток бессмертия — амриту.

Стр. 15. *Срабон* — четвертый месяц бенгальского календаря, основанного на лунно-солнечном счислении. Соответствует июлю — августу. В этом месяце идут сильные дожди.

Стр. 18. *Портрет*. — Большинство исследователей творчества Тагора полагают, что это стихотворение посвящено Кадамбари, невестке поэта, оказавшей на него большое влияние. Другие, как, например, Э. Томпсон, считают, что оно посвящено жене — Мриналини Деби. Тагор положил это стихотворение на музыку.

Стр. 19. *Сарасвати* — богиня-покровительница наук и искусств.

Стр. 22. *Шах Джахан* (ок. 1592—1666) — император из династии Великих Моголов, которые правили Индией с 1526 по 1858 год. В память покойной жены Мумтаз Бегум Шах Джахан

построил в Агре знаменитый мавзолей Тадж Махал, считающийся «девятым чудом света».

Стр. 23. *Мадхоби* — вьющийся жасмин.

Оно, как новый Облак-Вестник... — «Облако-Вестник» («Мегахадута») — поэма прославленного индийского поэта и драматурга — Калидасы (V в. н. э.), чье творчество Тагор очень любил и хорошо знал. В поэме «Облако-Вестник» рассказывается об одном якше (якши — мифические существа, хранители сокровищ бога богатства — Куберы). Этого якшу изгоняют из Алаки, столицы царства Куберы, и он просит облако отнести весть от него возлюбленной.

Стр. 24. *Смолк пообот...* — Пообот — небольшой оркестр, в состав которого непременно входила флейта и который играл по праздникам или в определенное время суток, заменяя бой часов.

Стр. 27. *Полли* — небольшое дерево (кустарник) семейства бобовых. Растет обычно в сухих, неувлажненных местах. Его цветы — яркого красного цвета.

Сирус (Альбиция) — высокое дерево семейства бобовых, подсемейства мимозовых с белыми цветами. Встречается также в Северной Африке.

Апсары — небесные девы, обитающие в раю Индры, богатромовержца. Предание гласит, что они появились при нахтанье молочного океана (см. прим. к стр. 13).

Стр. 29. *Света десять сторон, //Голубой небосклон// Видит он...* — В Индии различаются десять сторон света: юг, север, запад, восток, юго-запад, юго-восток, северо-запад, северо-восток, зенит и надир.

Стр. 33. *Семь Мудрецов...* — В древних индийских священных книгах говорится о семи великих мудрецах-риши, которые якобы являлись сыновьями Брахмы и авторами ведийских гимнов. Их имена даются по-разному. Считается, что эти мудрецы стали звездами Большой Медведицы. Возможно, что эта легенда основана на созвучии между словами «рыка» (медведь) и «риши» — «риши».

Стр. 34. *О Рудра, повелитель грома...* — Рудра (Ужасный) — одно из имен бога Шивы, обычно когда он воплощает разрушительное начало. Рудра вооружен громовой стрелой.

Стр. 38. *В лес, руками зимы раздетый, //Где истины вечной ищут аскеты...* — Согласно индийской религии, жизнь каждого

прагматического брахмана разделяется на четыре периода — анрама. В последний период (после рождения внуков) он должен удалиться в лес и стать отшельником — саньяси.

Стр. 47. *Урваши* (санскр. желание) — небесная дева, апсара, славящаяся необыкновенной красотой. Ее танец, подобный игре морских волн, очаровывает даже отшельников. Урваши посвящено знаменитое одноименное стихотворение Тагора (см. 2-й том настоящего издания, стр. 208).

Лакшми — богиня счастья и богатства. Так же, как ансары, вышла из молочного океана. Лакшми обычно изображается с цветком лотоса в руке и стоящей на лотосе, который является символом богини.

Стр. 49. *А даль семи морей в литавры гулко бьет...* — Индийская космогония насчитывает семь океанов и тринадцать рек (не имеющих ничего общего с реальными океанами и реками).

Стр. 50. *Канчон* — небольшое деревце, цветущее золотистыми цветами.

Парул — невысокое вечнозеленое дерево с белыми цветами.

Стр. 56. *Журавли*. — Об этом стихотворении Тагор говорил следующее: «Смысл названия таков. Журавли строят гнезда, откладывают яйца, высиживают птенцов... Но вот однажды, повзнувшись властному инстинкту, они покидают знакомые места и летят над свободными просторами морей к новым берегам... Увидев журавлей, летящих в вечернем небе, я вдруг осознал: эта река и лес, земля и вселенная, человек — все они идут к единой цели. Откуда и куда — мне неизвестно. Но у них единый клич: «Не сюда! Дальше! Дальше!»

ИЗ КНИГИ «БЕГЛЯНКА»

Стихотворения из сборника «Беглянка» написаны и опубликованы в 1918 году, когда умерла дочь поэта — Модхурпота, которую прозвали Белой, потому что она походила на белый жасмин — бел. Личное горе поэта наложило сильный отпечаток на все стихотворения сборника — в большинстве своем рассказы о печальных событиях.

Несколько стихов из «Беглянки» были переведены Тагором на английский язык и включены в сборник «Fugitive».

«Освобождение» переводилось на русский язык («Бенгальская поэзия», Гослитиздат, М.—Л. 1959).

Стр. 72. *Бигх* — мера площади, равная около четверти гектара.

Стр. 75. *О Рама!*.. — Рама — легендарный царь Айодхьи, земное воплощение бога Вишну, герой древнего индийского эпоса — «Рамаяны». «О Рама!» — возглас, выражающий удивление, испуг.

Стр. 76. *Джамадагни* — мудрец-риши. В «Махабхарате» рассказывается, что Джамадагни проявил большое упорство в изучении священных книг и «одолея все веды».

. *Будь дочь моя, как Савитри, верна...* — Савитри — героиня вставного сказания «Махабхараты». Она полюбила сына царя Сатьявана, хотя ей было предсказано, что ее возлюбленный умрет через год. В назначенный день явился бог смерти Яма и понес душу Сатьявана в свое царство. Савитри последовала за Ямой и умолила его воскресить мужа. Савитри — символ верной и преданной жены.

Стерев синдур, опять к отцу пришла она... — Синдур — краска, которой замужние женщины красят пробор. Вдовы стирают синдур.

Стр. 78. *Лўчи* — лепешки из пшеничной муки, обжаренные в масле.

Стр. 79. *Пан* — смесь из листьев бетеля (растение семейства перцовых), семян арековой пальмы, извести и других специй, употребляемая для жевания.

Праздник Холи — праздник в честь бога Кришны. Отмечается накануне весеннего равноденствия.

Стр. 82. *Уложенья Ману*... — Ману — имя четырнадцати мифических прародителей человеческого рода. Первый из них — Сваямбхува — считается автором древнего сборника обычаев и верований — «Законов Ману».

Стр. 84. *Мойна* (майна) — небольшая птица семейства скворцовых, отряда воробьиных. Встречается и у нас, в Средней Азии. Легко поддается приручению.

Стр. 86. *Тамаринд* — вечнозеленое дерево с раскидистой кроной. Принадлежит к семейству бобовых. Родина его — Африка.

Стр. 87. *Шиули* (шефали) — кустарник с мелкими ароматными цветами, которые распускаются ночью, а утром опадают.

Ашвин — сентябрь — октябрь. Второй месяц осени, которая считается лучшим временем года в Индии.

Чадор — плотный шарф, служащий накидкой.

Сборник «Малыш Бхоланатх» был опубликован в 1922 году.

Незадолго перед тем Тагор совершил поездку в Америку, где рассчитывал собрать средства для своего университета. Ожидания его не оправдались. Тагор был сильно удручен. «Пребывание в Америке породило во мне глубокое отвращение к деньгам», — писал он своему другу Эндрюзу.

«Недавно я побывал в пустыне американской взрослости, в каменной темнице отвратительного деячества. Вот когда я понял, что нет на свете занятия более пустого, нежели накопительство, — записывает Тагор в своем «Дневнике путешествия по Западу». — Стяжатель, обуянный гордыней, стремится обуздать стремление к Игре, от века присущее миру. Тщетные усилия. Даже если Сегодня связано, Завтра непременно сбросит нуты. Поток капливает груды вещей в своих водоворотах; этот же поток уносит их одну за другой и топтит в пучине лазоревого моря — на груди мира заживают все рацы. Игра творения бескорытна, щедра и свободна — она несовместима с накопительством, возводящим преграды на пути созидания...

Вывавшись из американской атмосферы, наполненной парами стяжательства, я принялся писать «Малыш Бхоланатх». Чувствовал я себя как узник, оказавшийся на свободе и спешащий к берегу моря — подышать чистым воздухом. Когда оказываешься запертым в четырех стенах, начинаешь яснее понимать, что человеческому духу нужен весь простор земли и неба...»

Одно стихотворение из этого сборника («Память») вошло в «Лирику» (Гослитиздат, М. 1961).

Стр. 91. *Пальмира* — всеролистная пальма.

Стр. 92. *Таджин, таджин, таджин* — детский плясовой припев.

Стр. 100. *Гаруда* — легендарный царь птиц, на котором якобы ездит бог Вишну. Голова и крылья Гаруды — как у птицы, тело и ноги — человечески.

Стр. 105. *Праздник Дурги...* — Дурга — одно из имен супруги Шивы. Культ ее очень распространен в Бенгалии... Праздник Дурги (теперь он входит в десятидневный праздник Дасара) справляется в светлую половину месяца ашвини. По индуист-

¹ Б х о л а н а т х — имя Шивы (Властитель заблуждений).

ским поверьям, в эти дни Дурга покидает дом Шивы и отправляется к своим родителям.

Гхат — ступенчатый спуск к реке или пруду, где совершают омовение. Служит также причалом для лодок.

Стр. 112. *Часто сюда прилетают//Павлины для радостной пляски...* — Павлины в Индии пляшут перед наступлением дождей.

Помнишь, о Сите, живущей в лесу,//Ты мне стихи читала... — Сита — героиня «Рамаяны», жена Рамы (см. прим. к стр. 75). Когда отец изгнал Раму на четырнадцать лет, она последовала за ним и долгое время жила в лесах.

Стр. 114. *Дуорани* — в бенгальских сказках нелюбимая жена раджи.

ИЗ КНИГИ «ВЕЧЕРНИЕ МЕЛОДИИ»

Сборник «Пуроби» увидел свет в 1925 году. В него вошли стихотворения, написанные начиная с 1917 года и опубликованные в периодических изданиях.

В 1924 году правительство Перу пригласило Тагора на празднование столетия независимости. По пути через океан Тагор заболел и высадился в Буэнос-Айресе. Врачи запретили ему продолжать путешествие, и он поселился в доме молодой аргентинки — Викторини Окампо, которая благоговела перед Тагором и делала все, чтобы его пребывание в ее доме было как можно более приятным. В Сан-Исидро, где находилась вила Викторини Окампо, Тагор написал много прекрасных стихотворений, вошедших в сборник «Вечерние мелодии». Этот сборник порт посвятил Виджайе (то есть Викторини-победительнице). Посылая экземпляр стихов, Тагор писал: «Примите эту книгу, которую я предпочел бы вручить лично. Я посвятил ее вам, хотя вы никогда не узнаете, что в ней написано. Многие из этих стихов я сочинил в Сан-Исидро. Надеюсь, что книга пробудет у вас дольше, чем ее автор...»

О Викторини Окампо Тагор вспоминал в своих «Последних стихах», написанных перед самой смертью.

Девять стихотворений из «Пуроби» вошли в «Лирику», Гослитиздат, М. 1961.

Стр. 115. *Шоттендронатх Дотто* (1882—1922) — известный бенгальский поэт, автор сборников стихов «Солнце», «Красный порошок» и др.

Стр. 116. *И тогда стрелам огненным Арджуны становились подобны слова...* — Арджуна — герой «Махабхараты», прославленный воин. Бог огня — Агни — дал ему лук Гандиву и помог зажечь лес огненными стрелами.

Альпона — узор, символ гостеприимства. Его рисуют на стенах домов, на полу и на земле.

Стр. 117. *Ашарх* — июнь — июль. Ашарх предшествует месяцу дождей — срабону.

Кадамба — большое декоративное дерево с оранжевыми цветами.

Стр. 120. *Фальгун* — февраль — март. Первый месяц весны.

Стр. 126. *Чампак* — дерево, цветущее золотистыми цветами.

Стр. 130. *Шефали* — см. прим. к стр. 87.

Бойшакх — апрель — май. В бойшакхе бывает сильная жара, нередко пыльные бури.

Васант — бог весны, спутник бога любви Камадевы.

Стр. 131. *Тилак* (Тика) — пятнышко (обычно красного цвета), которое наносится на лоб для украшения. Иногда это знак касты или секты.

Стр. 134. *Индра* — бог-громовержец, правитель рая, где находится знаменитый сад.

Стр. 137. *Тика* — см. прим. к стр. 131.

Стр. 155. *Т р е х л е т н я я*. — Стихотворение посвящено внучке поэта — Нондини.

Стр. 156. *Париджат* — райское дерево, полученное при пахтанье молочного океана. Аромат париджата якобы заполняет весь мир.

ИЗ КНИГИ «МОХУА»¹

Первоначально стихи, вошедшие в сборник «Мохуа», были опубликованы в романе «Последняя поэма». Стихи имели большой успех, и Тагора просили издать их отдельно. Книга «Мохуа» вышла в 1929 году. В нее было включено очень много новых стихотворений.

«Я не склонен раскрывать содержание в названиях стихов... — писал Тагор в одном из своих писем. — Я намеренно

¹ *Мохуа* — индийское дерево с пахучими цветами, из которых готовят крепкое вино.

назвал сборник «Мохуа», чтобы название не было объяснением текста. И все-таки название в чем-то соответствует стихам. Мохуа — спутник весны; в его соке таится опьянение». «В книге «Мохуа» помещены стихи двоякого рода, — продолжал поэт. — Одни из них — обычная лирическая поэзия, игра ритма и слов. Главное в этих стихах — внешнее украшение любви. В других основное значение имеет настроение, мысль, тут преобладает творческая сторона любви...»

Несколько стихотворений из «Мохуа» переведены на русский язык: Сочинения, т. 3, Гослитиздат, М. 1956 (роман «Последняя поэма»); «Последняя поэма», Гослитиздат, М. 1956; «Лирика», Гослитиздат, М. 1961.

Стр. 159. *Дурваса* — мудрец-риши, известный своей вспыльчивостью. Проклял Шакунталу за то, что она заставила его ждать у дверей.

Стр. 164. *Ашока* (санскр. а + сока — пламя) — красивое дерево с мелкими цветами красноватых оттенков. Оттенки эти меняются с возрастом дерева. Ашока считается священным, и в религиозные праздники из его цветов сплетают гирлянды. Есть поверье, что ашока расцветает от прикосновения ноги красивой женщины.

Малоти — разновидность жасмина.

Моллика — арабский жасмин.

Стр. 168. *Тамал* — большое дерево, растущее обычно по склонам гор, у рек.

Стр. 171. *Джам* — дерево с густой листвой. Приносит темно-фиолетовые плоды, по форме напоминающие сливу. Плоды на вкус кислые или кисло-сладкие.

Стр. 176. *Магх* — январь — февраль.

Стр. 184. *Майя* — божественная сила, якобы создающая мир, который благодаря ей приобретает призрачный, нереальный характер. Иногда слово «майя» означает «иллюзия», «волшебство».

Тилоттама — апсара (см. прим. к стр. 27).

Сачи — супруга Индры.

Стр. 194. *Чойтро* — март — апрель; второй месяц весны.

Акондо — дикорастущий кустарник с белыми цветами.

Сборник напечатан в 1931 году.

В 1928 году Тагор ввел два новых праздника — Праздник насаждения деревьев в Шантиникетоне и Праздник пахоты — в Шриникетоне. Эти праздники сопровождались музыкой, танцами, чтением стихов. На одном из этих праздников (теперь они отмечаются по всей Индии) Тагор прочитал несколько стихотворений, вошедших в «Голос леса».

Книга «Голос леса» посвящена известному индийскому ученому, другу Тагора — Джогодишчондро Бошу (1858—1937).

Тагор всегда ощущал тесное родство с природой, с окружающим миром. Еще в молодости он писал:

«Иногда меня охватывает странное чувство: воскресают смутные, расплывчатые воспоминания о той поре, когда я составлял нераздельное целое со всей землей, когда надо мной росла зеленая трава и на меня падал ясный свет осени, когда теплое дыхание юности веяло от моего необъятного, мягкого, зеленого тела при ласковом прикосновении солнечных лучей».

На русский язык стихи из сборника переводятся впервые.

Стр. 200. *Град Богов* (Девапур) — Амаравати, столица бога Индры, славящаяся своим великолепием.

Ашон — молитвенный коврик, место для сидения.

Дивали — праздник огней, сопровождающийся пышной иллюминацией. Справляется в октябре — ноябре.

Стр. 202. *Амаравати* — см. прим. к стр. 200.

Стр. 204. *Джуй* — разновидность жасмина.

Нагкешор — белый (иногда красноватый) цветок, похожий по форме на голову змеи.

Стр. 207. *Шал* — высокое величественное дерево. Тагор очень любил свою знаменитую шаловую аллею в Шантиникетоне.

Стр. 213. *Кугирбаши* — домик для гостей в Шантиникетоне.

Стр. 215. *Тал* — пальмира (см. прим. к стр. 91).

ИЗ КНИГИ «ЗАВЕРШЕНИЕ»

Сборник «Завершение» вышел в свет в 1932 году.

Поэт был глубоко взволнован тяжелой болезнью, а затем смертью своего единственного внука — Нитиндро, которого он послал в Германию для обучения типографскому делу. В та-

ких стихотворениях, как «Победитель бога смерти», явственно чувствуется горе поэта, хотя он и мужественно говорит смерти: «Я сильнее тебя». Памяти Ситу (Нитиндро) посвящен сборник «Снова» (см. т. 8 наст. изд.).

Ряд стихотворений, входящих в книгу «Завершение», является откликом на политические события того времени («Вопрос», «Узникам Бокши»).

Переводы Тагора на английский язык — в книге «Fugitive».

Стихотворение «Вопрос» в переводе Б. Пастернака публиковалось в «Сочинениях», т. 7, Гослитиздат, М. 1957. Остальные стихи переводятся впервые.

Стр. 243. *Бокша* — концентрационный лагерь, куда были заключены участники национально-освободительного движения. Они поздравили Тагора с семидесятилетием. Поэт ответил стихотворением «Узникам Бокши», которое было перехвачено властями.

Стр. 244. *Вопрос*. — Это стихотворение написано в обстановке напряженной национально-освободительной борьбы, под влиянием жестоких репрессий, которые английские власти обрушили на ее участников. Был арестован Махатма Ганди, только что вернувшийся из Лондона с конференции Круглого стола. Тагор послал в Лондон телеграмму протеста, а также выступил с заявлением, которое цензура запретила публиковать в полном виде.

Стр. 248. *Контикари* — небольшой синий цветок с шипами.

Стр. 254. *Саньяси* — аскет, отшельник (см. прим. к стр. 38).

Стр. 260. *Опораджита* — выходящее растение с голубыми цветами.

Стр. 271. *Каширам Даш* (XVI в.) — поэт, переложивший «Махабхарату» на бенгальский язык.

Хидимба — желтоглазый демон (ракшас) устрашающего обличья, людоед, живший в лесах. У него была сестра Хидимба.

Шурпанакха — сестра Равана, царя демонов. За нападение на Ситу Рама велел своему брату Лакшману отрезать Шурпанакхе уши и нос.

Стр. 273. *Борободур* — буддийский храм на острове Ява, где Тагор побывал в 1927 году.

Стр. 276. *В Иране, в день рожденья...* — В 1932 году Тагор посетил Иран. Его день рождения был отпразднован в Тегеране с большой пышностью.

П Ь Е С Ы

1912—1922 годов

Пьесы — «Почта», «Торжество весны» и «Освобожденный поток» — принадлежат к числу наиболее известных драматургических произведений Тагора. Они дают представление о характерных особенностях его драматургии более позднего периода, а также весьма ярко отражают мировоззрение и идейные искания писателя.

Своеобразный символизм и аллегоричность присущи всем трем этим пьесам, как и ряду других драматургических произведений Тагора. В этом проявлялись традиции индийских мистерияльных представлений, преобразованные Тагором более или менее в соответствии с требованиями современного театра. Правда, по утверждению некоторых критиков, он испытал также и влияние европейского символизма. Однако последнее вряд ли имело существенное значение. Дело в том, что если европейскому читателю и зрителю символика ряда пьес Тагора, нередко перерастающая в аллегорию, может показаться чем-то изысканно необычным, изощренной игрой ума, то для индийца, напротив, сама художественная форма драматургии Тагора понятна и привычна. Столь же привычным, традиционным было и музыкальное сопровождение — песни и танцы в пьесах Тагора, который сам создавал для них музыку. Наконец, язык тагоровских пьес большей частью весьма прост. Это, как правило, обычная, нередко даже повседневная бенгальская речь, в которую вкраплены философские и поэтические речения классической индийской литературы, знакомые многим индийцам с детства. Показательно также, что свои пьесы Тагор писал, как правило, для учеников основанной им школы в Шантиникетоне. Они были первыми исполнителями тагоровских пьес, и сам автор участвовал в таких постановках как режиссер и актер. До сих пор пьесы Тагора играют не только профессиональные артисты, — еще чаще они ставятся в школах и колледжах Бенгалии.

Думается, что сказанное выше объясняет, почему Тагор не соглашался с замечаниями об отвлеченном характере многих его пьес и говорил, что для него самого они «вполне конкретны». И тем не менее это все же была «конкретность» (точнее, реальность) идей, отражавших некоторые стороны дей-

ствительности, определенные ее противоречия, но не конкретность характеров и психологии людей. Психологическое раскрытие отступает в пьесах Тагора на второй план, и его герои предстают прежде всего как носители определенных идей и стремлений. Это во многом те же идеи и настроения, которые проявились и в его поэзии.

Пьеса «Почта» была написана в 1912 году и получила известность не только в Индии, но и в Европе, в частности в Германии и Франции, где имела успех в период увлечения символизмом. Главная ее тема — стремление вырваться из гнетущей повседневности — является одной из характерных тем всего творчества Тагора. Однако в пьесе «Почта» неприятие повседневности носит сугубо эмоциональный и даже сентиментальный характер. Оно раскрывается в переживаниях больного ребенка, запертого в четырех стенах и лишенного простой и естественной детской жизни, которая представлялась Тагору идеалом, в особенности в более ранний период его творчества. Точно так же и стремление к лучшей, достойной человека жизни предстает здесь лишь как детская мечта о сказочной стране красоты.

Ребенок как главный выразитель идей и стремлений автора, сказочно-таинственный раджа-избавитель — своего рода Deus ex Machina — «бог из машины», — все это признаки глубокой неуверенности самого Тагора в его поисках выхода из тех противоречий жизни, о которых он рассказывает.

В то же время переживания и мечты ребенка показаны Тагором очень живо и убедительно, они наполняют пьесу своим звучанием, придают ей тонкое очарование. Тагор говорил, что Омоль — это образ его собственного детства, — «ребенок, тоскующий по свободе, и мир, стремящийся удержать его в своих тенетах, поскольку он должен выполнить свои обязанности в мире».

Пьесу «Торжество весны» Тагор написал в 1916 году — всего через четыре года после «Почты». Но как велика разница между этими двумя произведениями. В «Торжестве весны» уже слышны новые мотивы творчества Тагора. Написанная в то же самое время, что и книга стихов «Журавли», эта пьеса близка к ней по своей идейной направленности и настроению. Радостное утверждение жизни здесь наполнено ожиданием перемен, обновления — «весны», и перерастает в призыв к преобразованию жизни людей.

Эта пьеса, которая иным казалась простой и веселой весенней сказкой, на самом деле далеко не проста и не только весела. В ней радостное мироощущение, присущее Тагору, непосредственно противостоит жестокой действительности его родины. Об этой действительности говорится лишь в Прологе кратко и аллегорично, но тагоровская аллегория оказывается весьма многозначительной и определяет направленность всего произведения.

Известный английский исследователь творчества Тагора Э. Томпсон считал Пролог неудачей автора и сравнивал эту часть пьесы с «осенней паутиной, которую сплели не фен, а пауки из пыльного чулана». Так, человек, который провел ряд лет с Тагором в Индии, не понял или, скорее, не захотел понять «соли» пьесы, являвшейся немаловажной вехой в творчестве Тагора. Без Пролога пьеса была бы просто весенней сказкой, рассказывающей о непрерывной смене времен года, и только. Но не того хотел автор. Все дело в том, что эта сказка, полная буйной игры внешних сил юности, разыгрывается перед грубо-эгоистичным правителем, чьего милосердия напрасно ждут голодные подданные, пришедшие к его дворцу. Голодающие крестьяне и безразличие к ним власть имущих предстают как нечто обыденное, но так оно и было в индийской жизни. Сама история создания «Торжества весны» имеет прямое отношение к этой мрачной индийской повседневности. Пьеса была написана и поставлена, чтобы собрать средства для помощи жертвам голода, который поразил в 1916 году бенгальцев. Более того, обстановка премьеры, как оказалось, чем-то напоминала происходившее на сцене в Прологе. Один из друзей Тагора следующим образом характеризовал публику, в большинстве принадлежавшую к английской верхушке калькуттского общества: «Публика, состоящая из владельцев автомобилей, — плутократическая, холодная и безразличная, не только не интеллектуальная, пусть даже ироничная, но просто тупая и глухая. Они купили самые дорогие билеты, либо выглядели так, словно сделали это».

И вот весенняя сказка зазвучала по-иному. Речь в ней идет уже не только о неизменности весеннего обновления жизни вообще, но прежде всего о том, что поток внешних сил должен смести многоликое зло, довлеющее над жизнью людей. В мир идет весна, которая принесет освобождение страждущим — вот главная идея пьесы, и весенняя сказка обретает силу призыва к свободе и решительному обновлению жизни

людей, к борьбе, к отваге и самоотверженности. «Махараджа, знаете, кто может унять плач, что слышится у ваших ворот? — спрашивает Поэт. — Не тот, кто погрузился на дно океана отрешенности, не тот, кто трясется над своим богатством, не тот, кто ушел в работу, не тот, кто перебирает сухие четки долга, а тот, кто ничего не презирает во всем мире, потому, что в груди у него бьется живое сердце. Он побеждает, он терпит поражение, он умеет жить, готов и умереть, он способен сильно страдать и побороть страдание, он создает, потому что владеет тайной радости, тайной подлинной отрешенности». Ожидание обновления жизни рождает и романтическую мечту о геросе, смелом и решительном, готовом жертвовать собою ради людей. «Те, кто обрел бессмертие в смерти, посылают о себе весть в шелесте весенней листвы. Они шепчут повсюду: «Мы не сомневались в избранном пути, не думали о потерях, мы отважно ринулись вперед, мы расцвели! Если бы мы принялись рассуждать, что было бы тогда с весной?»

Протест против социального зла и политического гнета, идеи борьбы за освобождение получили дальнейшее развитие в пьесе «Освобожденный поток», написанной в 1922 году. Поворот в жизни мира, который Тагор предчувствовал и ожидал в 1914—1916 годах, стал совершаться. В самой Индии начался новый подъем национально-освободительного движения, которое становилось массовым и теперь определяло весь ход общественной жизни страны, всю ее идейную атмосферу. Пьеса «Освобожденный поток» явилась откликом на эти события. Она остропублицистична и представляет своего рода манифест, Тагор как бы сливает воедино свою критику различных сторон общественной и политической жизни, более конкретно, чем прежде, говорит о своих надеждах. В эти годы Тагор испытал влияние воззрений Ганди, которые тогда получили широкое распространение в стране и становились знаменем индийского национально-освободительного движения.

Характерно, что в пьесе «Освобожденный поток» критика средневековых установлений и представлений отступает на второй план. В условиях подъема национально-освободительной борьбы, когда создавалась пьеса, это было менее важным. Тагор развертывает свою критику по двум основным и взаимосвязанным направлениям. Это критика буржуазной цивилизации, которая обращает во зло достижения человеческого разума, делает их орудиями порабощения и уничтожения, и

критика национального гнета, расизма и шовинизма, как порождений этой цивилизации.

На первый взгляд может показаться, что в пьесе «Освобожденный поток» Тагор вслед за Ганди выступает противником «современной цивилизации» вообще, противником науки и «машин» как таковых. И сам Тагор писал, что в его пьесе машину, убивающую жизнь, герой побеждает, «жертвуя своей жизнью, а не используя другую машину». Однако Тагор все же не перешел на гандистские позиции. Не случайно в своей пьесе Тагор отказывается наделить творческим гением ученого Бибхути — строителя плотины, который выступает бездушным «жрецом» науки, поставленной на службу угнетению. Ведь самое паучную идею Бибхути крадет у подлинного ученого, стремившегося к благу людей. Главная мысль Тагора в том, что наука и гуманизм должны быть нераздельны, вне гуманизма наука — зло.

Под влиянием событий первой мировой войны Тагор подчеркивает, что существующий строй несет не только эксплуатацию и угнетение, но и порождает массовое уничтожение людей: «Так уж устроен свет: одни посылают людей на смерть, другие гибнут». Но прежде всего его обличающая критика направлена против колониального гнета и грабежа, которые дают и губят его родину, и протест против порабощения народов составляет главное содержание пьесы «Освобожденный поток». С этим протестом связано и обличение «современной цивилизации» вообще, которое имеет целью показать источник колониального порабощения и национального гнета.

Но Тагор не только обличает зло. Пьеса «Освобожденный поток» проникнута оптимистической верой в возможность уничтожения зла и освобождения угнетенных. В отличие от предшествующих произведений Тагора, эта его вера здесь приобретает более конкретный характер. Это уже не только надежда на будущие поколения, но прежде всего вера в народ. Народ видится Тагору всесильным Шивой — его сковали во сне, но он пробудится и разорвет оковы. Тагор уже не только мечтает о герое, но показывает героя, идущего на гибель ради торжества правого дела, — таких людей рождала развернувшаяся борьба за национальную свободу.

Вместе с тем вслед за Ганди Тагор в то время считал единственно правильной формой борьбы — борьбу ненасильственную, что и подчеркивается в пьесе. Идея борьбы, таким обра-

зом, сочетаются с проповедью морального совершенствования, а самоотверженность предстает также и жертвенностью. Однако отнюдь не это основное и главное. В самой идее «ненасилия», как она понималась участниками национально-освободительного движения, содержится также и страстный призыв к стойкости, утверждение морального превосходства борцов за правое дело над его врагами. А главное заключается в том, что Тагор призывал людей к активной борьбе против зла и верил в победу над ним.

П О Ч Т А

Пьеса была написана в конце 1911 года и напечатана в 1912 году.

«Почта» обошла многие театры мира. Тагор был очень рад популярности своего любимого детища.

«Я был тогда, как и сейчас, в смятенном состоянии духа, — вспоминал поэт о времени создания пьесы. — Мои мысли невольно обращались к ребенку, жаждущему свободы, которого мир держит в узких рамках напоминаниями о долге и тому подобных вещах... «Почту» я написал за три-четыре дня. Почти одновременно появились и песни «Гитанджали». Большинство песен сочинены в Шантиникетоне. Я работал каждый день, а иногда и по ночам...»

Пьеса многократно переводилась на русский язык: Собрание сочинений, кн. 5, Португалов, М. 1915; Собрание сочинений, кн. 4, Изд-во «Современные проблемы», М. 1915; «Сочинения», т. 6, Гослитиздат, М. 1957; «Пьесы», Гослитиздат, М. 1957.

Стр. 289. *Аюрведа* — древний трактат по медицине, приписываемый Дхавантари.

Стр. 290. *Чьявана* — мудрец, сын риши Бхригу, считающийся автором нескольких ведических гимнов.

Стр. 291. *Бабу* — вежливое обращение, принятое в Бенгалии.

Стр. 299. *И еще знаю сказку о семи братьях Чампа...* — Имеется в виду народная сказка о семи братьях и одной сестре. Жестокая мачеха убила их и закопала. Но на этом месте выросли деревья чампа (чампак) и парул.

Стр. 308. *Позвольте, я возьму прах от ваших ног...* — Чтобы выразить уважение, бенгальцы низко кланяются, касаются правой рукой ног того, кому свидетельствуют почтение, а затем прикладывают руку к своей голове.

ТОРЖЕСТВО ВЕСНЫ

Пьеса написана Тагором для его учеников и поставлена в Шантиникетоне и Калькутте. Сбор предназначался для оказания помощи голодающим в округе Банкура (Бенгалия). Тагор играл в спектакле две роли — поэта Кобишекхора и слепого певца. По свидетельству современников, игра его оставляла незабываемое впечатление.

Опубликовано «Торжество весны» в 1916 году.

В статье «Моя вера», помещенной в журнале «Шобудж-потро» в 1917 году, Тагор так объяснял значение своей пьесы:

«Главное содержание «Торжества весны» таково: молодежь отправляется на праздник Весны. Праздник этот отнюдь не повод для бездумного веселья, и отмечают его не развлечениями. Только тот, кто поборол дряхлость и старость, преодолел страх перед смертью, может познать радость обновления жизни. Вот почему молодежь провозглашает: «Свяжем Старца, захватим Смерть в плен». В истории человечества встречается немало примеров этой Игры — праздника Весны. Общество дряхлеет, социальный порядок стынет в косности; прошлое гнетет новую жизнь, стремится уничтожить ее. Тогда человек бросает вызов смерти. Совершая революцию, он готовится к празднику наступающей весны. Подготовка к этому празднику уже идет в Европе. Там начинается весенняя игра новой эры».

Пьеса посвящена Динсидранатху Тагору, внучатому племяннику поэта, одаренному музыканту, который записывал музыкальные произведения Р. Тагора.

Переводится на русский язык впервые.

Стр. 311. *Эктара* — однострунный музыкальный инструмент.

Стр. 323. *Бхагавати* — Гаиша.

Стр. 333. *В день праздника качелей...* — Речь идет о религиозном празднике в честь бога Кришны, который, по преданию, жил со своей возлюбленной Радхой среди пастушеских племен. Качели были его любимым развлечением.

Стр. 340. *Гуру* — учитель, духовный наставник.

Стр. 348. *Шимул* — высокое дерево. Растет обычно около водоемов. Цветы — алые.

Стр. 349. *Камини пхул* — белый цветок.

Стр. 350. *Священный шнур* — шнур, который перебрасывают через плечо представителям высших каст в детском возрасте,

Стр. 358. *Который, словно Агастья, хочет осушить море юности...* — Агастья — мудрец-риши. По легенде, выпил океан, чтобы помочь богам в их битве против демонов.

О С В О Б О Ж Д Е Н Н Ы Й П О Т О К

Пьеса напечатана в 1922 году, в журнале «Пробаши».

Пьеса «Освобожденный поток» публиковалась в Сочинениях, т. 6, Гослитиздат, М. 1957; а также в книге: «Пьесы», Гослитиздат, М. 1957.

Стр. 369. *Шатагхни* — метательный снаряд бога Кришны — камень, утыканный железными остриями.

Стр. 387. *Дхоти* — кусок ткани, оборачиваемый вокруг бедер; мужская одежда.

Стр. 388. *Слава тому, кто соединил в себе добродетели кшатриев и вайшья...* — Древнеиндийское общество разделялось на четыре варны (касты); высшая жреческая — брахманы; каста правителей и воинов — кшатрии; вайшья — каста земледельцев, ремесленников, торговцев, и шудры — рабы, слуги.

Составители подстрочников к стихам:

В. Дьяконов, В. Карпушкин, Б. Полянский, Ю. Роцин.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Р. Тагор в Праге (1921)
2. Страница из рукописи сборника «Журавли» (стихотворение «Жизнь и смерть»)
3. Р. Тагор со своей внучкой Нондини
4. Р. Тагор в Шантиникетоне, в своей любимой шаловой аллее, увековеченной им во многих стихах
5. Р. Тагор и Ромен Роллан в Швейцарии (1926)
6. Сцена из пьесы «Почта»
7. Сцена из пьесы «Торжество весны»
8. Р. Тагор в день своего рождения в Тегеране (1932)

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ

1916—1932

Из книги

«ЖУРАВЛИ»

(«Болака»)

1916

Юное племя. Перевод Е. Бируковой	7
Всеуничтожение. Перевод А. Ахматовой	10
Клич. Перевод А. Ревича	12
Труба. Перевод А. Ахматовой	14
Через море. Перевод Ф. Мендельсона	16
Портрет. Перевод А. Сендыка	18
Шах Джахан. Перевод С. Мар	22
Беспокойная. Перевод А. Ахматовой	26
Тадж Махал. Перевод С. Мар	29
Подарок. Перевод М. Петровых	31
Суд. Перевод Ф. Мендельсона	33
Жажда и утоление. Перевод Е. Бируковой	36
Листки юности. Перевод А. Сендыка	38
Прикосновение любви. Перевод А. Сендыка	40
Движение. Перевод А. Сендыка	41
Жизнь и смерть. Перевод М. Петровых	43
Свобода. Перевод А. Сендыка	45
Две женщины. Перевод А. Сендыка	47

Рай. Перевод А. Ревича	49
Весна. Перевод М. Петровых	50
Воздаяние. Перевод А. Сендыка	51
Ты и я. Перевод С. Мар	53
Неведомое. Перевод А. Ревича	54
Журавли. Перевод А. Ревича	56
Отплытие в бурю. Перевод А. Ревича	58
Шекспир. Перевод А. Ахматовой	62
Юность. Перевод А. Ахматовой	63
Новый год. Перевод А. Ахматовой	65

Из книги
«БЕГЛЯНКА»
(«Податок»)

1918

Освобождение. Перевод Е. Бируковой	67
Обман. Перевод С. Липкина	70
Избавление. Перевод Г. Ярославцева	75
Смуглянка. Перевод О. Чухонцева	83
Праздник дедушки. Перевод М. Зенкевича	86
Заблудилась. Перевод А. Наймана	88

Из книги
«МАЛЫШ БХОЛАНАТХ»
(«Шিশу Бхоланатх»)

1922

Малыш Бхоланатх. Перевод А. Эфрон	89
Пальмира. Перевод Т. Спендиаровой	91
Остановившееся время. Перевод Т. Спендиаровой	92
Воспоминанье. Перевод В. Левика	93
Разбитая кукла. Перевод А. Эфрон	95
Путешествие за семь океанов. Перевод А. Эфрон	97
Когда забываешь поиграть. Перевод А. Эфрон	99
Сомневающийся. Перевод А. Эфрон	101
Раджа и его жена. Перевод А. Эфрон	103

Далекое. Перевод Т. Спендиаровой	105
Озорник. Перевод В. Рождественского	107
Другая мама. Перевод В. Рождественского	109
Отвергнутая. Перевод В. Рождественского	111
Беседа. Перевод Т. Спендиаровой	113

Из книги
«ВЕЧЕРНИЕ МЕЛОДИИ»
(«Нуроби»)

1925

Шоттендронатх Дотто. Перевод В. Тушновой	115
Корзина песен. Перевод Т. Спендиаровой	119
Подруга игр. Перевод Д. Голубкова	121
Неведомая спутница. Перевод Д. Голубкова	124
Птица бокуловой чаши. Перевод А. Сендыка	126
Солнце. Перевод В. Рогова	129
Призыв. Перевод Д. Голубкова	132
Мгновенная. Перевод Д. Голубкова	136
Океан. Перевод Т. Спендиаровой	138
Чьи-то шаги. Перевод Т. Спендиаровой	140
Благодарный. Перевод М. Петровых	143
Призыв смерти. Перевод В. Тушновой	145
Дар. Перевод В. Потаповой	146
Быть может. Перевод М. Петровых	148
Рассвет. Перевод А. Сендыка	149
Цветок из чужих краев. Перевод В. Тушновой	150
Рассветная песня. Перевод А. Сендыка	152
Мед. Перевод М. Петровых	154
Трехлетняя. Перевод А. Сендыка	155
Встреча. Перевод В. Потаповой	157

Из книги
«МОХУА»
(«Мохуа»)

1929

Знакомство. Перевод М. Зенкевича	159
Мужественная. Перевод М. Зенкевича	161
Вызов. Перевод А. Наймана	163

Мохуа. Перевод М. Зенкевича	164
Кроткая. Перевод В. Потаповой	166
Улада Взора. Перевод В. Потаповой	168
Загадка. Перевод В. Потаповой	169
Мечтательница. Перевод В. Потаповой	171
Певунья. Перевод В. Потаповой	173
Горожанка. Перевод В. Потаповой	174
Изваянье. Перевод В. Потаповой	176
Садовница. Перевод В. Потаповой	178
Сердобольная. Перевод В. Потаповой	179
Радость. Перевод В. Потаповой	181
Утренняя заря. Перевод В. Потаповой	182
Зеркало. Перевод П. Железнова	184
Благословение. Перевод П. Железнова	185
Новобрачная. Перевод П. Железнова	187
Свидание. Перевод П. Железнова	189
Возвращение. Перевод В. Рождественского	191
На склоне дня. Перевод В. Рождественского	193
Последний мед. Перевод В. Рождественского	194

Из книги
«ГОЛОС ЛЕСА»
(«Бонобаня»)

1931

Перевод С. Шервинского

Хвала дереву	196
Джогодишчондро	199
Манговый лес	201
Лиана Сапфирная	204
Шал	207
Медвяная	210
Кутирбаши	213
Праздник посадки деревьев	
Земля	217
Вода	217
Свет	217
Ветер	218
Небо	218

Из книги
«ЗАВЕРШЕНИЕ»
(«Порешеш»)

1932

День рождения. Перевод Н. Стефановича . . .	219
Путник. Перевод В. Рождественского	221
Неудовлетворенный. Перевод Н. Стефановича .	223
Я. Перевод В. Рождественского	226
Ты. Перевод В. Рождественского	228
Мальчик. Перевод С. Липкина	232
Конец года. Перевод Н. Стефановича	234
Освобожденный. Перевод Н. Стефановича . . .	237
Новый слушатель. Перевод С. Липкина	239
Узникам Бокши. Перевод С. Липкина	243
Вопрос. Перевод Б. Пастернака	244
Несмышленный ум. Перевод Е. Винокурова . .	245
Контикари. Перевод З. Миркиной	248
Тридцать лет назад. Перевод С. Липкина . . .	250
Провозвестник. Перевод В. Микушевича . . .	252
Ожидание. Перевод В. Микушевича	254
Безмолвный. Перевод В. Микушевича	255
Шпион. Перевод С. Липкина	257
Суждение. Перевод А. Ревича	259
Старая книга. Перевод А. Ревича	261
Удивление. Перевод А. Ревича	263
Победитель бога смерти. Перевод А. Ревича .	264
Друзья. Перевод А. Ревича	265
Невозмутимый. Перевод А. Ревича	267
Кувшин с водой. Перевод А. Ревича	269
Страх. Перевод А. Ревича	271
Боробудур. Перевод З. Миркиной	273
В Иране, в день рождения. Перевод С. Липкина	276
Фанатизм. Перевод Е. Бируковой	277
Восток. Перевод С. Липкина	279
Встреча и разлука. Перевод В. Микушевича .	281
Лакшми. Перевод З. Миркиной	282

П Ь Е С Ы

1912—1922

Почта. Перевод И. Световидовой	287
Торжество весны. Перевод С. Цырина под редакцией Е. Вируковой	311
Освобожденный поток. Перевод В. Балина и Е. Гуниной. Стихи в переводе В. Рождественского	363
Комментарии	415
Список иллюстраций	434

Рабиндранат Тагор СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ТОМ 7

Редактор А. И б р а г и м о в. Художественный редактор Г. К л о д т.
Технич. редактор Ж. П р и м а к.
Корректоры: Р. П у н г а и А. Ю р ь е в а.

Сдано в набор 6/V 1964 г. Подписано в печать 8/VIII 1964 г.
Бум. л. 84×108¹/₃₂. 13,75 печ. л.=22,5 усл. печ. л., 17,26 уч.-изд. л. +
+8 вкл. = 17,66 л. Тираж 97 000. Зак. 391. Цена 1 р. 10 к.

*

Издательство «Художественная литература»
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

*

Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой
«Главполиграфпрома» Государственного комитета Совета Министров
СССР по печати. Измайловский проспект, 29.

